Съ сѣвера на югъ
Н. Каразинъ

Съ Сѣвера на Югъ.

Путевыя Воспоминанія Стараго Журавля.

Н. Н. Каразина.

Иллюстрировано авторомъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

6 хромолитографій, 5 гравюръ и 99 рисунковъ въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою 28 Іюля 1899 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

Съ Сѣвера на Югъ.

Путевыя воспоминанія стараго журавля.

Н. Н. Каразина.

I.

Богъ наградилъ меня очень хорошею памятью. Я помню себя и все, что меня окружало, почти съ перваго дня моего рожденія, — и теперь хочу подѣлиться съ вами, долгоносые и коротконосые друзья мои, кое-чѣмъ изъ моихъ воспоминаній.

Насъ въ семьѣ, кромѣ отца и матери, было двое. Въ благородныхъ журавлиныхъ семьяхъ иначе и не бываетъ. Я и моя сестра — родились въ одинъ часъ, и я даже очень хорошо помню осколки скорлупы зеленоватыхъ, испещренныхъ коричневыми пятнышками яицъ, валявшіяся, до поры-до-времени, на днѣ нашего гнѣзда-логовища.

Когда я впервые проглянулъ на свѣтъ, я былъ очень озадаченъ всѣмъ, что видѣлъ передъ собою и ровно ничего не понималъ изъ всего видѣннаго, но скоро — и личный опытъ, и мудрые совѣты родителей заставили меня понимать все окружающее, какъ слѣдуетъ всякой порядочной птицѣ, занимающей въ нашемъ царствѣ пернатыхъ одно изъ очень видныхъ мѣстъ, особенно, если стоишь во весь ростъ, да при томъ еще на пухлой, болотной кочкѣ.

Часъ нашего появленія на свѣтъ Божій былъ ранній, утренній. Солнце еще не всходило, но уже золотистый отблескъ озарялъ густой, ночной туманъ, сплошною пеленою стлавшійся надъ топкимъ болотомъ, окраину котораго заселяло десятка два сродственныхъ намъ журавлиныхъ семей.

Общая картина мѣстности сначала показалась мнѣ не очень-то приглядною, да къ тому-же я чувствовалъ

пренепріятный, рѣзкій холодъ, и, поневолѣ, пожалѣлъ о своей прежней, тепленькой, хотя уже черезчуръ тѣсной и темной квартиркѣ, свѣжія осколки которой, еще мокрыя, валялись подъ нашими слабыми ножками.

Я видѣлъ только ближайшія мохнатыя кочки, нѣсколько жиденькихъ кустиковъ лозняка, кое-гдѣ въ туманѣ свѣтилась вода — и больше ничего... Только надъ головою, очень ужъ высоко, разбѣгались вѣеромъ красивыя, золотыя, подрумяненныя снизу, легкія облака и тамъ, какъ мнѣ казалась, именно въ этихъ облакахъ, весело чирикали и посвистывали маленькія, незнакомыя птички.

Но очень скоро показалось солнце, стало замѣтно теплѣе, и весь туманъ, почти разомъ поднялся и безъ слѣда разсѣялся въ согрѣтомъ воздухѣ. Тогда я просто пискнулъ во все горло отъ восторга, отъ какого-то небывалаго, неиспытаннаго еще чувства восхищенія... Такъ хорошо, такъ величественно, такъ ново было то, что развернулось передъ моими глазами.

Это была чудная, сливающаяся во всѣ стороны съ горизонтомъ, равнина, усѣянная кочками всевозможныхъ размѣровъ... и какими кочками! То покрытыми свѣжими, зелеными побѣгами камыша и осоки, то спрятавшимися подъ бурымъ и красноватымъ, бархатистымъ мохомъ, то, какъ кружевами, оплетенныя причудливыми, ползучими растеніями, усѣянными голубыми, бѣлыми и желтыми цвѣточками. Мѣстами сверкали тонкія струйки воды, но мѣстами, словно зеркало въ узорныхъ рамахъ, стояли цѣлыя озера, особенно одно, довольно далеко впрочемъ отъ нашего гнѣзда, было такъ громадно, что я, какъ ни щурился, не могъ разглядѣть противоположнаго берега.

По небу теперь уже плавно плыли большія бѣлыя облака, и въ озерѣ эти облака также плыли, также сливаясь одно съ другимъ, также мѣняя свои причудливыя, округленныя формы. Въ воздухѣ, и въ одиночку, и по-парно, и цѣлыми крикливыми стаями летали разныя птицы — и въ озерѣ тоже... казалось даже, что рѣзкіе крики этихъ птицъ одинаково повторялись ихъ отраженіями.

Отца не было дома; онъ уже улетѣлъ спозаранку, какъ я послѣ узналъ, на охоту, но мамаша была съ нами и заботливымъ клювомъ почистила нашъ желтенькій пушекъ и даже расправила поочередно наши еще безперыя, крохотныя крыльца, годившіяся пока намъ развѣ только для того, чтобы выражать свой восторгъ передъ этими истинными чудесами невиданной природы.

— Однако довольно вамъ зѣвать по сторонамъ! обратилась она къ намъ. — Теперь вѣдь вы, мои милые карапузы, не въ яичныхъ колыбелькахъ, у васъ нѣтъ готоваго провіанта подъ носомъ и надо самимъ заботиться чѣмъ-бы набить ваши прожорливые желудки.

Едва только она заговорила о съѣстномъ, какъ я почувствовалъ необыкновенный аппетитъ и сестренка моя должно быть тоже, потому что оба мы разомъ раскрыли свои желтые широкіе рты и пропищали:

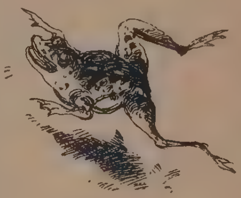
— Ма... ма... ку... шать!

— Такъ вотъ сейчасъ! улыбнулась мама. — Ну-ну! не горланить у меня! Ѣсть я вамъ сейчасъ дамъ... Здѣсь на счетъ пищи сторона куда привольная! Только вы все-таки приглядывайтесь, какъ я стану добывать «жратву» — самимъ вѣдь потомъ придется продовольствоваться.

Мама наша была женщина добрая, но изъ простыхъ, потому и употребляла иногда грубоватыя вы-

раженія въ родѣ «жратвы» и «горланить»... Она сейчасъ-же шагнула разъ, шагнула два и принялась своимъ крѣпкимъ носомъ отдирать мохъ съ боку одной изъ сосѣднихъ кочекъ. Тамъ, подъ мокрымъ слоемъ кудряваго моху, оказалось множество жирныхъ, сочныхъ, аппетитно такъ извивающихся червей, и мы сейчасъ-же получили, каждый поровну, по чрезвычайно лакомому кусочку, при чемъ и мама наша сама позавтракала, мимоходомъ проглотивъ съ полдюжины червей и одну, нечаянно подвернувшуюся подъ ея клювъ, маленькую зеленую лягушку.

Солнышко, да на сытое брюшко скоро пригрѣло насъ, и мы, сдвинувшись вплотную, сладко задремали, какъ вдругъ шумъ и свистъ большихъ, широко машущихъ крыльевъ разогнали нашу дремоту.



Громадный журавль, пепельно-сѣрый, съ бѣлымъ подбоемъ внизу, съ черной, лоснящейся шеею, чернымъ хвостомъ, ярко-краснымъ полудугами надъ бровями и съ роскошнымъ, висячимъ назадъ султаномъ на головѣ, тычкомъ, съ разлета усѣлся около самой нашей кочки и проговорилъ:

— А вотъ и я!

Это и былъ нашъ папа.

Ага! замѣтилъ онъ насъ. — Вотъ они какіе молодцы... Эко уроды! нечего сказать... Сыновья?

— Одинъ сынокъ, а то дѣвочка, дочка... Да ты только посмотри какая!.. вся въ покойницу бабушку! не безъ гордости отвѣтила наша мама и вторично принялась за оправку нашихъ взъерошенныхъ туалетовъ.

Папа показался намъ сначала не изъ особенно нѣжныхъ; потомъ мы убѣдились въ его истинно-отеческой любви къ намъ, доходящей даже до геройства, но

такъ безъ надобности, онъ не любилъ нѣжничать и, вполнѣ довѣряя насъ мудрости и опытности своей супруги, занимался исключительно общественными дѣлами, не вмѣшиваясь въ наше, такъ сказать, начальное воспитаніе.

Вотъ и теперь, для перваго визита, онъ только потолкалъ насъ поочередно клювомъ, словно счетъ

провѣрилъ, одобрительно тряхнулъ хохломъ и, прискакнувъ на одномъ мѣстѣ, прокричалъ кому-то:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью!

Скоро, въ отвѣтъ на его возгласъ послышалось старческое, хрипловатое: «поздравляю»!.. и, раздвигая осоку между кочекъ, появился еще одинъ взрослый журавль, очень уже старый, хотя шагавшій довольно еще бодро и съ увѣренностью.

— Ранніи! проговорилъ гость. И, тоже перетолкавъ

насъ носомъ, добавилъ:— Ныньче, слава Богу, весна теплая... Повсемѣстно ожидаются раннія выводки... Вотъ подростутъ, окрѣпнутъ какъ слѣдуетъ къ «перелету»,—не будетъ такой убыли въ молодежи какъ въ прошлый годъ.

Маменька наша печально вздохнула при этомъ и проговорила:

— Да я тогда тоже обоихъ потеряла. Съ дунайскихъ гирлъ валиться стали... Послѣдняго уже на Балканскомъ кряжѣ бросили... Не хватило силенокъ эво какую путину отмѣрить... Совсѣмъ тогда бабы наши обездѣтили!

Какой такой «перелетъ», какія дунайскія гирла, что это за штука, кряжъ Балканскій... наконецъ — почему тѣ дѣти не выдержали, а на насъ надѣятся? все это для насъ, новорожденныхъ, была загадка сущая, а такъ какъ въ эту минуту, мимо самыхъ нашихъ носовъ, ползъ, съ трудомъ перелѣзая черезъ смятые стебли, широкій, плоскій черный жукъ съ длинными усами, то онъ больше заинтересовалъ наше вниманіе, чѣмъ серьезные разговоры старшихъ, и мы, не безъ страха, наблюдали ползущее чудовище, косившееся на насъ весьма подозрительно своими гранеными, блестящими глазами.

Старика журавля, нашего сосѣда звали «Долгоносъ-Всезнайка». Онъ былъ безсемейный, но дѣтей любилъ очень, особенно насъ, какъ членовъ семьи своего лучшаго друга «Горлана-Трубача»... такъ звали нашего папашу.

Онъ каждый день, а такъ по нѣскольку разъ навѣдывался къ нашему гнѣзду, помогалъ матери, болталъ по вечерамъ съ отцемъ о старинѣ, вмѣстѣ вытанцевывалъ вечерній привѣтъ заходящему солнцу... и часто ночью, когда приходилось зачѣмъ нибудь просыпаться, я ясно видѣлъ черный силуэтъ нашего

стараго друга, неподвижно торчавшаго на часахъ, на ближайшей, самой высокой кочкѣ.

Его звали Всезнайкой не даромъ... Онъ, дѣйствительно, зналъ все, что слѣдуетъ знать высокообразованному опытному журавлю; онъ даже больше зналъ, но не любилъ хвастаться своею ученостью и разсказывалъ свои похожденія всегда кстати и толково, не то что другой журавль «Верхоглядъ» (сосѣдъ слѣва, съ девятой кочки) всего только два перелета совершившій на своемъ вѣку, а уже трубящій на все болото о своихъ подвигахъ, вѣчно повторяя одинъ случай, когда ему привелось, гдѣ-то въ Египтѣ, цѣлыхъ полчаса просидѣть на золотой крышѣ высокаго минарета, въ самомъ центрѣ большаго люднаго города.

Кстати о людяхъ:

Какъ-то утромъ отецъ нашъ замѣтилъ своему другу: что это, молъ, тотъ не спитъ, а караулитъ по ночамъ?..

— Въ нашей сторонѣ, говорилъ отецъ — Слава Богу, «людей нѣтъ», значитъ — все чисто, честно и покойно.

— Нѣтъ пока, да скоро будутъ, отвѣчалъ Долгоносъ-Всезнайка. Дня три тому назадъ я видѣлъ дымокъ вонъ въ той сторонѣ, а вчера бычокъ съ колокольчикомъ подходилъ къ большому озеру... Значитъ близко.

— Мужички что-ли? — переспросилъ отецъ.

— Они самые будутъ... Пастухи — человѣкъ съ пятокъ и собакъ съ ними пары три наберется.

— Ну эти не тронутъ! замѣтила мама. Эта мелкота! У нихъ и снаряду дальнебойняго нѣту... Вотъ тамъ, дальше на полдень, живутъ изверги, настоящіе разбойники... А эти, супротивъ тѣхъ, настоящіе ягнята безобидные...

— Лѣтось и сюда впрочемъ навѣдывались — съ самополами своими — да у насъ топко.

Все, что теперь говорилось, все было для насъ загадочно и тайно, пока впрочемъ... Скоро, когда мы научились бодро шагать по кочкамъ, и даже дѣлать невысокіе взлеты, мы узнали и сами все это, въ ежедневныхъ прогулкахъ, подъ руководствомъ добраго стараго друга Долгоноса-Всезнайки.

II.

Дѣйствительно, мѣстность нашей родины была прекрасна! Да вотъ я лучше стану описывать ее по порядку.

Не только то, что видѣлъ нашъ глазъ съ точки нашего жилища, но гораздо дальше, хоть трое сутокъ лети во всѣ стороны, все разстилалась та же, покрытая кочками, прорѣзанная рѣками и озерами, равнина. «Всезнайка» объявилъ намъ, что равнина эта называется «большія Осташковскія болота». Теперь было начало лѣта, и всѣ болотистые разливы пестрѣли разнообразными цвѣтами... Ярко зеленыя бархатныя лужайки красиво перемѣшались съ озерами и болотистыми топями и служили мѣстомъ веселыхъ сборищъ и паствы всевозможнымъ породамъ утокъ, гусей, куликовъ и прочей водяной собратьи... Иногда мы замѣчали и нѣсколько похожихъ на насъ журавлей птицъ, но только издали похожихъ: это были цапли, неопрятныя, прожорливыя и злыя птицы... Онѣ держались особнякомъ, поближе къ водѣ и ловко вылавливали тамъ зазѣвавшуюся рыбку. Въ укромныхъ мѣстахъ такихъ, чтобы никому со стороны не было

замѣтно, расположились цѣлые поселки гнѣздъ и вездѣ копошились и попискивали крохотные желтенькіе дѣтеныши. Рядомъ съ нашимъ журавлинымъ селеніемъ— скучилась деревня — сѣрыхъ утокъ «кряквъ» и ихъ дѣти, а ихъ было ужасно много, заходили къ намъ безъ боязни; наши ихъ не трогали, зачѣмъ обижать!?... напротивъ даже, наши часовые заодно оберегали и сосѣдей... Гдѣ же тѣмъ нести настоящую военную службу!... По вечерамъ, когда наши журавли собирались вмѣстѣ поболтать да посовѣтываться другъ съ другомъ, а потомъ и поплясать компаніей, и кряквы важно въ раскачку выползали изъ осоки — и охотно дѣлились съ нами своими впечатлѣніями дня, разсказывали свои и бѣды, и радости, только одно скверно: ужасно сплетничали другъ на друга, хотя казалось, что между ними идетъ полный ладъ и согласіе.

— «Всезнайка» объяснилъ мнѣ, что это всегда такъ бываетъ: — всѣ сплетники — большіе лицемѣры; а это крупный недостатокъ во всякой порядочной птицѣ, и что, слава Богу, между журавлями этого порока до сихъ поръ не замѣчено.

Дни свои мы проводили обыкновенно такъ: проснувшись съ утренней зарею, мы отряхивались, расправляли крылья, приплясывая при этомъ, чтобы нѣсколько размять затекшія во время сна ноги, а онѣ у насъ выросли предлинныя... Затѣмъ тотчасъ-же отправлялись на легкую прогулку, иногда съ папою и мамою вмѣстѣ, а чаще съ нашимъ старымъ другомъ... Во время прогулки мы знакомились со свѣтомъ, слушая разсказы и объясненія дядьки, а кстати и завтракали, очень даже аппетитно, потому что на кочкахъ стала уже поспѣвать черника, брусника и превкусная, хотя еще не покраснѣвшая клюква... Иногда мы такъ увлекались этими прогулками, что возвращались домой уже совсѣмъ къ вечеру, какъ разъ

было къ началу совѣщательно-танцовальнаго собранія. Родители наши не безпокоились нашимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, вполнѣ увѣренные въ мудрости и предусмотрительности «Долгоноса-Всезнайки»... хотя мама всегда требовала, чтобы мы разсказали ей о всемъ видѣнномъ за день и слышанномъ.

Мы скоро сами научились понимать, гдѣ можно ожидать опасность и въ какомъ видѣ; мы начали уже распознавать друзей отъ враговъ, а вѣдь это такъ важно въ жизни... Мы, напримѣръ, поняли, что гро-

мадные, страшные такіе на видъ, быкъ и корова, съ длинными, острыми рогами, вовсе не опасны, хоть садись къ нимъ на спину, а что этотъ подлый, маленькій, юркій и красивый хорекъ и еще — тоже красивая съ виду, но презлая красновато-сѣрая лисица— большіе разбойники и страшные враги не только птичьихъ яицъ, но даже самихъ птицъ, особенно молодыхъ, выводочныхъ...

— Потому-то, говорилъ намъ «Всезнайка», вы вѣроятно замѣтили, что всѣ птицы здѣсь построили себѣ гнѣзда вдалекѣ отъ сухихъ мѣстъ, такъ что ни

съ одной стороны къ нимъ нельзя подобраться лихому звѣрю безъ риска, мало того, промочить насквозь свою щегольскую шубку, но даже и совсѣмъ потонуть въ жидкой трясинѣ... Узнали мы еще и другихъ враговъ, горше первыхъ — это были орлы и ястребы... Они высоко рѣяли въ воздухѣ надъ самыми нашими головами и потомъ разомъ, камнемъ валились внизъ, поднимаясь снова, но уже съ добычею въ когтяхъ: съ бѣднымъ куличкомъ, или чиркомъ, или молодымъ гусенкомъ... Появленіе этихъ хищниковъ всегда вызывало большую тревогу въ птичьихъ селеніяхъ; подымался страшный гвалтъ, маменьки расправляли крылья и прятали подъ нихъ дѣтей, мужчины грозно шипѣли и топорщились, а наши храбрые журавли трубили звонко тревогу и принимали такія грозныя позы, что часто это помогало въ серьезъ, и хищникъ не рѣшался спускаться, замѣтивъ съ высоты эти боевыя приготовленія.

Изъ вечернихъ разсказовъ прочихъ журавлей я слышалъ, что людей нельзя считать въ числѣ породъ, дружески расположенныхъ къ намъ, птицамъ (да и не къ однимъ птицамъ, въ чемъ я скоро воочію убѣдился, увидавъ впервые этихъ двуногихъ животныхъ). Это случилось такимъ образомъ:

Пролетѣвъ какъ-то надъ большимъ озеромъ, мы замѣтили на томъ берегу, на песчаной косѣ высокіе столбы чернаго вонючаго дыма.

— Спускаться-ли? боязливо спросила моя сестренка.

— Отчего-же? — замѣтилъ Всезнайка... Мы здѣсь, на самый песокъ, не спустимся, а вотъ туда подальше, гдѣ растутъ эти кудрявые кустики... Тамъ мы увидимъ все, а сами не будемъ очень уже бросаться въ глаза... Надо вамъ и тутъ пріобрѣсти кое-какія полезныя познанія...

Сказано — сдѣлано.

Мы спустились въ кусты и очень скоро хорошо разсмотрѣли небольшую группу людей, столпившихся у разложеннаго костра. Недалеко отъ нихъ пестрѣло въ жидкомъ ельникѣ стадо коровъ и овецъ... Десятка два худыхъ, малорослыхъ лошадокъ держались особнякомъ, постоянно неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ слѣпней и мошекъ...

Люди въ эту минуту, надо сказать, занимались пресквернымъ дѣломъ: они только что зарѣзали молодого барашка и теперь сдирали съ него шкуру... Алая кровь брызгала на песокъ, перепачкала имъ

руки, одежду и даже кое-кому лицо. Изверги эти были, должно быть, очень веселы: пѣли, смѣялись, одинъ даже приплясывалъ, хотя вовсе не граціозно. Около людей полукругомъ сидѣло нѣсколько собакъ, должно быть очень голодныхъ, потому что онѣ очень уже умильно смотрѣли на баранье мясо, распустивъ свои слюнявые красные языки.

— Ахъ, что они дѣлаютъ? съ ужасомъ вскрикнула моя сестра и даже зажмурила глазки. — Разбойники!.. Эти хуже орловъ и ястребовъ!..

— Ну, нѣтъ несовсѣмъ, замѣтилъ глубокомысленно Всезнайка. — Люди сами заботятся о своихъ животныхъ, выращиваютъ въ теплѣ ягнятъ, холятъ ихъ, кормятъ, оберегаютъ отъ волковъ, а вотъ въ награду за свои попеченія пользуются ихъ мясомъ и шкурками, а орлы, тѣ заботятся только о себѣ и хватаютъ чужое безъ разбора, тѣ живутъ разбоемъ, а эти, вишь ты, говорятъ «промысломъ». Послѣ, дѣти мои, вы узнаете, какая такая въ томъ и другомъ настоящая разница.

Только онъ это намъ сказалъ, какъ голодная стая собакъ должно быть замѣтила насъ и со свирѣпымъ лаемъ ринулась въ нашу сторону... Мы струсили порядкомъ и взлетѣли вереницею надъ кустами, далеко оставивъ позади нашихъ преслѣдователей.

— Имѣть сильныя крылья въ нашъ хищническій вѣкъ большое преимущество! замѣтилъ при этомъ нашъ добрый пастухъ, Долгоносъ-Всезнайка.

Съ вечерней зари — вплоть до восхода солнца, надъ болотами, словно звонящій туманъ, носились цѣлыя облака комаровъ и мошекъ. Насъ они ни мало не безпокоили: у насъ вѣдь отросли такія плотныя, щитками наслаивающіяся перышки, что не прокусить никакому комариному жалу, зато людямъ, коровамъ, лошадямъ, собакамъ и всякимъ пушнымъ звѣрямъ

отъ нихъ просто житья не было, особенно когда появились крупные сѣрые слѣпни и зеленыя мухи. Тогда только птицы однѣ и остались на своихъ мѣстахъ, а а все остальное ушло куда-то далеко, вонъ за тѣ покрытыя лѣсами гряды холмовъ, чуть-чуть синѣвшіяся на западѣ... Пастухи наши тоже откочевали и въ нашемъ птичьемъ, болотномъ царствѣ стало совсѣмъ тихо и покойно.

Мы подросли уже очень замѣтно, почти стали одного роста съ папою и съ мамою, прочіе журавлята

тоже, — и собралось насъ молодежи превеселая и многочисленная компанія. Утята, гусята, вообще вся дѣтвора, давно уже оперились какъ слѣдуетъ, и изъ желтенькихъ смѣшныхъ шариковъ превратились въ настоящихъ птицъ. Стало какъ-то оживленнѣе на нашихъ болотахъ, словно населеніе ихъ ни вѣсть какъ увеличилось...

Кругъ прогулокъ нашихъ значительно расширился; мы могли въ одинъ часъ перелетѣть то, на что прежде и дня цѣлаго было много... Иногда мы такъ далеко залетали, что приходилось проводить ночь не дома, и мы научились спать, что называется однимъ глазомъ, выставляя дежурныхъ сторожей, смѣнявшихся по очереди. Въ одну изъ такихъ ночей намъ пришлось быть свидѣтелями ужасной кровавой сцены, оставившей глубокій слѣдъ въ нашихъ дѣтскихъ сердцахъ. Только что мы сладко задремали, стоя полукругомъ на одной ногѣ и поджавъ подъ себя другую, какъ звонкія трубы сторожей заставили насъ проснуться и немедленно подняться на воздухъ. Тогда при свѣтѣ луны мы увидѣли слѣдующее: большая корова тяжело скакала по кочковатой равнинѣ и съ нею рядомъ ея теленокъ, обезумѣвшій отъ ужаса. За ними гнались четыре волка, воя и щелкая голодными зубами. Преслѣдователи были уже близко отъ несчастныхъ и смыкали свой кругъ, отрѣзывая дорогу къ отступленію.

— Отчего она такъ тихо скачетъ? съ тоскою спросила моя сестра, но тотчасъ же и сама поняла причину этой медленности. Мать могла бы спастись сама, но не хотѣла оставить своего бѣднаго, слабаго ребенка...

Мы всѣ жалобно кричали, метались въ воздухѣ, хотѣли какъ-нибудь помочь бѣдѣ, но злые звѣри не обращали на насъ никакого вниманія и ринулись на несчастную маму, остановившуюся наконецъ и приготовившуюся къ отчаянному сопротивленію. Начался

бой — страшный, неравный... Одинъ только разбойникъ подвернулся подъ ударъ крѣпкаго коровьяго рога, зато трое остальныхъ вцѣпились зубами за шею и горло, повалили мирное животное, — и началось варварское пиршество, отъ котораго у насъ даже перья на головахъ поднялись дыбомъ.

— Недурно! прохрипѣлъ кто-то около насъ — этакъ и на мою долю крохотка останется...

Это окозалась большая остроглазая рысь, съ кисточками на ушахъ, прошмыгнувшая мимо своимъ неслышнымъ кошачьимъ пробѣгомъ и присѣвшая неподалеку отъ боя, въ ожиданіи остатковъ послѣ пиршества.

— Видите, какіе разные взгляды на одни и тѣ же событія бываютъ въ жизни, произнесъ нашъ наставникъ. — То, отчего мы пришли въ ужасъ, — этого бандита ушастаго радуетъ... Гибель одного даетъ жизнь — другому... Все какъ будто бы и законно, все правильно. А все-таки я очень радъ, что мы, журавли, принадлежимъ къ разряду птицъ травоядныхъ. Все какъ-то на совѣсти спокойнѣе!

«А червячки, а лягушенокъ?» Вспомнилось было мнѣ кое-что изъ прежде видѣннаго, но въ сравненьи съ тѣмъ, что творилось въ настоящую минуту передъ нашими глазами, — эти червячки и этотъ лягушенокъ показались такою мелочью, о которой не стоило и разговаривать.

Лит. Штадлеръ и Паттинсонъ

III.

Лѣто проходило быстро, почти незамѣтно... Позднѣе стало всходить солнце — раньше и раньше наступали вечернія сумерки. Да и ночи пошли теперь далеко не такія теплыя, какъ бывало прежде, а разъ утромъ такъ даже побѣлѣла роса, словно мелкою блестящею солью осыпало наши, теперь уже сплошь бурыя, кочки. Мошки, комары, мухи злыя давно уже исчезли безъ слѣда, только крупные сѣрые оводы летали еще по одиночкѣ, да и то въ самый полдень, надъ пригрѣтыми солнцемъ мѣстами.

Дымки пастушьихъ костровъ снова появились на окраинахъ нашихъ болотъ, теперь уже гораздо ихъ было больше; куда не глянешь бывало, всюду чернѣютъ, заражая воздухъ сильною вонью... Вообще все предвѣщало начало рѣзкой перемѣны во всемъ окружающемъ «осени, а за нею длинной, суровой зимы», какъ говорилъ намъ нашъ другъ «Долгоносъ - Всезнайка». Имъ же первымъ былъ предложенъ на ве-

чернемъ совѣтѣ вопросъ о перелетѣ, вопросъ, заставившій усиленно биться наши молодыя сердца, инстинктивно чувствующія весь интересъ предстоящаго намъ длиннаго, разнообразнаго путешествія.

На этомъ совѣтѣ всѣ согласились, что «пожалуй и пора», но пересчитавъ наличный составъ нашей колоніи, рѣшили, для увеличенія силъ, дождаться партій съ сѣвера, пригласить ихъ отдохнуть денекъ въ нашихъ мѣстахъ и тронуться дальше уже всѣмъ вмѣстѣ.

— Большимъ войскомъ куда удобнѣе летѣть, разсказывалъ намъ нашъ наставникъ. — Во-первыхъ, веселѣй и легче на счетъ смѣны, а во-вторыхъ, на счетъ становища безобиднѣе... По пути станціи-то окажутся и занятыми иное время, на маленькой караванъ и не поглядятъ, спуститься не дадутъ, ну, а какъ силою идемъ, такъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, самъ убирайся куда знаешь!..

— Когда я залетѣлъ въ Каиръ (это въ Египтѣ), вставилъ тутъ и «Верхоглядъ» свое слово, то я былъ одинъ одинешенекъ... Между тѣмъ какъ и на золотой крышѣ сидѣло уже не менѣе тысячи голубей и ласточекъ; я, однако, не задумался ни одной минуты и прямо...

— Оставь! внушительно, но дружески остановилъ его нашъ папа, — это мы уже столько разъ отъ тебя слышали, что, пожалуй, будетъ больше чѣмъ число голубей и ласточекъ, разлетѣвшихся врозь отъ твоего смѣлаго появленія...

— Я вѣдь къ слову... смутился нѣсколько «Верхоглядъ», зашагалъ къ уткамъ, болѣе охотно слушавшимъ обыкновенно его хвастливые разсказы.

Мы выбрали десятка два болѣе расторопныхъ журавлей и послали ихъ въ разныя стороны, чтобы выглядывали и сворачивали къ намъ перелетныя партіи для общаго сбора, и не прошло и трехъ сутокъ, ко-

гда на нашемъ становищѣ собралось такое журавлиное полчище, что на большомъ разстоянiи всѣ кочки и луговинки были буквально усѣяны красивыми представителями нашей благородной породы.

Утки сосѣдней деревни собрались много раньше нашего и уже слетѣли въ путь, имъ вѣдь надо выгадывать каждый часъ времени, летаютъ онѣ куда тише нашего. Дупеля, бекасы и прочая мелочь поднялись еще раньше утокъ, и мы прощаясь съ ними, обѣщали ихъ нагнать по пути и даже очень скоро...

Сняться съ мѣста мы порѣшили на ночь и весь день наканунѣ мы провели дома на отдыхѣ, не тратя силъ на безполезныя прогулки. Тогда же мы сдѣлали разсчетъ на треугольники, по тридцати журавлей въ каждомъ и учредили передовыя очереди, а также разсчетъ караульной службы на стоянкахъ... Запасовъ дорожныхъ мы никакихъ не брали, не зачѣмъ было... Вѣдь все, — что будетъ нужно, мы найдемъ по пути, мѣстами въ изобилiи, мѣстами, положимъ и нѣтъ, но вѣдь въ большомъ такомъ путешествiи нельзя разсчитывать на одни только удовольствiя.

День самый передъ слетомъ мы, молодежь, положительно провели въ состоянiи самаго безпокойнаго волненiя и удивлялись равнодушiю стариковъ, мирно и покойно дремавшихъ въ ожиданiи сумерокъ.

Какъ длиненъ показался намъ этотъ день, какъ безконечно лѣниво двигалось солнце, какъ скучно и уныло казалась намъ теперь наша когда-то милая, оживленная кормилица, болотная родина.

Солнце садилось такое красное, разливая по небу и по болотамъ зловѣщее пожарное зарево, въ воздухѣ была полная тишина; мы уже разбились на условные треугольники и ждали только сигнала къ поднятiю... Стемнѣло...

Общимъ руководителемъ путешествія избранъ былъ единогласно Долгоносъ-Всезнайка, и первымъ долженъ былъ сняться нашъ треугольникъ, во главѣ котораго начать путешествіе долженъ былъ нашъ папа Горланъ-Трубачъ.

Ровно въ ту минуту, когда послѣдняя точка солнца исчезла въ темной мглѣ на горизонтѣ, — раздался рѣзкій трубный сигналъ предводителя, дружно подхваченный сотнями остальныхъ трубъ, и нашъ треугольникъ не подымаясь сразу очень высоко, съ разбѣга, сначала низомъ, надъ самыми кочками, потомъ все выше и выше, — полетѣлъ плавно, въ тактъ, не горячась взмахивая своими крыльями. Мы летѣли, согнувъ слегка шеи, вытянувъ прямо носы, свободно откинувъ назадъ свои длинныя ноги, и направляли свой полетъ такъ, чтобы задніе не выходили изъ струи разсѣкаемаго передними воздуха, почему, конечно, заднимъ было гораздо легче; а чтобы труды путешествія раздѣлялись равномѣрно, для того и были заранѣе опредѣлены смѣнныя очереди передовиковъ, о которыхъ я говорилъ раньше.

Чѣмъ выше мы поднимались къ небу, тѣмъ темнѣе и темнѣе становилось тамъ внизу... Только озера и протоки свѣтились еще своими неясными, окутанными туманомъ очертаніями, да слабо искрились, подслѣповато моргая, огоньки людскихъ становищъ и чуть чуть доносились унылые звуки ихъ пѣсенъ, лай собакъ и отдаленное вытье проголодавшихся волчьихъ стай, очевидно подбирающихся къ скотскимъ загонамъ, но скоро и это все перестало достигать нашего слуха и только равномѣрный, могучій взмахъ нашихъ крыльевъ, да свистъ разсѣкаемаго холоднаго воздуха нарушали глубокую тишину длинной осенней ночи.

Минута была торжественная! У насъ, у молодежи, захватывало духъ, слово не навертывалось на болтли-

вый языкъ, всѣ мысли, все вниманіе устремлено было только на то, чтобы летѣть въ тактъ, равномѣрно, стройно взмахивая крыльями; смѣны передовиковъ производились также молча... А ночь стала такъ темна, что не только другихъ треугольниковъ, но даже своего всего мы не могли видѣть, какъ не напрягали наше, непривыкшее пока къ темнотѣ, зрѣніе.

Усталости мы, казалось, не чувствовали вовсе, и только къ разсвѣту, когда на востокѣ засвѣтлѣла утренняя заря, мы замѣтили, что крылья наши стали какъ будто гораздо тяжелѣе, ноги уже не держались на отлетѣ назадъ и носы, словно къ концамъ ихъ по камню было привязано, невольно опускались внизъ, оттягивая наши дремотныя головы...

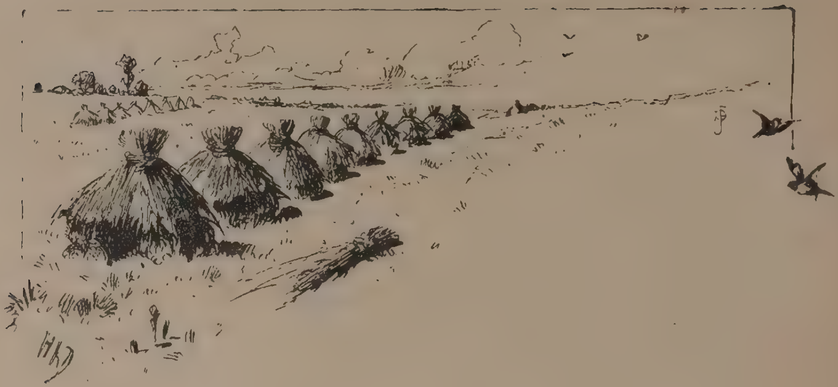
Пора было думать объ отдыхѣ, и вотъ снова раздался призывный сигналъ Долгоноса, по которому мы, также плавно, въ порядкѣ стали спускаться на землю, на новыя мѣста, не виданныя еще нами ни разу.

— Я не могъ сообразить — много-ли мы пролетѣли за эту ночь; сравнивая съ обыкновенными нашими перелетами - прогулками, я полагалъ, что мы разомъ сдѣлали почти то же, что дня въ три продѣлывали понемногу. Эту мою догадку подтвердилъ и нашъ папа, а ужъ онъ навѣрное не ошибался.

— Однако мы для перваго перегона порядкомъ отмахали! замѣтилъ онъ, оглядѣвшись внимательно на этихъ новыхъ мѣстахъ. — Что, дѣтвора, притомились — чай?

— Вотъ ужъ нисколько! пропищала моя сестра, но сію же минуту спрятала головку подъ лѣвое крыло и, приподнявъ правую ножку, сразу заснула самымъ крѣпкимъ сномъ, не обративъ даже вниманія на то, что какъ разъ подъ нею густо переплелись заросли превосходной, почти спѣлой клюквы.

Сколько я ни приглядывался къ этой новой мѣстности, я не находилъ пока ничего новаго и тоже предпочелъ немедленно послѣдовать примѣру сестры, такъ только, и то больше изъ подражанія старшимъ, ткнувъ носомъ направо и налѣво.



IV.

Спали мы недолго. Солнце еще не очень высоко поднялось надъ горизонтомъ, когда мы проснулись и, раскрывъ не безъ лѣни свои заспанные глазенки, не закрывали ихъ уже цѣлый день, — такъ ново и интересно показалось намъ все окружающее.

Опустились мы на небольшомъ болотцѣ, близь веселой рѣчки, бойко бѣгущей между покрытыми кустарникомъ, чудными зелеными берегами... Невдалекѣ виднѣлась большая деревня. Окна новыхъ, украшенныхъ рѣзьбою избъ, весело играли на солнцѣ; за этою деревнею тянулись желтыя полосы крестьянскихъ полей, а на нихъ рядами, ну вотъ, такъ какъ и мы иногда становимся, — торчали кучами сложенные снопы хлѣба — «копны», какъ пояснилъ намъ Всезнайка, — «и копны такія, что не помѣшало-бы, при случаѣ, потыкать въ нихъ носами» — мы это потомъ сдѣлали и не напрасно!.. За полями шли небольшіе перелѣски,

то темные — еловые, то березовые, съ красивыми бѣлыми, точно серебряными стволами и пожелтѣвшею, уже осыпающеюся листвою... За перелѣсками опять деревни, и много даже; нѣкоторыя изъ нихъ съ церквами, — высокими такими, бѣлыми башнями, съ золотыми крестами, на свѣтло-зеленыхъ круглыхъ куполахъ. Отъ деревни до деревни тянулись, извиваясь между полей и лѣсковъ, сѣрыя полосы дорогъ, а одна дорога была широкая, особенно длинная, безъ конца просто; тянулась она все напрямикъ, и по бокамъ у нея торчали тонкіе шесты, съ натянутыми на нихъ проволоками... намъ все это очень подробно пояснялъ нашъ бывалый дядька, онъ даже называлъ какъ такія дороги называются, да я забылъ, не припомню никакъ... Такое смѣшное названіе!.. Вотъ еще: — мы замѣтили, что когда телѣжки, запряженныя лошадьми, катились по маленькимъ дорожкамъ, то ихъ почти и слышно не было, а какъ только онѣ сворачивали на большую, такъ принимались гремѣть и стучать такъ громко, что намъ даже издали, сначала конечно, страшно становилось.

4*

Здѣсь людей было кудабольше, чѣмъ на нашемъ прежнемъ родномъ становищѣ; вездѣ пестрѣли ихъ бѣлыя рубахи и красные платки на головахъ у женщинъ... И какіе они всѣ говорливые! Скотины было тамъ очень много!.. Въ какихъ-нибудь двадцати взмаховъ крыльевъ — около насъ паслось стадо, позванивая своими бубенчиками — и я отлично замѣтилъ маленькаго чумазаго пастушенка, который, засунувъ въ ротъ кусокъ хлѣба и волоча по землѣ свой длинный веревочный кнутъ, глядѣлъ въ нашу сторону весьма подозрительно.

— Однако, въ прошломъ году здѣсь было много

посвободнѣе! произнесъ, обращаясь къ папѣ, Долгоносъ-Всезнайка.

— За дѣтьми не углядишь, въ такой сумятицѣ! замѣтила и наша мама.

Папа-же отрѣзалъ коротко:

— Надо перебираться!..

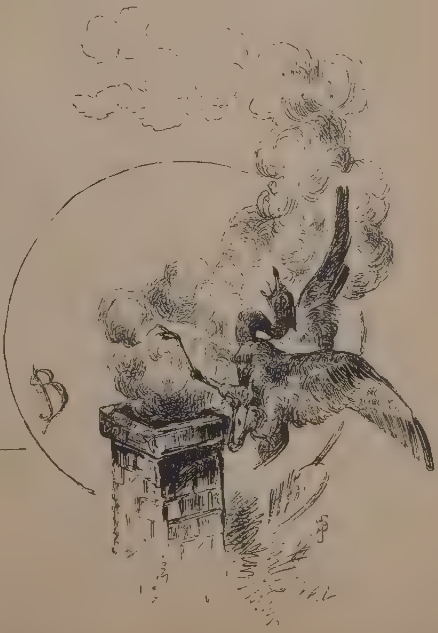
И старики, посовѣтывавшись немного между собою, собрали весь треугольникъ, и мы, не стройнымъ, путевымъ порядкомъ, а за-просто, гдѣ летомъ, гдѣ скокомъ перевалили на тотъ берегъ рѣчки и, перелетѣвъ березовую рощу, опустились на другой, уже сухой луговинѣ, гдѣ, все-таки, было нѣсколько уютнѣе и не такъ на юру, какъ прежде.

Здѣсь мы нашли другой треугольникъ съ Верхоглядомъ. Этотъ молодецъ, какъ намъ разсказывали не безъ улыбокъ, чуть было не поплатился головою — за свои продѣлки... Онъ, видите-ли, узналъ, что всѣ великіе путешественники имѣютъ обыкновеніе оставлять въ интересныхъ мѣстахъ слѣдъ своего пребыванія. Вотъ онъ и спустился, пользуясь тѣмъ, что народъ еще не совсѣмъ проснулся, на печную трубу избы, какъ онъ говорилъ, самого волостнаго старшины, и только что опустилъ въ жерло носъ, чтобы написать свою фамилію, какъ вдругъ изъ трубы повалилъ густой дымъ; Верхоглядъ задохнулся, и чуть-чуть было не шлепнулся внизъ, во дворъ, гдѣ уже ждали его большая, косматая собака и баба съ длинною палкою...

— А все-таки и я букву В успѣлъ написать!.. хвастался «великій путешественникъ».

Ему нельзя было не повѣрить, такъ какъ провѣрять его подвигъ охотниковъ не оказалось.

Заклюй меня орелъ и проглоти самъ крокодилъ, если этотъ молодецъ не погубитъ когда-нибудь весь треугольникъ! сказалъ нашъ папа, Горланъ.



— А, что это такое крокодилъ, папаша? полюбопытствовала сестренка.

— Крокодилъ... это... А вотъ сама увидишь!.. отдѣлался отъ прямаго отвѣта папаша.

— Крокодилъ это, видите-ли, барышня... это такая злая и грязная скотина, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присутствующихъ. Но, тутъ, совершенно неожиданно, раздался громовой звукъ, блеснулъ огонекъ и по ельнику, словно цѣпляясь за темныя вѣтви, потянулось небольшое дымное облачко.

Дослушивать о крокодилѣ было некогда и мы, сорвавшись съ мѣста разомъ, однако не въ разсыпную, полетѣли безъ оглядки прочь и опустились уже далеко, въ получасовомъ разстояніи, отъ нежданной опасности.

— Это, дѣти мои, возгласилъ Горланъ-Трубачъ, — обращаясь не къ намъ собственно, его дѣтямъ, а вообще ко всей молодежи нашей. — Это, что вы слышали сейчасъ, самое худшее на свѣтѣ... Это самая большая и серьезная опасность.. Всѣ цѣлы?

Долгоносъ-Всезнайка уже справился еще на лету и поспѣшилъ отвѣтить:

— Слава Богу!

— Что это такое однако?.. послышались молодые, встревоженные голоса.

— Это охотники! сказалъ намъ папа.

— Тоже люди, пояснилъ Всезнайка, только люди съ ружьями... И я вообще совѣтую всѣмъ — чуть, хотябы издали, замѣтите такого — сейчасъ-же на утекъ... Вѣрнѣе будетъ!

— Однако, кто-же былъ на караулѣ? надо разслѣдовать — чья была очередь? послышались недовольные голоса стариковъ.

Оказалось, что на караулѣ былъ Верхоглядъ — и бѣдный, великій путешественникъ тутъ-же получилъ

весьма изрядную встрепку... Намъ съ сестрой стало даже его жалко.

— Примѣръ строгости необходимъ! Дисциплина во всякомъ дѣлѣ есть первое дѣло, хотя никого изъ насъ и не задѣло, то во всякомъ случаѣ зѣвакѣ Верхогляду досталось за дѣло.

— И вы думаете, что это стихи? пожалъ помя-

тымъ крыломъ Верхоглядъ. Наборъ риѳмъ и избитая мораль — больше ничего!..

Онъ презрительно поглядѣлъ на журавля-импровизатора и, встряхнувшись, пошелъ достаивать свой сторожевой постъ.

Этотъ день мы рѣшились провести на отдыхѣ и даже всю слѣдующую ночь, въ виду того, чтобы уже потомъ — летѣть съ утра и до заката солнечнаго, а не ночью.

— По людным мѣстамъ — этакъ-то будетъ удобнѣе! рѣшили старики.

Въ продолженіе дня мы нѣсколько разъ мѣняли мѣста стоянки и на ночь перебрались опять на новое мѣсто на сжатыхъ хлѣбныхъ поляхъ, гдѣ люди не успѣли свезти одного ряда заманчивыхъ копнушекъ. Мы именно имѣли въ виду это обстоятельство... Хотя эти наши замыслы, немедленно приведенные впрочемъ въ исполненіе, и щекотали непріятно нашу молодую совѣсть, но старики успокоили насъ, объяснивъ, что это хищеніе есть единственный родъ мести людямъ за ихъ уже ничѣмъ не оправдываемое покушеніе на наши головы.

— Вѣдь, вы знаете, господа, говорилъ Всезнайка, усердно теребя роскошный ячменный снопъ — люди насъ тоже ѣдятъ — и, мало того, предварительно еще вымачиваютъ въ уксусѣ...

Ночь прошла совершенно благополучно.

V.

Впечатлѣнія этого дня нашего путешествія были такъ новы, такъ богаты, что ихъ забыть не было возможности. Но впрочемъ по порядку:

До разсвѣта поднявшись, мы летѣли понизью, чуть не задѣвая ногами за вершины елокъ, но чуть только забрезжилъ свѣтъ, какъ мы стали подниматься выше и выше и съ каждымъ взмахомъ нашихъ крыльевъ передъ нами все роскошнѣе, все разнообразнѣй развертывалась чарующая картина — мы перелетали какую-то очень широкую рѣку — видѣли мѣстами церкви и человѣческія жилища, не вытянутыя рядами какъ прежде, а занимающія большія пространства, мы видѣли прямыя, какъ стрѣлы, дороги, по которымъ съ громомъ и грохотомъ катились цѣлые дома на колесахъ, и тащило ихъ впереди страшное чудище съ

огненными глазами и длиннымъ дымнымъ хвостомъ. Мы видѣли другія дороги, по которымъ безъ конца тянулись все повозки, шли люди группами и въ одиночку и все больше въ одну сторону. Мы видѣли, но

все это было ничто въ сравненіе съ тѣмъ, когда, уже около полудня, передъ нашими глазами раскинулся громадный городъ, чуть не сплошь, сверкающія золотыми куполами, безчисленныя церкви, — одна другой краше. Городъ этотъ расположенъ былъ на громадныхъ холмахъ, и почти пополамъ его перерѣзывала рѣка, извиваясь красивою дугою. Черезъ эту рѣку мѣстами перекинуты были мосты, словно ниточки, связывая разрозненныя половины. Между массами каменныхъ зданій, зелеными, даже уже значительно пожелтѣвшими группами виднѣлись красивые сады; безчисленные улицы и переулки казались съ высоты хитро сплетенною сѣткою. Тысячи тысячъ народа толпились на этихъ улицахъ—говоръ и стукъ колесъ долетали даже до нашего слуха, но звукъ, чудный гармоничный звукъ, давно уже занимавшій наше вниманіе — теперь

царилъ надо всѣмъ, наполнялъ свѣжій осенній воздухъ и точно подлаживался подъ мѣрные взмахи крыльевъ нашихъ соединенныхъ треугольниковъ.— Этотъ звукъ былъ повсемѣстный колокольный благовѣстъ.

— Какъ это весело, какъ это красиво! безпрестанно твердила моя сестренка и даже закрывала иногда свои глазки... должно быть отъ избытка удовольствія.

Представьте-же себѣ мое удивленіе, когда я на одной изъ городскихъ площадей замѣтилъ нашихъ... то-есть такихъ-же какъ и мы журавлей, которые, вы-

тянувшись въ рядъ, стояли неподвижно на одной ногѣ, поджавъ кверху другую!..

Я тотчасъ-же сообщилъ свое открытіе сосѣдямъ, что тотчасъ-же пошло по рядамъ далѣе, дошло наконецъ до папы, — и я отчетливо, несмотря даже на колокола, услышалъ его хохотъ, а также и замѣчаніе Всезнайки.

— Это не журавли — это солдаты.

— А, что такое солдаты? раздалось сразу нѣсколько молодыхъ голосовъ.

— Солдаты — это то же люди съ ружьями, но съ ружьями, менѣе для насъ, птицъ, опасными.

— Зачѣмъ-же они стоятъ по нашему? полюбопытствовала сестренка.

— Хорошему примѣру отчего-же не послѣдовать!.. замѣтилъ Всезнайка.

А тѣмъ временемъ мы очутились надъ самою серединою города — нашъ мудрый наставникъ сказалъ намъ названіе его, да, хотя у меня и очень хорошая память, а это названіе я забылъ. Да вотъ я опишу одну изъ его главныхъ примѣтъ, можетъ быть вы по ней угадаете? Слушайте!

Средній холмъ былъ опоясанъ широкою зубчатою стѣною съ разнообразными башнями. Эти стѣны спускались почти къ самой рѣкѣ, и у ихъ подножій зеленѣли ровные скаты, поросшіе деревьями. Въ серединѣ огороженнаго пространства высился громадный домъ съ золотою крышею и около этого дома тѣснились безчисленныя золотыя главы церкви, изъ которыхъ одна была особенно высокая,—выше всѣхъ въ городѣ, и именно изъ-подъ купола этой церкви гудѣлъ самый громкій колоколъ, покрывая своимъ басомъ звуки прочихъ колоколовъ, словно нашъ папа Горланъ, когда на совѣщаніе хочетъ добиться, чтобы всѣ его слушали...

Однако какъ не великъ былъ городъ, но всетаки мы его очень скоро перелетѣли и до ночи успѣли много еще видѣть и тамъ и сямъ—разныхъ городовъ по меньше, разныхъ диковинъ и всего прочаго — и тогда только мнѣ пришла въ голову мысль сравнить наши родныя болота со всѣмъ, что теперь у меня передъ глазами... Ахъ какое невыгодное сравненіе вышло для нашихъ скучныхъ болотъ... Фи!.. Положимъ, говорятъ — родина... Но что такое родина? Случайное мѣсто извѣстной случайности... Почему она можетъ быть дорога, почему мила?.. Когда здѣсь каждая точка, каждое мѣстечко было несравненно красивѣе и пріятнѣй... Не понимаю!..

— А вотъ послѣ поймешь! — замѣтилъ одинъ изъ

старыхъ журавлей... и мнѣ стало очень стыдно. Не потому стыдно, что, какъ оказалось, я мечталъ вслухъ, но потому, что у меня въ сердцѣ говорило что-то будто я, мало того — что мечталъ вслухъ, но и довольно глупо...

VI.

Перелетъ этого дня показался намъ гораздо короче предыдущихъ, но это только казалось: слишкомъ уже много было интереснаго на пути — и этотъ живой интересъ сокращалъ время похода... Спустились мы къ ночи, на широкой полянѣ, среди густаго осиноваго лѣса...

Здѣсь царствовала полная тишина.

Ближайшее человѣческое жилье находилось, по свѣдѣніямъ развѣдчиковъ, не ближе трехъ верстъ, а со стороны дороги мы были скрыты совершенно густыми зарослями. Болотистый ручей пересѣкалъ поляну,—и только что первые изъ нашего треугольника коснулись земли, какъ съ обоихъ его береговъ тревожно сорвались стаи мелкихъ куличковъ, раньше насъ занявшихъ это мѣсто для ночлега.

Папа поспѣшилъ ихъ успокоить и просилъ

остаться покойно ночевать совмѣстно, что видимо обрадовало эту мелкоту и вызвало выраженіе крайней, съ ихъ стороны, признательности.

— А мы думали обогнать васъ гораздо дальше къ югу! — обратился къ нимъ Долгоносъ.

— Да вѣдь куда торопиться! — отвѣчалъ одинъ изъ куличковъ. Время — лѣтнее, теплое, червя этого самаго сколько хошь... Мы это полегонечку...

— Напрасно! — укоризненно замѣтилъ имъ нашъ путеводитель.

— Замѣшкаетесь въ дорогѣ; застанутъ холода,— перемерзнете... Вы откуда?

Куличекъ назвалъ какую-то мѣстность; Долгоносъ удивился.

— Эва!.. Да мы вчера только тамъ были... Давно-ли въ дорогѣ?

— Шестой день... Мы вѣдь полегонечку... Гдѣ намъ шибко-то!

— Однако, все-таки поторопливайтесь... Конечно вамъ не туда куда намъ...— замѣтилъ папа, гордо окинувъ взоромъ и нашу стаю, и сосѣдскую... Вы вѣдь въ дунайскихъ гирлахъ зазимуете, но если будете такъ прохлаждаться, то захватятъ васъ морозы въ степи — худо будетъ...

— Ахъ я помню одинъ ужасный случай съ дрофами... Самъ не видалъ, но мнѣ разсказывали, смѣшался «Верхоглядъ».

— Съ какими дрофами? — полюбопытствовала сестренка.

— Тоже птицы — и даже перелетныя птицы, барышня... Такъ вотъ эти самыя птицы попались, благодаря неожиданному морозу, въ весьма печальное положеніе. Всю ночь, изволите видѣть, шелъ мелкій и теплый дождь и промочилъ ихъ до костей... а онѣ спали. Къ утру же морозъ, да какой!.. Крылья-то и

оледенѣли: ни развернуть, ни взмахнуть, а, тутъ, откуда не возьмись — пастухи...

— Ну... у! протянули тревожные голоса слушателей.

— Тѣ отъ нихъ... куда тутъ!.. бѣгаютъ зря, а тѣ ихъ палками да живьемъ въ полонъ...

— Бѣдныя!..

— Такое побоище разыгралось, и еслибы не я...

— А ты-то тутъ причемъ? расхохотался папа Горланъ.

Верхоглядъ смутился.

— А развѣ я сказалъ «я»... то-есть я хотѣлъ сказать: еслибы не солнышко, да не отогрѣло бы оно немного, всему табуну погибать пришлось бы безъ остатка... Это мнѣ разсказывали гуси, не мнѣ собственно, а моему двоюродному дядѣ... Помните знаменитаго Крутопляса, что два года провелъ въ плѣну и, несмотря, что ему каждую недѣлю подрѣзали крылья, всетаки ухитрился бѣжать, переодѣвшись собакою.

Ну тутъ уже и мы, дѣти, поняли, что разсказщикъ заврался окончательно — и дружный смѣхъ прокатился по всему лагерю, эхомъ отражаясь въ стѣнахъ густаго осинника, задернутыхъ уже дымкою ночнаго тумана.

— Спать! раздался сигналъ предводителя... Спать!.. отозвались тамъ и сямъ голоса вождей!..

— Спимъ! отозвались десятки голосовъ — и столько же носовъ уткнулось подъ лѣвое крыло, быстро погружаясь въ успокоительный сонъ, полный грезъ о будущемъ, воспоминаній о впечатлѣніяхъ прошлаго... Слу...шай!.. доносилось изъ сторожевой цѣпи.

— Слуша...ай! отражалось отъ неподвижныхъ стѣнъ еловаго лѣса... Слушай! замирало гдѣ-то уже очень далеко... и вновь начиналось — гораздо ближе...

Это перекликались наши, вѣрные своему долгу, бодрствующіе часовые.

VII.

Еще было совсѣмъ темно, когда меня разбудилъ голосъ Долгоноса.

Нашъ предводитель отдавалъ какое-то приказаніе, и я разслышалъ только послѣднія слова его рѣчи:

— Вернуться до разсвѣта, и съ такимъ разсчетомъ, чтобы намъ поспѣть «въ горохи» до восхода солнца. Перелетъ небольшой, не болѣе получасу... Смотрѣть въ оба!

Сестрица моя тоже разслыхала слово «въ горохи», и съ просонокъ сладко прищелкнула языкомъ. Я тоже невольно подхватилъ сорвавшуюся съ носа капельку слюны.

Дѣло въ томъ, что мы давно уже слышали о прелестяхъ «гороха», но только до сихъ поръ намъ не приходилось ни разу его попробовать.

Распоряженіе нашего всезнающаго, мудраго путеводителя обѣщало намъ, наконецъ, этотъ вкусный, давно желанный завтракъ.

Конечно, ни мнѣ, ни сестрѣ уже болѣе не спалось.

Я видѣлъ, какъ два маленькихъ отряда нашихъ,

одинъ въ числѣ трехъ, а другой — пяти журавлей, поднялись съ поляны и скрылись въ темнотѣ.

Оба отряда развѣдчиковъ пока полетѣли по одному направленію.

Неугомонный Верхоглядъ полетѣлъ вмѣстѣ съ ними.

— А ты бы остался! крикнулъ ему папа.

— Напутаютъ, боюсь, безъ меня, отозвался нашъ волонтеръ.

— Ты смотри — не напутай!..

Сестра моя окончательно проснулась и шептала мнѣ на ухо:

— Ахъ!.. это... помнишь — говорила мама?.. «это» гораздо вкуснѣе ячменя.

— Я, знаешь... сообщилъ я ей свое предположеніе, — я сначала наѣмся, наѣмся такъ, чтобы уже больше было нельзя; потомъ набью себѣ, про запасъ, полный ротъ, за обѣ щеки... Какъ думаешь, какого вида этотъ горохъ?

Пока мы соображали, что такое за горохъ и какая у него внѣшность, возвратились первые наши посланные.

Они сообщили, что нынче горохи немного ближе къ деревнѣ, чѣмъ были въ прошломъ году, но зато со стороны человѣческаго жилья заслонены большими стогами сѣна, и если занять ихъ пока темно, то до восхода солнечнаго можно поживиться порядочно.

Скоро прилетѣли и остальные развѣдчики.

— А гдѣ Верхоглядъ? встревожился папа.

— Остался тамъ. Сказалъ намъ: вы летите, а я здѣсь постерегу.

— Эхъ — напутаетъ! подумалъ вслухъ Долгоносъ-Всезнайка... Подъемъ!

Какъ ни тихо мы поднялись, однако, встревожили порядкомъ своимъ отлетомъ мирно дремавшихъ куличковъ. Тронулись мы небольшими партіями, такъ какъ

для маленькаго перелета строиться въ треугольники не стоило, — и скоро въ воздухѣ запахло навозомъ и гарью печныхъ трубъ — вѣрнымъ признакомъ человѣческаго жилища.

Темные силуэты косматыхъ, приземистыхъ избушекъ выросли на чуть бѣлѣющемъ горизонтѣ; ближе, нѣсколько въ сторонѣ, виднѣлись болѣе крупныя, темныя массы.

— Новые стога! шепнулъ, обращаясь къ папѣ, одинъ изъ развѣдчиковъ, опережая нашъ отрядъ... Сюда, ребята! Забирай лѣвѣе!

Мы быстро спускались...

Вдругъ я запутался ногами во что-то цѣпкое и съ размаха ткнулся носомъ въ землю.

— Легче! поддержалъ меня папа... Вотъ это оно самое и есть!

— Что — что?..

Сердце у меня забилось сильно — сильно... Я торопливо сталъ выпутывать свои ноги.

— Горохи!

Да, это были горохи! Это было нѣчто превзошедшее наше ожиданіе.

Длинные, спутанные стебли чуднаго растенія были сплошь усыпаны дозрѣвшими стручьями, полными превосходныхъ, сладкихъ зеренъ, иногда въ нихъ попадались и червячки, но особенно вкусные, вкуснѣе даже самого гороха...

Оживленная щелкотня и цѣпкій шорохъ послышались кругомъ.

— Не накидываться! предостерегъ насъ Долгоносъ... Тише, не шумѣть! до солнца еще далеко... люди спятъ, собаки тоже... успѣемъ, не торопясь, наѣсться...

На стражѣ теперь стоялъ самъ нашъ предводитель. Онъ выбралъ мѣсто на вершинѣ стога, и мы

ясно видѣли всю его стройную фигуру на фонѣ предразсвѣтнаго неба.

Подъ такою надежною охраною, конечно, можно было наслаждаться дарами природы совершенно покойно.

Немного только смущало насъ отсутствіе Верхогляда, его даже пробовали окликать въ темнотѣ, но отвѣта не получили.

Вдругъ со стороны деревни донесся до насъ жалобный крикъ, полный смертельнаго страха и отчаянія... Мы узнали голосъ нашего вѣтреннаго товарища.

Съ вершины стога послышался сигналъ тревоги. Вся журавлиная стая сорвалась разомъ и въ безпорядкѣ кинулась на зовъ папа:

— Сюда! за мною!..

Мы перелетѣли оврагъ, по дну котораго блестя струилась маленькая рѣченка и разсыпалась на той сторонѣ, въ кустахъ лозняка.

Стало между тѣмъ свѣтать. Такъ какъ въ настоящую минуту мы находились въ относительной безопасности, то рѣшено было выжидать утра и возможности узнать что-нибудь объ участи нашего бѣднаго товарища. Не бросать же его, въ самомъ дѣлѣ, не испробовавъ какихъ либо мѣръ ко спасенію.

Въ деревнѣ между тѣмъ поднималась тревога. То тамъ, то сямъ въ окнахъ зажигались огни; собаки громко лаяли, перекликаясь и, повидимому, собираясь въ одно мѣсто; ворота скрѣпя отпирались, и оттуда, тяжело переступая не убранныя подворотни стали выходить коровы и лошади... Черныя, курчавыя овцы выкатывались на улицу, словно шарики, съ веселымъ, звонкимъ блеяніемъ... Дымъ повалилъ изъ трубъ... заскрипѣло колодезное колесо, появились дѣти и бабы, кутаясь въ полушубки, почесываясь и лѣниво зѣвая въ руку.

Разсвѣтало быстро… и подъ синею зубчатою стѣною еловаго лѣса блеснули золотыя пятна свѣта, предвѣстники солнечнаго восхода.

Когда стало совершенно свѣтло, то на маленькомъ совѣтѣ рѣшено было послать двухъ опытныхъ и особенно зоркихъ журавлей, — подняться повыше, надъ деревней и разсмотрѣть что тамъ дѣлается.

Папа Горланъ полетѣлъ самъ.

Мы слѣдили за отлетавшими съ самымъ живымъ, лихорадочнымъ интересомъ…

Вотъ они высоко, остановились словно неподвижные кресты, надъ центромъ деревни, ярко освѣщенные снизу лучами солнца, вотъ описали большой кругъ и, медленно, опустивъ книзу носы, пролетѣли надъ улицею, слѣдя за ея изгибами, вотъ спустились низко-низко, такъ что намъ даже страшно за нихъ стало… и снова стремительно взвились ввысь… еще разъ пролетѣли надъ улицею, въ другомъ мѣстѣ спустились, снова поднялись и направились къ намъ.

— Что-то скажутъ!?

Не веселыя вѣсти принесли вернувшіеся съ рекогносцировки. Что собственно сталось съ бѣднымъ Верхоглядомъ, они сказать не умѣли; видѣли только, что передъ воротами поповскаго дома собралась большая толпа, а изъ сарая кто-то кричалъ, требуя веревки и ножницъ.

— Шабашъ! раздался межъ нами чей-то голосъ.

— Дѣло дрянь! согласился другой.

— Веревка… ножницы… о, эти штуки скверныя!.. съ ними не шутятъ.

— Друзья мои! произнесъ, хотя и печально, но твердымъ голосомъ, нашъ предводитель. — Времени терять нельзя! Теперь нашего легкомысленнаго собрата можетъ спасти только самъ Богъ, мы безсильны оказать ему помощь. Да послужитъ вамъ всѣмъ этотъ

печальный случай примѣромъ и предостереженіемъ. По треугольникамъ стройся! — съ Богомъ.

И мы съ болью въ сердцахъ, хотя и съ переполненными горохомъ желудками, тронулись въ путь, размышляя о непрочности счастія вообще и журавлинаго въ особенности.

VIII.

Всю дорогу насъ преслѣдовало самое печальное состояніе духа — мы до сихъ поръ встрѣчали все только удачи и радости, это было первое горе на нашемъ долгомъ пути.

А какъ на бѣду и погода испортилась. Съ сѣвера, словно въ догонку за нами, подвинулись сѣрыя тучи, пошелъ дождь; — окрестности заволокло сѣдою мглою, а подъ нами сплошь тянулись печальныя пространства вырубленныхъ лѣсовъ, межъ которыми чернѣли разбухшія отъ дождя полосы осеннихъ запашекъ.

Нѣсколько разъ намъ удавалось опереживать тучи, вылетать на свѣтъ Божій и отогрѣвать на живительныхъ лучахъ солнца наши озябшіе, намокшіе члены, но къ вечеру небо заволоклось все сплошь, и мы спустились на ночлегъ — на пустырь, на громадномъ пожелтѣломъ лугу, не вдалекѣ отъ болотистаго перелѣска, на опушкѣ котораго пріютилось нѣсколько жалкихъ избенокъ — маленькаго крестьянскаго выселка.

Каково же было наше изумленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда, спускаясь внизъ, мы замѣтили на лугу нашего Верхогляда, покойно прогуливающагося по межѣ и посматривающаго вверхъ, въ ожиданіи нашего прибытія.

— Бить тебя надо — негодяя!— накинулся на него нашъ предводитель.

— И вѣрно, что бить! — подтвердилъ папа.

— За что?—пожалъ намокшимъ крыломъ Верхоглядъ.

— За безпокойство общее!.. Вотъ за что!

— Повѣрьте, что я имѣлъ основаніе безпокоиться гораздо больше, чѣмъ вы, господа,— замѣтилъ Верхоглядъ.

— Ну, ладно, разсказывай — что случилось! гдѣ ты пропадалъ?

— А вотъ это другое дѣло! Конечно, я буду разсказывать и даже нѣчто весьма интересное. Только не сейчасъ, не сразу... А вотъ отдохните, оправьтесь, приготовьтесь хорошенько, а затѣмъ внимайте.

И Верхоглядъ гордо окинулъ взоромъ все собраніе.

— Да-съ, господа!— произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту:—со мною случилось нѣчто совершенно особенное, и только моя опытность, находчивость и необыкновенное счастье при этомъ, дали мнѣ возможность находиться, въ данную минуту, между вами снова, а не оплакивать свою судьбу въ неволѣ, съ подрѣзанными, чуть не подъ корень крыльями, на утѣху грязныхъ, деревенскихъ мальчишекъ... въ лучшемъ даже случаѣ...

— Да ну, не томи... пискнула моя нетерпѣливая сестренка.

— Но Верхоглядъ былъ неумолимъ. И только, когда мы оправились, отряхнулись, передохнули немного и чинно составили кругъ, въ центрѣ котораго помѣ-

стился разсказчикъ, онъ, порисовавшись и даже поплясавъ немного, принялся за свое повѣствованіе.

— Покуда вы занимались горохомъ, милостивые государыни и государи,—началъ свой разсказъ Верхоглядъ: — я, признаться сказать, не особенный охотникъ до этой дряни.... особенно въ виду финиковъ и кокосовъ...

— Это еще что такое? — перебила сестричка.

— Молчи! толкнулъ я ее въ бокъ, — не перебивай.

Верхоглядъ помолчалъ и серьезно взглянулъ въ нашу сторону... оба мы невольно покраснѣли.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока вы кушали горохъ, я отправился пройтись по деревнѣ. Я вообще люблю изучать нравы и обычаи людей и тому подобныхъ животныхъ, и съ этою только цѣлью заглядывалъ во дворы и даже въ окошки... тутъ я замѣтилъ, что одно окошко приподнято и оттуда преаппетитно пахнетъ свѣже испеченнымъ хлѣбомъ. Я вскочилъ на заваленку, всунулъ голову въ окно и сталъ осматриваться: въ избѣ было темно, слышался храпъ и сопѣніе нѣсколькихъ носовъ, а подъ печью хрюкали и возились крохотные поросята; на столѣ, недалеко отъ моего окна, лежалъ цѣльный хлѣбъ, прикрытый полотенцемъ, около стояла деревянная крашенная солонка и лежало нѣсколько красивыхъ деревянныхъ ложекъ.

— Мнѣ пришло въ голову взять одну изъ нихъ на память.

— Украсть по просту! строго замѣтилъ Долгоносъ.

— Странное выраженіе! Англичане цѣлую иглу Клеопатры взяли изъ Египта и относительно ихъ никто такого выраженья не употреблялъ, отвѣчалъ разсказчикъ. — Что же значитъ деревянная ложка сравнительно съ каменнымъ обелискомъ!

— Продолжай! кивнулъ головою папа.

— Такъ, вотъ,—только что я хотѣлъ просунуться въ окно еще немного, какъ вдругъ это подлое окошко щелкнуло и упавшая рама придавила мнѣ шею...

— Ай! ай! Боже! послышались тревожные голоса.

— Боль была нестерпимая, я думалъ, что моя шея по поламъ... я невольно закричалъ во все горло... и принялся биться и рваться, изо всѣхъ силъ... стекла со звономъ полетѣли, въ избѣ всѣ переполошились, какая-то собака съ лаемъ и визгомъ пыталась схватить меня снаружи за хвостъ и ноги, но я брыкался отчаянно и не давался, а между тѣмъ зажгли огонь...

— Такъ вотъ это кто! тащи его, хватай, бей! послышались голоса.

— Зачѣмъ бить! бери живьемъ! заступился кто-то и не прошло минуты, какъ я былъ схваченъ, освобожденъ изъ подъ прищемившаго мнѣ шею окна, зажатъ между чьими-то грубыми колѣнами, а на голову мнѣ надвинули грязный, вонючій мѣшокъ... Я попался въ плѣнъ.

— Отъ боли, отъ недостатка воздуха, отъ непосильной, отчаянной борьбы я сначала потерялъ сознаніе... очнулся на воздухѣ... Меня несутъ, и кругомъ меня идетъ оживленный говоръ... Спорятъ о чемъ-то.

— Тащи къ попу, на дворъ, говоритъ чей-то голосъ...

— А и то правда, говоритъ другой.—У него уже есть одинъ, ему подъ пару...

— Нѣтъ, братцы, и птица какая смѣлая! Я думалъ, что за лѣшій, а онъ вишь ты что вздумалъ!

— А ужъ и напужалась же я, отцы мои! заговорила баба, такимъ сквернымъ, пискливымъ голосомъ,—ноги это отнялись, кричать не могу... Ахъ ты оканнный!..

— Антипка, Васька, Грунька! подь сюда!.. журку пымали! кричали дѣтскіе голоса.

— Да это можетъ поповскій и есть?

— Нѣтъ, дикій!..

— И какъ это его оконцемъ пристукнетъ... въ лучшемъ видѣ!..

«Заскрипѣли какія-то ворота, меня выпустили и сдернули съ головы мѣшокъ. Измятый, измученный, я рванулся и сталъ осматриваться: я находился въ небольшомъ сараѣ, дверь котораго только что плотно прихлопнули. По угламъ стояло нѣсколько кадокъ и большой, пустой ящикъ, дѣтская телѣжка безъ колесъ, кое-какая посуда, а на стѣнахъ висѣли хомуты и разная сбруя.

— Здравствуй, товарищъ! раздалось около меня.

Я вздрогнулъ и сталъ всматриваться въ уголъ, откуда донеслось дружеское привѣтствіе... Каково же мое было изумленіе и радость!.. Я увидалъ журавля нашей породы, спокойно и нѣсколько грустно смотрящаго мнѣ прямо въ глаза.

— Попался бѣдный товарищъ, покачалъ онъ головою.

— Ты какъ же здѣсь? спросилъ я.

— О, я уже давно... уже третій годъ... меня нашли въ лѣсу отставшаго, больного, принесли сюда... и...

— Что же ты не ушелъ?

— Крылья подрѣзаны, — пѣшкомъ не уйдешь!.. проговорилъ онъ печально и чуть не заплакалъ. — Вотъ, погоди, подрѣжутъ и тебѣ!

У меня закружилась голова и въ глазахъ позеленѣло.

Между тѣмъ, за дверью снова послышались голоса мужиковъ и бабъ.

— Гдѣ же это журка-то вновь изыманный? раздался чей-то вопросъ.

— А вотъ, батюшко, въ сарайчикъ къ вашему пока пустили. — Подъ пару будетъ. Совсѣмъ одинъ къ одному, — ровненькіе!..

— Счастливая мысль, дружище, торопливо заговорилъ мой товарищъ по плѣну:—сейчасъ взойдутъ. Навѣрно тебѣ, прежде всего, обрубятъ крылья... Дѣлай что я тебѣ прикажу, — и ты спасенъ.

— Спасенъ!.. О, еслибы!..

— Войдутъ,—ты сиди въ углу смирно, не бойся!.. Относись къ людямъ довѣрчиво, какъ будто ручной, а я притворюсь дикимъ... Понялъ?

— Понялъ.

«Едва только онъ успѣлъ это сказать, какъ дверь осторожно стала отворяться, и на порогѣ показались люди. Впереди всѣхъ старикъ, въ длинномъ сѣромъ подрясникѣ и съ туго заплетенною, сѣдою косичкою на затылкѣ, это и былъ самъ батюшка; за нимъ — двѣ косматыя, рыжія бороды, дальше, еще нѣсколько головъ, въ шапкахъ и безъ шапокъ, далѣе пестрѣли бабьи платки, между ногъ пролѣзали бѣлокурыя дѣтскія головки... Дверь сарая была плотно загорожена человѣческими фигурами и внутри оттого было не совсѣмъ свѣтло.

«Мой спаситель принялся отчаянно биться и метаться по сараю, я же, помня совѣтъ, присѣлъ покойно у бочки и самыми невинными глазами смотрѣлъ на все происходившее.

— Вотъ это мой умникъ? протянулъ руку ко мнѣ батюшка и погладилъ меня по головѣ... Я ни гу-гу.

— Лови его, лови, ребятки! загоняй въ уголъ... Эко шустрый какой, сейчасъ видно, что дикій!

«Но мой великодушный товарищъ по плѣну, бился какъ сумасшедшій, не даваясь въ руки.

— Эй! крикнулъ батюшка, замѣтивъ, что наконецъ моего товарища зажали въ самый уголъ и нѣсколько человѣкъ навалились на него, какъ на меня передъ этимъ.

— Эй, кто тамъ? Аришка! Добѣги къ матушкѣ, въ горницу, принеси веревку, да ножницы.

— Спасайся теперь! простоналъ мой великодушный собратъ. И дѣйствительно — была пора! Моментъ былъ самый благопріятный... Занявшись прежнимъ плѣнникомъ, вполнѣ убѣжденные, что онъ-то и есть новый дикій, враги оставили меня совершенно безъ вниманія. Дверь сарая была отперта настежь; я въ два прыжка очутился на дворѣ, сбилъ съ ногъ Аришку, съ веревкою и ножницами и мигомъ взвился на воздухъ.

— Прощай, другъ! успѣлъ я крикнуть своему несчастному товарищу. Имя твое будетъ занесено въ исторію!

Воображаю ихъ физіономіи, когда они, глядя на мой полетъ, спохватились и сообразили въ чемъ дѣло!

Я летѣлъ безъ оглядки. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ летать такъ скоро. Глядя на меня никто-бы не подумалъ, что это журавль — навѣрное приняли-бы за ласточку — или, по крайней мѣрѣ — за орла. Съ розмаху чуть не ударился о ель головой. Поднялся выше, зацѣпилъ за облако и разнесъ его въ дребезги... летѣлъ—летѣлъ... Но вы не подумайте, что это изъ страха — какіе пустяки! Страхъ это — чувство совершенно не свойственно журавлямъ вообще и мнѣ въ особенности. Я охотно бы остался еще немного посмотрѣть, что дальше будетъ, да вспомнилъ о васъ; мнѣ живо представилось ваше, совершенно понятное, безпокойство и волненіе, и я полетѣлъ васъ догонять. Удивляюсь, какъ это я обогналъ васъ не замѣтивши!.. Вы какою дорогою летѣли?

Верхоглядъ окончилъ свой разсказъ этимъ вопросомъ, предложеннымъ самымъ, повидимому, равнодушнымъ тономъ и оглядѣлъ собраніе.

— Великій подвигъ, — великій, проговорилъ Долгоносъ-Всезнайка.

— Достойный нашей великодушной и благородной породѣ! подтвердилъ папа Горланъ.

— Я полагаю, надменно произнесъ Верхоглядъ... Вотъ вы все мнѣ не вѣрите, все подсмѣиваетесь. Онъ, бѣдный, подумалъ, что это его величаютъ.

— Не о тебѣ рѣчь идетъ, обрѣзалъ его нашъ старшина. — Ты только легкомысленный дуракъ, которому везетъ удивительно... я говорю о томъ, объ оставшемся... Ты говорилъ, что онъ уже три года въ плѣну?..

— Три года, чуть слышно произнесъ окончательно смущенный вѣтреникъ.

— Ахъ нельзя-ли вернуться... нельзя-ли его спасти! засуетилась моя добрая сестренка.

Вся молодежь присоединилась немедленно къ ея возгласу.

— Спасти! печально повторилъ Долгоносъ. — Журавль съ подрѣзанными крыльями уже не нуждается въ свободѣ. Ему все равно не прожить теперь, безъ покровительства человѣка...

— Да и, кромѣ того, онъ тамъ очень и очень нуженъ, вмѣшался снова ободрившійся Верхоглядъ. — Не даромъ-же онъ и живетъ вмѣстѣ съ батюшкою. Онъ служитъ людямъ хорошимъ примѣромъ: мнѣ онъ успѣлъ шепнуть, что даже всѣ проповѣди сочиняетъ собственно онъ, а батюшка только учитъ наизусть и потомъ выдаетъ за свои.

— Опять ты за вранье! экой ты право не исправимый!.. остановилъ его папа... И такъ, дѣти мои, передъ сномъ пропляшемъ въ честь нашего героя-товарища торжественную пляску. Становись, начинай!

И мы всѣ, вытянувшись въ рядъ, исполнили

самый замысловатый танецъ, не смотря на назойливый, холодный дождь, видимо зарядившій на всю ночь.

Верхоглядъ, ссылаясь на чрезмѣрную усталость, уклонился отъ этого обычнаго выраженія нашего торжественнаго настроенія духа.

IX.

Только передъ утромъ стало разъясниваться, подулъ холодный вѣтеръ, и мы поневолѣ вспомнили эпизодъ съ дрофами... Надо было скорѣе согрѣться, а то просто крылья отказывались служить какъ слѣдуетъ. Къ тому-же и насчетъ покормки здѣсь было очень плохо: несчастное поле, принадлежащее нищенскому выселку, было давно сжато и снопы свезены, а кругомъ, сколько не видѣлъ глазъ, ничего не замѣтно было путнаго.

Опытные путеводители наши успокоили насъ сообщеніемъ, что на полдорогѣ встрѣтятся мѣста по привольнѣе... Въ дорогу — такъ въ дорогу!..

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ югу — мѣстность мѣнялась значительно... Своего родного

темно-зеленаго ельника мы уже больше не видали, да и и красавица березка стала появляться все рѣже и рѣже.

За то, взамѣнъ ихъ, подъ нами разстилались кудрявые, дубовые лѣса, частью уже терявшие свою листву, частью еще сохранявшие свой роскошный уборъ... И какой пестрый — красивый! Золотисто-желтый цвѣтъ, признакъ наступившей осени, смѣнялся то огненно-краснымъ, то темно-бронзовымъ. Кое-гдѣ, ярко-зелеными ковриками, сквозили мокрыя полянки, усѣянныя красными точками запоздавшихъ цвѣтовъ; дороги тянулись уже не сѣрыми пыльными лентами, а широкими, маслянисто-черными полосами,

и по нимъ медленно ползли обозы телѣгъ, запряженныхъ волами. Волы эти были тоже особенные, большею частью свѣтло-сѣрые, съ громадными раскидистыми рогами, а около нихъ шли люди въ бараньихъ шапкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и такихъ-же широкихъ шароварахъ... Почти у каждаго въ зубахъ дымилась трубочка, и шли они понуривъ головы, лѣниво ступая по липкой, черноземной грязи дороги.

Встрѣчавшіяся намъ теперь деревни и села тоже были уже не того вида, что прежде. Здѣсь не было

этихъ веселенькихъ, бревенчатыхъ домиковъ, съ высокими коньками и кружевною рѣзьбою по карнизамъ, съ рогатыми изгородями вокругъ, съ скрипучими во-

ротами, усѣянными блестящими шляпками гвоздей... Здѣшнія человѣческія жилища были приземистыя, съ глиняными, выбѣленными стѣнами, съ крохотными окошками и съ тяжело нависшими, гладко причесанными, соломенными крышами. На заваленкахъ, подъ окнами этихъ домиковъ, — «хатъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, сидѣли сѣдоусые старики, опершись на палки, а около нихъ копошились смуглые ребятишки; нѣкоторые изъ нихъ играли въ бабки, другіе просто весело шлепали босыми ногами по сверкающимъ на солнцѣ, дождевымъ лужамъ; у колодца толпились крикливыя, по обыкновенію, бабы, споря о чемъ-то, да такъ громко, что даже до насъ долетали ихъ задорные голоса... По-одаль отъ жилья, на возвышенныхъ мѣстахъ, выстроились цѣлые ряды вѣтряныхъ мельницъ, грозно маша своими растрепанными отъ вѣтра крыльями: у мельницъ тѣснились воза, нагруженные бѣлыми мѣшками, и распряженные волы дремали около, лѣниво пережевывая свою вѣчную жвачку. Цѣлые города золотыхъ скирдъ окружали такія деревни, а далѣе тянулись безконечныя пространства убранныхъ полей и, уходя въ лиловатую даль, окутанныя легкою дымкою пара, разстилались свѣжія пашни, а на нихъ кое-гдѣ, яркими пятнами, бѣлѣлись рабочіе волы, парами, по двѣ и по три — одна за другою, тяжело волоча за собою, глубоко врѣзавшіеся въ почву своимъ желѣзомъ, неуклюжіе плуги.

И эти поля тучнаго чернозема, и эти неустанно вертящіяся мельницы, и эти города золотыхъ скирдъ, и даже эта упорная медленность въ движеніяхъ — все говорило объ избыткѣ сытости и довольствѣ.

— Тутъ и на нашу долю хватитъ, сообщилъ намъ папа и сталъ перекликаться съ главарями сосѣднихъ треугольниковъ.

Рѣшено было спуститься на старыя жнива, поодаль отъ села, гдѣ, какъ оказалось, можно было довольно таки пособрать забытыхъ, разоренныхъ отъ сноповъ, колосьевъ, да и такъ, просто высорившейся, спѣлой пшеницы.

Шумно и весело, хлопая крыльями и хоромъ протрубивъ сигналъ къ отдыху, мы спустились на жнива и тотчасъ-же принялись за покормку.

Одинъ Верхоглядъ былъ не въ духѣ. Онъ даже не болталъ разнаго вздору, по обыкновенію, и, лѣниво потыкавъ носомъ въ сырую, податливую почву, присѣлъ въ борозду, подтянувъ свои длинныя ноги.

— Боленъ, что-ли? заботливо подошла къ нему наша мамаша.

— Боюсь, ногу не повредили-ли мнѣ давеча, отвѣчалъ Верхоглядъ.—Да и шея того, побаливать что-то начала! Просто повернуть не могу!

— Это отъ окошка, замѣтилъ кто-то.

— Должно быть. Спервоначалу-то въ горячкѣ, я не замѣчалъ, а вотъ теперь здорово болѣть стала... гляди — индо пухнетъ!

Всѣ мы окружили нашего бѣднаго вѣтреника, выражали ему, какъ кто умѣлъ, свое соболѣзнованіе, а помочь чѣмъ не знали.

— Смотри, не расхворайся въ серьезъ! замѣтилъ Долгоносъ. — Отстанешь отъ міра — пропадешь!

— Я и то боюсь!.. Ну, да авось Богъ смилуется... Только-бы погода постояла потеплѣе!

Порѣшили, чтобы Верхогляду съ этого перелета находиться въ хвостѣ, гдѣ полегче, и въ смѣну передовиковъ его не наряжать.

Подошелъ тутъ Долгоносъ-Всезнайка, пытливо

посмотрѣлъ на Верхогляда, а тотъ такую жалостную позу принялъ, что я чуть не заплакалъ, на него глядя.

Папа отошелъ съ нашимъ предводителемъ въ сторону и стали совѣщаться о чемъ-то, все поглядывая искоса на больнаго; очевидно, что предметомъ совѣщанія былъ именно онъ самый.

Любопытная сестренка, бокомъ — да бокомъ, словно какъ увлекаясь зернышками, обильно разоренными повсюду, подобралась поближе къ совѣщавшимся, и потомъ опрометью, не выдержала, и подбѣжала къ нашей группѣ... Глазенки у нея сверкали весело и радостно.

— Ничего, проговорила она торопливо, — Долгоносъ говоритъ, что нога и шея, это ничего, — поболитъ и перестанетъ. Вотъ крыло-бы если, ну, тогда бѣда!.. Хотятъ теперь, ради него, нѣсколько дней перелеты дѣлать покороче, а привалы подольше. Старикъ сказалъ, что мы много уже про запасъ пути забрали; времени хватитъ.

— А ты, что болтаешь, сорока! незамѣтно подошелъ тутъ папа и стукнулъ сестренку по затылку.

— Ай, папка! больно! вскрикнула та... ишь ты «сорока»... самъ ты воробей!

И всѣ мы невольно расхохотались, такъ намъ смѣшно и не подходяще показалось — названіе «воробей», отнесенное къ такому рослому, красивому и статному журавлю, какъ нашъ папа.

Сестренка моя была общая любимица и ей многое прощалось, что не совсѣмъ согласовалось съ нашею суровою дисциплиною.

На этомъ привалѣ мы познакомились, между прочимъ, съ парою великолѣпныхъ аистовъ. Это были красивыя, бѣлыя долгоногія и долгоносыя птицы, съ черными хвостами и чернымъ-же окаймленіемъ на концахъ крыльевъ, носы и ноги ихъ были ярко-краснаго

цвѣта. Гнѣздо ихъ было на крышѣ крайней хаты, у самой печной трубы. Эта пара была молодежь, какъ и мы съ сестрою, нынѣшняго весенняго выводка, и тоже готовились къ отлету! Стадо ихъ паслось нѣсколько подальше, по болотистой низинѣ, а эти прилетѣли сюда къ намъ, просто изъ любопытства познакомиться, какъ они говорили, съ знатными иностранцами.

Премилыя были и весьма образованныя птицы.

Онѣ только оказались совсѣмъ иного съ нами мнѣнія о людяхъ: — люди, какъ они говорили, весьма мирныя и даже пріятныя животныя, и даже состоятъ съ аистами въ большой дружбѣ, и сами аисты никогда не отказываютъ людямъ въ покровительствѣ. Гнѣзда свои аисты вьютъ, большею частью, на крышахъ человѣческихъ жилищъ, и даже на крестахъ и куполахъ церквей, выбирая вообще мѣста видныя, открытыя и непремѣнно на солнцепекѣ.

— Терпѣть не можемъ, говорили они, этой сырой и скверной тѣни.

— А люди развѣ васъ не ѣдятъ? спросилъ одинъ изъ нашихъ.

— И не вымачиваютъ предварительно въ уксусѣ? полюбопытствовалъ другой.

— О, никогда! отвѣчалъ одинъ изъ аистовъ... Они проникнуты такимъ къ намъ уваженіемъ, что не осмѣлились-бы... Да при томъ, они обязаны намъ за массу пользы, которую мы имъ приносимъ, и отсутствіе вреда.

— Какая-же отъ васъ польза? спросилъ я, заинтересовавшись общимъ разговоромъ.

— А такая, что мы истребляемъ всякую гадость вокругъ ихъ жилищъ, убиваемъ змѣй.

— И никогда не трогаемъ ихъ хлѣба.

— Вкуса у васъ, значитъ, нѣтъ настоящаго, язвительно замѣтилъ нашъ больной, пододвинувшись къ намъ поближе.

— О вкусахъ не спорятъ! замѣтилъ, слегка наклонившись, одинъ изъ аистовъ... Но во всякомъ случаѣ я не понимаю вашей боязни людей. Мы, напримѣръ, гуляемъ совершенно покойно, по улицамъ и даже собаки на насъ не бросаются, гнѣздъ нашихъ не трогаютъ, даже во время перестилки крышъ, даже поправляютъ, если что испортится за зиму, во время нашего отсутствія. А когда мы весною рано возвращаемся домой... О, еслибъ вы видали тотъ живой восторгъ и радость, съ которыми насъ встрѣчаютъ люди! Наше возвращеніе для нихъ сущій праздникъ!

— Вы—одно дѣло, мы—другое, вставилъ тутъ, молчавшій до сихъ поръ, нашъ папа.

— Позвольте мнѣ сказать слово, вмѣшался Верхоглядъ. Онъ, по случаю нездоровья, былъ въ желчномъ настроеніи духа и ему почему-то захотѣлось срѣзать зазнавшагося немного аиста.

— Вы, господа, дѣйствительно оказываете нѣкоторыя услуги людямъ, но этого для нихъ мало. — Люди вообще такіе эгоисты, мнѣ издали это виднѣе — и чувство благодарности у нихъ не особенно развито, а спасаетъ васъ именно этотъ самый человѣческій эгоизмъ.

— Это какъ-же?..

— А очень просто: — вы, господа аисты, питаетесь всякою дрянью, какъ вы сами изволили выразиться, и потому ваше мясо ни къ чорту не годится! Извините за рѣзкое выраженіе... наше-же мясо, благодаря преимущественно растительной пищѣ, промаринованное и хорошо приготовленное, составляетъ весьма лакомое блюдо, и потому...

— Удивительное достоинство быть годнымъ для чужаго желудка, презрительно пожалъ плечами аистъ.

— Есть чѣмъ хвастаться! добавилъ другой.

— Я и не хвастаюсь, это законы судьбы! — я только объясняю главную причину вашей безопасности. Вотъ,

напримѣръ, галки... вѣдь это совершенно уже, съ позволенія вашего, дрянь, а тоже чувствуютъ себя недурно подъ общею кровлею съ человѣкомъ.

Но тутъ папа замѣтилъ, что разговоръ принимаетъ острый характеръ, поспѣшилъ замять дѣло и перемѣнить тему.

— Господа, не забывайте, что благородные аисты наши гости въ данную минуту.

Только что онъ хотѣлъ продолжать, и навѣрное что нибудь удачное, какъ тутъ одинъ изъ аистовъ сталъ уже придираться.

Ему, видите, обидно показалось слово «гости».

— Какъ мы гости! вспыхнулъ онъ. Это вы здѣсь прилетные гости, а на этихъ поляхъ полные хозяева мы. — Знаете-ли вы, господа, что это все земли, принадлежащія нашему селенію?

— Не будемъ спорить, господа, поспѣшилъ Долгоносъ, а лучше, вполнѣ признавая права господъ аистовъ на ихъ земли, мы можемъ надѣяться, что тѣ не откажутъ намъ въ гостепріимствѣ и позволятъ мирно окончить нашъ привалъ. Не правда-ли, господа!

— О, это другое дѣло, отвѣчали разомъ, польщенные такимъ оборотомъ дѣла, аисты. Мы тоже на дняхъ собираемся въ длинный путь.

— Въ Каиръ?

— Да, можетъ быть и далѣе немного.

— По нашему слѣду, значитъ.

— Своею дорогою. До свиданья, господа, счастливаго пути!

— До свиданья!

Аисты вѣжливо раскланялись и улетѣли.

Когда они скрылись, папа проворчалъ имъ вслѣдъ: проваливайте! и сердито добавилъ:

— А — жаль! этимъ зазнавшимся нахаламъ не мѣшало бы задать хорошую встрепку.

— Опасно! замѣтилъ Долгоносъ.

— Эхъ кабы я былъ здоровъ! досадливо воскликнулъ Верхоглядъ.

— Опасно, продолжалъ нашъ опытный вождь, — потому что тронь мы только этихъ молокососовъ, какъ соберется громадная стая, — и намъ пришлось бы имѣть серьезное сраженіе.

— Такъ какъ я боленъ, то весьма для насъ невыгодно, подхватилъ хвастунъ Верхоглядъ.

— Пожалуй! улыбнулся Долгоносъ — а, главное потому, что носы у аистовъ длиннѣе и крѣпче — это важнѣе! — И повѣрьте, друзья мои, что и для сильныхъ міра самое мудрое правило — избѣгать войны, гдѣ можно кончить дѣло, хотя бы и плохимъ миромъ. — Ну, пора въ дорогу!

Когда мы, выстроившись, поднялись довольно высоко и передъ нашими глазами развернулась чудная панорама съ далекимъ синѣющимъ горизонтомъ, и, какъ на ладони — обозначился планъ обширнаго села, со всѣми его окрестностями, мы замѣтили громадную стаю аистовъ, собравшуюся у мельницъ. Тамъ, очевидно, шли оживленные переговоры и оттуда доносились воинственные крики.

— Хорошо, что во время! сказала наша мама. Эво — сколько ихъ тамъ собралось! видимо невидимо!

Верхоглядъ, летѣвшій на этотъ разъ позади всѣхъ, теперь сталъ безпокойно оглядываться и даже поторапливать переднихъ.

Болѣзнь отнимаетъ бодрость духа, и нашъ герой сталъ немного трусить.

Незадолго до солнечнаго заката — передъ нами заблестѣла громадная рѣка, одинъ берегъ которой былъ гористъ и спускался крутымъ обрывомъ, другой же разстилался совсѣмъ въ уровень съ водою, былъ покрытъ сплошь лѣсами, и въ темныхъ массахъ этихъ

лѣсовъ свѣтились безчисленные водные заливы — затоны, обрамленные густыми порослями потемнѣвшаго камыша и осины. Длинныя песчаныя отмели тянулись вдоль этого низменнаго берега, и эти отмели были оживлены стаями утокъ, дикихъ гусей, куличковъ и всякой мелкой водяной птицы.

— Днѣпръ! ребята! крикнулъ намъ папа Горланъ. Это все перелетныя собрались. Здѣсь у нихъ главное становище; — тутъ и мы спустимся на ночь и на весь слѣдующій день.

— Дневка! подтвердилъ Долгоносъ.

— Дневка, дневка!.. радостно загудѣло по всему клину и отозвалось въ другихъ, сосѣднихъ.

X.

Боже мой! какимъ шумомъ, гамомъ, галдѣніемъ и пискомъ встрѣтило нашъ слетъ все многочисленное, временное, какъ и мы сами, населеніе одного изъ затоновъ, еще издали намѣченнаго нами для ночлега.

Здѣсь были стаи сѣрыхъ чирковъ, занявшихъ окраину камышей; на срединѣ затона плавали группами дикіе гуси, глубоко ныряя за рыбкою, между ними замѣшались черныя гагары и нырки, въ пескѣ копошились долгоногіе кулички, бойко шныряющіе по мелкимъ лужицамъ, правѣе, у старой, подгнившей, полусвалившейся ивы стояло десятка два угрюмыхъ колпицъ, съ широкими носами-лопатками, гдѣ-то дальше, въ чащѣ осоки, протяжно, словно мычаніе вола, гукали выпи... И не перечесть просто кого, кого тутъ не было.

Мы же, чтобъ не особенно безпокоить прежде насъ прибывшихъ, заняли сухую полянку, саженяхъ въ двадцати отъ воды, всю сплошь покрытую мшистыми кочками. Здѣсь росло много ежевики, превкусной

такой ягоды, и кромѣ того попадались жолуди, такъ какъ здѣсь преобладалъ лѣсъ дубовый, хотя и не очень уже рослый... Еслибы эти жолуди были не такъ тверды, право это было бы недурное блюдо... Мы попробовали, болѣе изъ любопытства, но, въ виду лучшаго, ограничились только пробою.

Съ нашей стороны можно было обозрѣвать весь затонъ и кромѣ того значительную часть самой рѣки, по которой въ данную минуту медленно плыла грузная барка съ громаднымъ бѣлымъ парусомъ... На баркѣ виднѣлись люди, но это было такъ далеко отъ насъ, что мы не безпокоились нисколько.

Часовые наши заняли мѣста очень удачно, что было весьма трудно, такъ какъ мѣстность оказалась закрытою, и количество часовыхъ пришлось значительно увеличить.

Въ эту ночь пришлось идти на стражу и мнѣ съ сестрою; той очень хотѣлось спать, но сознаніе важности поста невольно разгоняло дремоту.

Всѣ эти распоряженія и разстановки были окончены засвѣтло, и съ наступленіемъ темноты всѣ мы отлично освоились съ мѣстностью и вообще положеніемъ нашего лагеря.

Солнце сѣло, а съ его закатомъ мало по малу стихъ разнообразный говоръ и шумъ становища, и всю окрестность затянуло сплошнымъ, густымъ туманомъ, и въ этомъ туманѣ скрылись очертанія дальняго нагорнаго берега и даже темныя группы близко подступающаго къ намъ дубоваго лѣса.

Дневные голоса и звуки смѣнились новыми, не всегда понятными, полными страшной таинственности. Становилось невольно жутко на душѣ, словно предчувствовалась, какая-то неотразимо надвигающаяся на насъ, смертельная опасность.

Вѣроятно, это съ непривычки такъ мнѣ каза-

лось... Это была первая ночь моей сторожевой службы.

Сестра моя, которая торчала неподалеку отъ меня, незамѣтно, словно нечаянно пододвинулась ко мнѣ поближе.

— Развѣ можно? замѣтилъ я.

— Страшно! созналась она совершенно откровенно.

Къ полуночи туманъ сталъ рѣдѣть и надъ нашими головами вызвѣздилось темное ночное небо. Стало очень холодно.

Снова чуть обозначился противоположный берегъ и ясно протянулась покойная лента величавой рѣки.

Вдругъ я замѣтилъ, что по этой рѣкѣ беззвучно движутся какіе-то темные предметы... Какъ я ни присматривался къ нимъ, я ничего не могъ разсмотрѣть подозрительнаго: это просто были кучи хвороста и тросника, плывущіе по теченію, но откуда онѣ взялись?.. Зачѣмъ онѣ плывутъ очень уже — какъ будто правильно, наконецъ и не совсѣмъ по теченію, а забираютъ какъ будто-бы наискось, какъ разъ къ стаямъ утокъ и гусей, сбившихся теперь вплотную, къ берегу...

Я тихонько посовѣтовался съ сестрою. — Та тоже ничего не понимала и посовѣтовала сходить за папою, или кѣмъ нибудь изъ старшихъ, сама и вызвалась.

Это было очень благоразумно! Не поднимать же сразу тревоги! Окажется послѣ вздоромъ, и поднимутъ насъ, новичковъ, на смѣхъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ къ намъ подошелъ папа. Онъ тоже замѣтилъ, что и я, и вглядывался теперь въ подплывающіе предметы съ явнымъ безпокойствомъ.

— Догадываюсь — пробормоталъ онъ... Тревогу!

И тотчасъ же затрубилъ самъ; часовые подхватили дружно.

Не успѣли наши голоса прогремѣть надъ соннымъ лагеремъ, какъ изъ подозрительныхъ плавающихъ кучъ вспыхнули огни, взвились дымки и оглушительно грянули выстрѣлы.

Боже что произошло!

— Охотники, охотники! раздались со всѣхъ сторонъ крики ужаса и отчаянія... Все сонное встряхнулось и съ оглушительнымъ хлопаньемъ крыльевъ ринулось къ лѣсу, въ нашу сторону.

Мы тоже поднялись высоко надъ лѣсомъ и теперь намъ было видно все ясно. Къ намъ въ затонъ, пробравшись по узенькому проливу, подплыли три лодки, ловко прикрытыя хворостомъ, въ нихъ сидѣли люди съ ружьями и теперь безпощадно палили по сплошнымъ стаямъ утокъ, въ смертельномъ страхѣ мечущимся въ разныя стороны и снова возвращающимся подъ убійственный огонь охотничьихъ ружей.

Подстрѣленныя, раненыя и убитыя птицы звучно шлепались въ воду, разводя по ея поверхности окровавленные круги... утиные трупы несло по теченію и прибивало къ отмелямъ. Большой сѣрый гусь, съ подбитымъ крыломъ, наискось спускался къ лозняку—пытаясь спастись хоть въ его чащѣ; его догналъ второй выстрѣлъ, и онъ, жалобно застонавъ, перевернулся и грузно ударился всѣмъ тѣломъ о песокъ.

А безпощадные охотники все палили и палили.

Наконецъ несчастныя жертвы догадались и всѣ сплошь потянулись къ лѣсу. Огонь прекратился...

Тогда охотники стали собирать добычу и укладывать въ свои лодки.

Они всетаки далеко не могли подобрать всего, что набили: много тѣлъ унесло теченіемъ, много осталось въ осокѣ нерозысканныхъ, но и то лодки были наполнены чуть не до краевъ... Такая это была ужасная, безпощадная бойня.

Охотники причалили къ берегу и стали разводить огонь. Скоро запылало красное пламя и освѣтило ихъ фигуры и лица. Одинъ изъ нихъ сталъ ощипывать бѣднаго покойника чирка и наткнулъ его на заостренный прутикъ, другой поставилъ къ огню котелокъ съ водою... Нѣкоторые раздѣлись и начали купаться. А мы все это наблюдали, описывая въ воздухѣ, высоко надъ ихъ головами, широкіе круги.

— Дальше, дальше отсюда! послышались между нами нерѣшительные голоса.

— Куда дальше!? отозвался папа, здѣсь мы въ безопасности, а спустимся — пожалуй, опять нарвемся на худшее.

И дѣйствительно. Едва только онъ это произнесъ, какъ далеко ниже по теченію, опять послышались выстрѣлы и опять замелькали зловѣщіе огоньки.

Это новая партія атаковала другое, еще болѣе многочисленное становище переселенцевъ.

Новая кровь! Новая бойня!

Стало немного разсвѣтать.

Мы теперь подались ближе къ нагорному берегу и, высмотрѣвъ удобное мѣсто, стали потихоньку спускаться, оставивъ небольшую партію нашихъ для наблюденій надъ врагами.

А тѣ выкупались, выпили чего-то изъ длинныхъ бутылокъ, поѣли, поболтали, посмѣялись вволю... весело имъ должно быть!.. и стали усаживаться въ лодки...

Усѣвшись, они направились тоже къ нагорному берегу, гдѣ мы, теперь замѣтили, раскинулось селеніе съ церковью и красивыми фруктовыми садами. Около этого селенія, вплотную у берега стояло нѣсколько громадныхъ барокъ съ мачтами и надъ одною висилась черная труба, начавшая дымѣть довольно усердно.

Посовѣщавшись немного, мы рѣшили вернуться на прежнюю стоянку. Теперь тамъ уже совсѣмъ безопасно, какъ объяснилъ намъ Долгоносъ. Охотники вполнѣ убѣждены, что дичь вся распугана ихъ ночною аттакою и не скоро соберется на потревоженномъ мѣстѣ.

Мы возвратились какъ разъ передъ восходомъ солнца и съ ужасомъ смотрѣли на свѣжіе, кровавые слѣды недавняго побоища.

— Пойди-ка сюда! неожиданно подозвалъ меня отецъ. Да и ты тоже, обратился онъ къ моей сестрѣ.

Оба мы, не знаю почему, сконфузились и явились на его зовъ.

Мнѣ казалось, что я вполнѣ правильно и честно исполнилъ свой долгъ и потому совѣсть моя была покойна.

Папа отвелъ насъ незамѣтно въ сторону, такъ чтобы другіе не слышали.

— Вотъ видите, началъ онъ, — что значитъ терять напрасно золотое время. Еслибы вы, замѣтивъ во время подозрительные предметы, сразу, не посылая за мною, а на свою отвѣтственность подняли бы тревогу, то это было бы своевременно и охотники остались бы съ носомъ... крови бы пролито не было... А вы все раздумывали, да соображали, да за мною посылали, время и ушло... дѣло вышло дрянь!..

— Я, папа, началъ я оправдываться, — я боялся даромъ потревожить, потомъ бы надо мною насмѣшки пошли...

— И бѣды въ томъ никакой нѣтъ!.. посмѣялись бы да и перестали, а то посмотри сколько народу перебито, сколько теперь сиротъ и вдовъ!..

— Папа, наши всѣ цѣлы... началъ было я.

— Наши!.. передразнилъ папа, разсердившись совершенно неожиданно, что такое «наши». Всѣ «наши»,

всѣ одинаковы должны быть «нашими»... это люди только выдумали глупости — будто есть чужіе и наши... есть разныя породы — это правда; есть и разные интересы у породъ, сообразно ихъ свойствъ и привычекъ, а когда дѣло касается жизни и смерти, — это для всѣхъ одинаково... «наши»... ишь ты какой аристократъ!..

— Папа, вмѣшалась тутъ сестра, она какъ-то смѣлѣе спорила съ отцомъ, чѣмъ я.

— Ну, что скажешь?

— Отчего же гуси сами себя не берегли и утки тоже... Что же мы за всѣхъ должны стараться?!

— Отчего?!.. Они тоже стерегутъ, да не умѣютъ; у нихъ вотъ этого меньше, чѣмъ у насъ, журавлей.

Папа легонько ткнулъ ей въ лобъ своимъ носомъ.

— А если намъ Богъ далъ лучшія способности, то мы и обязаны служить этими способностями и себѣ, и слабѣйшимъ насъ. Этимъ только мы и можемъ отблагодарить Бога, даровавшаго намъ высшія исключительныя способности... поняли!

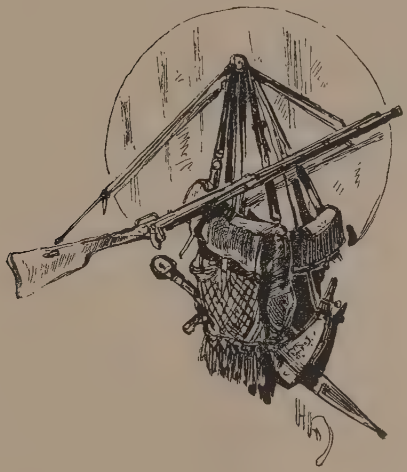
— Поняли! сказали мы съ сестрою въ одинъ голосъ.

— Ну, сказала мама,—довольно ужъ имъ головы мыть! Дѣти, чай, устали на службѣ за ночь, да перетревожились; имъ бы заснуть часокъ, а ты съ нравоученіями!

— Ничего, это впередъ пригодится, улыбнулся папа и пошелъ разыскивать Долгоноса, да кстати провѣдать больного Верхогляда, который куда-то забился и его не видать было,—должно быть за кочками, гдѣ подремать приткнулся.

До полудня насъ никто больше не тревожилъ и мы успѣли отлично выспаться.

Рѣшили сократить дневку... Впечатлѣнія кровавой ночи разстроивали наше спокойствіе, и рѣшено было послѣ полудня сниматься и летѣть далѣе, придерживаясь пока теченія Днѣпра, вплоть, какъ разсказывали намъ, до города Кіева, и оттуда уже предполагалось взять немного западнѣе, по направленію къ дунайскимъ гирламъ.



XI.

«Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои»... ахъ, это я увлекся и заимствовалъ у другаго писателя... у кого, господа, не помните ли?..

А дѣйствительно «чуденъ Днѣпръ!..» не знаешь просто чѣмъ любоваться больше:—правымъ ли гористымъ берегомъ, гдѣ крутые склоны сползаютъ прямо въ глубину водъ, отражаясь въ нихъ своими густо поросшими лѣсами гребнями, или безконечнымъ зеленымъ просторомъ лѣваго, низменнаго, богатымъ ковромъ разстилающагося вплоть до сплошной синевы безконечной дали! И тутъ, и тамъ разбросаны живописные городки и селенія, съ бѣленькими хатками, ютящимися въ зелени садовъ, съ церквами, съ отдѣльными богатыми барскими усадьбами, съ оживленными народомъ пристанями, съ ихъ кипучею жизнью.

А по рѣкѣ, и тяжело вверхъ, и легко, словно весело, внизъ—тянутся и бѣгутъ торопливо суда, плоты

и барки, то подъ парусами, то мучительною береговою лямкою... пыхтятъ и шумятъ колесами красивые пароходы, оставляя въ воздухѣ длинные слѣды чернаго дыма... и въ этомъ дыму и, вылетая на просторъ, рѣятъ и носятся съ крикомъ бѣлыя чайки — мартынки, то задѣвая крыломъ водную поверхность, то ныряя въ глубь и вновь появляясь на свѣтъ съ серебристою блесткою—рыбкою въ клювѣ...

Тамъ и сямъ, ярко выдѣляясь въ синевѣ водъ, желтѣютъ длинныя, согрѣтыя солнцемъ, отмели, и на нихъ жизнь такъ и кипитъ, такъ и бьетъ ключемъ... Здѣсь становище рыбаковъ раскинуло свои сѣти для просушки, — тамъ смолятъ выволоченное на берегъ, пузатое днище разсохшейся барки, тамъ вяжутъ безконечно длинные плоты бревенъ, тамъ, въ тѣни обрыва, на узенькой береговой полосѣ, пріютилось отдыхающее стадо, пригнанное для водопоя... а не подалеку, красивою ярко цвѣтною гурьбою, пришли бабы и дѣти купаться, и съ веселымъ смѣхомъ плещутся въ водѣ, перекрикиваясь съ проходившими мимо судами.

Круто-рогіе волы забрели въ воду, чуть только спины виднѣются, и стоятъ, молчаливо наслаждаясь прохладою, спасаясь отъ назойливыхъ осеннихъ слѣпней и оводовъ.

Тысячи ручейковъ и рѣчекъ стремительно, сбѣгая по оврагамъ, вливаютъ свои воды въ общее, гостепріимное русло, шумитъ гдѣ-то неугомонное мельничное колесо, и издалека, волною несется колокольный звонъ-благовѣстъ... это съ той стороны, гдѣ чуть-чуть начинаютъ выясняться въ туманѣ группы монастырей и храмовъ колосальнаго города...

— То Кіевъ, оповѣстилъ насъ Долгоносъ.—Давно онъ стоитъ тамъ. И дѣды, и прадѣды наши летали... да что прадѣды!.. Тысячи поколѣній журавлиныхъ

пролетали мимо, и всегда, именно здѣсь, у Кіева, немножко на западъ, — къ дунайскимъ гирламъ сворачивали.

— Старый городъ, согласился нашъ папа.

— Великолѣпный городъ! вскрикнула и моя сестра. — Только знаешь ли что? добавила она, — если бы эту рѣку, Днѣпръ вашъ, да къ тому городу, помнишь, большому такому, тоже съ множествомъ церквей и домомъ подъ золотой крышею, а ту маленькую сюда, то, пожалуй...

— Если бы тебѣ да павлиній хвостъ, перебилъ, засмѣявшись, Верхоглядъ.

Онъ сталъ поправляться и потому шутить.

— Да еще добавилъ онъ, — оленьи рога на голову, то пожалуй изъ тебя вышло... чортъ знаетъ, что изъ тебя вышло бы, а только не такая красивая, стройная журка, какъ ты сама...

Сестра хотѣла было обидиться на эту насмѣшку, но конецъ, очевидно, ей польстилъ и она кокетливо улыбнулась.

— Вѣчно съ остротами!

А между тѣмъ мы все приближались и приближались къ этому великолѣпному городу.

Расположенный на горномъ берегу, терассами спускаясь къ рѣкѣ, отражаясь въ ней, какъ въ зеркалѣ, своими разнообразными зданіями, Кіевъ поражалъ насъ своею величественною красотою. Гребни горъ, увѣнчанные монастырями, старинными храмами, съ тысячами золотыхъ и ярко-цвѣтныхъ главъ, съ тысячами причудливо-вырѣзныхъ крестовъ, такъ ясно, такъ отчетливо рисовались на голубомъ небѣ... Роскошные сады сбѣгали по склонамъ, лѣпились по карнизамъ обрыва, то развертываясь широкими площадями, то тѣнистыми аллеями, обрамливая длинныя, многолюдныя улицы.

Два желѣзныхъ моста, хитро перекинутые черезъ широкій Днѣпръ, связывали городъ съ луговою стороною; по одному изъ нихъ, съ грохотомъ и громомъ, катились желѣзнодорожные поѣзда, по другому, легко постукивая, двигались повозки и экипажи и, съ котомками за плечами, брели длинныя вереницы пѣшеходовъ. Дальше, почти сливаясь съ главною массою города, возвышались снова соборы и храмы, обнесенные тяжелыми, каменными, зубчатыми стѣнами; вдоль этихъ стѣнъ толпились несмѣтныя группы людей, тоже съ котомками, то покойно отдыхающія въ тѣни стѣнъ, то торопливо тѣснящіяся въ темныхъ аркахъ воротъ.

Рѣзкими, черными пятнами въ пестрыхъ толпахъ выдѣлялись люди въ длинныхъ одеждахъ, въ высокихъ черныхъ клобукахъ; они расхаживали степенно, важно, и прочіе относились къ нимъ съ особою почтительностью.

Далѣе, за городомъ, правильными квадратами, бѣлѣлись палатки военнаго лагеря, тамъ блистало оружіе и слышались ружейные выстрѣлы, напугавшіе насъ сначала, но потомъ, когда мы замѣтили, что эти выстрѣлы къ намъ вовсе не относятся, оставлены нами скоро безъ всякаго вниманія.

Мы пролетѣли надъ этимъ лагеремъ, отвѣтили своими трубами на ихъ сигнальные рожки и трубы,—и скоро сѣрая мгла предвечерняго зноя и тучею стоящая надъ всѣмъ пространствомъ города пыль—стали затягивать какъ дымкою, чудную панораму. Мало по малу затихалъ городской шумъ, вовсе затихъ. Голубая лента Днѣпра отошла влѣво, а подъ нами разстилались снова равнины полей и межъ ними прямая, какъ стрѣла, полоса большой каменной дороги.

Должно быть, на этотъ разъ мы забрались очень высоко. Солнце еще не дошло до горизонта, мы видѣли полное очертаніе его багрово-краснаго круга, а

внизу, подъ ногами, уже сгустилась ночная тѣнь и потухли въ этой тѣни послѣднія жаркія блестки монастырскихъ крестовъ, потухъ и золотистый блескъ на поверхности Днѣпровскихъ разливовъ, чуть уже видныхъ отсюда, исчезающихъ безслѣдно въ сплошномъ туманѣ наступающей ночи.

Мы спустились опять на жнива, на совершенно открытой, удобной вполнѣ для наблюденій мѣстности, а потому для ночлега совершенно безопасной.

Заснули мы немедленно и крѣпко; такъ крѣпко, что когда я раскрылъ глаза, утренняя заря успѣла уже разлиться чуть не въ полнеба и послѣднія звѣзды чуть теплились, утопая въ блескѣ наступающаго дня.

— Шестой день пути! оповѣстилъ насъ Долгоносъ... Ого! Вотъ что значитъ здоровая молодежь, не то что прошлое лѣто. Важно отмахали.

— Въ прошломъ-то году мы сюда только на девятый попали, сообщилъ папа.

— Да и то съ убылью! вздохнувъ, добавила матушка.

— Если летать съ толкомъ, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ старыхъ журавлей, дядя «клу-клу» — то можно весьма успѣшно путешествовать. Странно только, что мы здѣсь другихъ журавлей не встрѣтили изъ-подъ Урала, имъ-бы тоже пора здѣсь быть. Будемъ ждать, что-ли?

— А можетъ они раньше протянули... надо-бы справиться, сказалъ папа.

— А вонъ дрофы бродятъ; тѣ здѣшнія... у нихъ-бы спросить!

— Можно.

Дѣйствительно, не болѣе какъ въ верстѣ отъ насъ паслись табуномъ какія-то крупныя, тяжелыя птицы, нѣкоторыя изъ нихъ, поднявъ головы, видимо, съ любопытствомъ посматривали въ нашу сторону. Кромѣ

того по близости, шурша по жниву, копошилось стадо куропатокъ, а почти между нами довѣрчиво шныряли крохотныя миловидныя перепелки.

Тамъ и сямъ слышался рѣзкій свистъ, и мы замѣ-

тили какихъ-то маленькихъ, пестрыхъ звѣрьковъ — столбиками торчавшихъ на степныхъ кочкахъ... посвиститъ и спрячется, вновь покажется, станетъ на дыбки свиснетъ и юркнетъ въ норку.

— Эко ныньче сусликовъ, что здѣсь, замѣтилъ дядя «клу-клу», то-то хлѣбу отъ нихъ здорово досталось!

Папа съ двумя журавлями полетѣлъ къ дрофамъ наводить справки, а мы мирно паслись, разговаривая о томъ и семъ, какъ изъ небольшой лощины появился страшный, сѣрый звѣрь, робко оглянувшійся направо и налѣво и медленною, лѣнивою рысью побѣжалъ черезъ поля; по его торчащимъ ушамъ, по злымъ, на-

литымъ кровью глазамъ и по озлобленно оскаленному рту мы узнали волка. Животное должно быть очень устало, языкъ вывалился на сторону и густая пѣна валила изо рта, хвостъ былъ опущенъ и чуть не волочился по землѣ.

— Удирать! мелькнуло у насъ въ головахъ... но тотчасъ-же мы сообразили, что не стоитъ. Волку было не до насъ. Онъ злобно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трусливо оглядывался назадъ и наконецъ пріостановился и припалъ къ густо-поросшей бурьяномъ межѣ, тяжело дыша и зализывая себѣ заднюю лапу.

Тутъ мы замѣтили вдали еще нѣсколько точекъ, болѣе опасныхъ для насъ, чѣмъ этотъ четвероногій хищникъ. Это были два всадника, шагомъ ѣхавшіе не сюда, а какъ будто-бы въ сторону, у каждаго на веревкахъ были по двѣ тощихъ собаки, за спиной у одного блестѣло что-то металлическое.

— Не ружье-ли?! подумали мы.

— Нѣтъ, рожокъ, словно угадалъ нашу мысль Долгоносъ. Этихъ бояться нечего... намъ — то-есть нечего, а тому подлецу плохо придется.

Такимъ нелестнымъ эпитетомъ нашъ предводитель обозвалъ спрятавшагося въ межѣ, измученнаго долгою погонею, волка.

— Не замѣтятъ они... Богъ дастъ, предположилъ я.

— Замѣтили уже. Вишь ты хитрятъ... стороною забираютъ, все правѣе да правѣе. Туда-то ему податься некуда, такъ съ той стороны отхватываютъ.

Тутъ мы увидѣли, что дѣйствительно некуда: изъ-за складки мѣстности, словно изъ подъ земли, еще вынырнуло двое верховыхъ и рысью подвигались впередъ... тоже съ собаками на сворках.

Замѣтилъ этихъ новыхъ и волкъ и, выбравшись изъ межи, ходкою рысью, даже въ прискачку, пошелъ наутекъ; хотѣлъ было назадъ, въ балку, да тамъ уже двое первыхъ выѣхали, увидали звѣря и, спустивъ собакъ, понеслись во весь духъ, щелкая арапниками.

Мы были насторожѣ, но не улетали... очень уже интересно было посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло.

Волкъ метнулся въ сторону и понесся, какъ стрѣла. Струйка сѣрой пыли выдавала его въ бурьянѣ, обозначая дорогу... а тамъ ему наперерѣзъ неслись новые преслѣдователи.

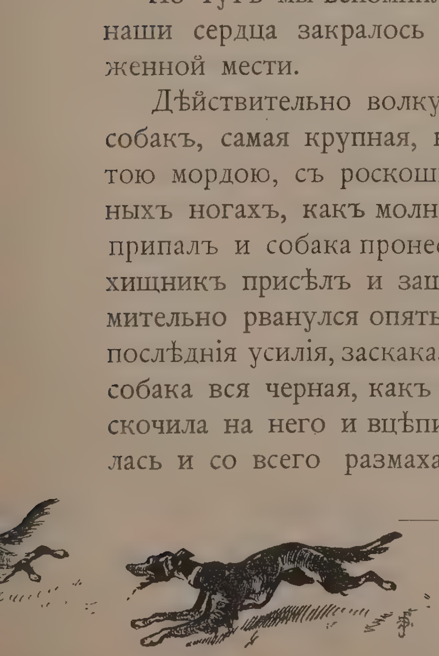
Первая пара собакъ налетѣла на звѣря, сшиблись... какая-то собака громко завизжала и отскочила прочь. Волкъ вырвался и опять наддалъ ходу, значительно опередивъ собакъ, круто повернулъ въ сторону.

— Уйдетъ... Слава Богу! вскрикнула сестра.

— Уйдетъ—уйдетъ! обрадовались и мы.

Но тутъ мы вспомнили корову съ теленкомъ и въ наши сердца закралось злое чувство хотя и заслуженной мести.

Дѣйствительно волку приходилось плохо: одна изъ собакъ, самая крупная, которая съ острою вытянутою мордою, съ роскошной бѣлой бахромою на сильныхъ ногахъ, какъ молнія, вынеслась впередъ... волкъ припалъ и собака пронеслась надъ нимъ мимо; бѣдный хищникъ присѣлъ и защелкалъ зубами, потомъ стремительно рванулся опять въ сторону—опять, собравъ послѣднія усилія, заскакалъ, уже вдоль межи... свѣжая собака вся черная, какъ смоль, легкая и красивая, наскочила на него и вцѣпилась въ ухо. Первая оправилась и со всего размаха ударила волка грудью въ



бокъ. Всѣ трое, съ дикимъ воемъ, покатились по пересохшей, кочковатой почвѣ жнива. Еще подоспѣли собаки... Наконецъ одинъ изъ всадниковъ подскакалъ въ плотную, быстро спрыгнулъ на землю и выхватилъ изъ-за пояса ножъ.

Что-то произошло ужасное! Человѣкъ, собаки, звѣрь—все слилось въ одну безобразную кучу... Раздался раздирающій душу вой,—и все стихло разомъ.

— Го-го-го! заоралъ во все горло человѣкъ, поднявшись на ноги и вытирая окровавленное желѣзо ножа.

— Го-го-го! отвѣчали, подскакивая къ мѣсту боя, остальные всадники. Несчастный волкъ корчился въ послѣднихъ судорогахъ, растянутый крестомъ замершими въ схваткѣ собаками.

Поѣхали охотники дальше и увезли съ собою волчье тѣло. Вернулся и папа изъ гостей, отъ дрофъ; говоритъ, что дрофы не видали до сихъ поръ журавлей; мы, молъ, первыя прилетѣли за эту осень, но что молъ слухъ пошелъ, будто скоро должны пожаловать... голуби дикіе пролетали, они видѣли третьяго дня.

— Видѣли, такъ видѣли!.. А тутъ что было? справился папа.

— Да, волка травили. Вонъ поволокли.

— Ловко!

— А что, дѣдушка, припомнила тутъ сестрица:—что это было: разбой или промыселъ?

— Ахъ ты шустрая! ухмыльнулся дѣдъ Долгоносъ: припомнилъ къ чему рѣчь идетъ.

— Это видишь ты, если хочешь, промыселъ... а скорѣе заслуженная казнь за разбой и воровство «со взломомъ», то бишь, я хотѣлъ сказать, съ перекусываніемъ глотки. Казнь жестокая, но заслуженная вполнѣ.

— Брр... какъ страшно!

— Съ непривычки! презрительно произнесъ Верхо-

глядъ.—Я разъ въ Египтѣ видѣлъ: люди казнили людей-же. Это были бѣлые люди, одѣтые съ ногъ до головы, а казнили они черныхъ людей совсѣмъ голыхъ... а потомъ въ другомъ мѣстѣ — я видѣлъ черныхъ людей, голыхъ, которые казнили бѣлыхъ, одѣтыхъ. Вотъ это такъ, по истинѣ, было ужасное зрѣлище!

— За что же они казнили? полюбопытствовало нѣсколько голосовъ разомъ.

— Должно быть за дѣло. Я только не могъ узнать за какое именно.

— Ну, что вздоръ болтать, дѣтей на ночь тревожить, перебила матушка. — Великій грѣхъ передъ Богомъ, пролитіе крови... у насъ, слава Богу, у журавлей, этого не водится.

— А у аистовъ есть! замѣтилъ Верхоглядъ... я видѣлъ.

— У людей научились! отрѣзала мама. — Больно уже сжились вмѣстѣ!

— У дрофъ вотъ, началъ разсказывать папа, вчера подъ вечеръ тоже бѣда большая приключилась.

— Что такое?

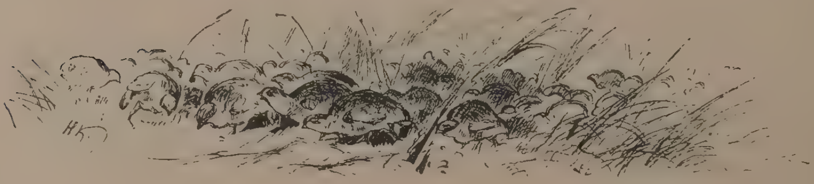
— Да подстрѣлили у нихъ охотники четыре штуки... и какъ, подумаешь, хитро дѣло устроили. Вотъ, правду говорятъ: «вѣкъ живи—вѣкъ учись»:— свернули къ нимъ съ дороги два воза съ соломою.—Ну, думаютъ дрофы, это не бѣда, не опасно! а не тутъ-то было. Ѣдутъ возы мимо, тѣ глядятъ, какъ дуры, бѣды не чуютъ. Проѣхали, близко-близко, и пошли кругъ загибать. Да уже съ другой стороны выскочилъ изъ-подъ соломы охотникъ и выпалилъ. Далеко,—не попалъ! Дрофы снялись, да низкомъ, низкомъ, а съ возовъ-то раньше двое соскочили и залегли въ бурьянѣ, дрофы ихъ сперва не замѣтили. Пошли птицы на утекъ, да на залегшихъ этихъ и налетѣли. Хлопъ, да хлопъ... готово! Теперь, говорятъ, будемъ осторожнѣе.

— Осторожная птица тоже, замѣтилъ Долгоносъ, да проста больно, забывчива.

— Я разъ такъ спасъ цѣлое стадо, вмѣшался Верхоглядъ.—Тоже при мнѣ заѣзжали этакъ, я замѣтилъ, да и кричу дрофамъ: берегись! Не туда! Сюда! Слава Богу, послушались.

— Эхъ у тебя на всякій случай своя исторія! засмѣялся Долгоносъ.—Ну, ладно! если и не было этого, то во всякомъ случаѣ могло-бы быть и очень похвально... Молодчина!

— Что-же тутъ неправдоподобнаго! обидѣлся слегка Верхоглядъ.—Я, право, не понимаю!.. Вотъ, напримѣръ, хотите вѣрить—хотите нѣтъ, мнѣ все равно, но со мною былъ однажды такой случай: подкрался я разъ къ охотнику, тотъ спалъ крѣпко... Должно быть былъ пьянъ, потому что около него валялась пустая бочка отъ водки. Вижу—лежитъ заряженное ружье. Думаю: — прекрасно! Я сейчасъ это ружье—хвать!—и поднялся съ нимъ на воздухъ... Тяжело-ли мнѣ показалось, неловко-ли я взялъ, только вздумалъ перехватить на лету поудобнѣе — въ эту минуту ружье выстрѣлило само собою... Это бы еще ничего, но, подумайте:—какъ разъ мимо летѣлъ громадный орелъ и несъ въ когтяхъ куропатку—зарядъ попалъ прямо ему въ голову.—Тотъ крикнулъ, перевернулся и кубаремъ полетѣлъ на землю, да такъ хлопнулся, что даже перья врозь полетѣли... Спустился я тоже... а куропатка жива!.. Протягиваетъ мнѣ лапку и говоритъ: «Благодарю, мой благородный избавитель. — Благодарю!.. Вы спасли мать ста двадцати семи дѣтей».



Что же!.. Смотрю: — выбѣгаетъ изъ травы цѣлая туча; дѣйствительно, я сосчиталъ сто двадцать семь штукъ... и всѣ пищатъ: «благодаримъ, благодаримъ». Я былъ тронутъ до слезъ — говорю имъ: будьте счастливы, а я исполнилъ только мой долгъ...

— Ахъ ты забавникъ! расхохотался во все горло папа...—Право! съ нимъ не пропадешь со скуки...

— Правда? серьезно посмотрѣла въ глаза разсказщика моя сестрица.

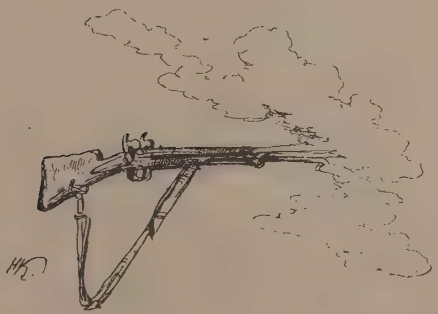
— Развѣ же я когда-нибудь лгу... развѣ я способенъ...

— Ну, спасибо!..

И сестра моя нѣжно пощекотала у него подъ крыломъ своимъ носикомъ.

Маменька многозначительно проговорила — гм! и покосилась на папеньку. А папенька тоже повторилъ два раза гм, гм! и при этомъ добавилъ вполголоса, но довольно громко:

— Блажь!



XII.

Дѣйствительно. Голуби не солгали. Не успѣли мы перекочевать на нашихъ поляхъ, какъ около разсвѣта послышался знакомый намъ родной свистъ и шумъ могучихъ крыльевъ и громадная новая стая журавлей спустилась, не смѣшиваясь, однако, съ нами.

Съ ихъ стороны сейчасъ же отдѣлилось нѣсколько, должно быть, старшихъ, и на встрѣчу имъ важно выступили наши. Долгоносъ и папа, конечно, первые, Верхоглядъ тоже пристроился.

Оказалось, что это еще подъ Москвою соединившіяся партіи съ рѣки Камы — и съ Урала — той же, что и мы породы... оказались даже кое-кто изъ старыхъ знакомыхъ, по прежнимъ совмѣстнымъ перелетамъ. Особенно у нашего дѣда Долгоноса... Одинъ изъ прибывшихъ, старый престарый журавль, даже поцѣловался съ нашимъ старикомъ и ради встрѣчи потанцовали вмѣстѣ крыло съ крыломъ... оба хорошо, даже очень хорошо, но, все-таки нашъ пограціознѣе...

Дѣдушка познакомилъ своего стараго друга съ папою и мамою,—назвавъ того... «Мудрымъ крыломахомъ».

— Мы древнѣйшіе друзья съ мудрѣйшимъ Долгоносомъ, вѣжливо раскланялся предводитель Камско-уральскаго журавлинаго воинства.

— Да, старикъ! сколько мы съ тобою и горестей, и радостей извѣдали, заговорилъ нашъ дѣдушка.

— Да—пожили! вздохнулъ тотъ...—Какая у васъ молодежь, прекрасная, сытая! и какъ сохранены хорошо въ дорогѣ... Да, съ такимъ вождемъ хорошо живется...

— Ну и твои тоже въ блестящемъ порядкѣ... Вотъ молодецъ-то водить... Куда мнѣ!

— Ну, полно! скромничаешь!

— Нѣтъ... право... А что безъ потерь?

— Не скажу... на третьемъ перегонѣ... покормились чего то и двое покончились изъ молодыхъ, да одинъ трехлѣтокъ подъ выстрѣлъ подвернулся.

— Ай! ай! ай! какъ же это?

— Да очень просто... Пулей, на очень далекомъ разстояніи... Мы и подозрѣвать не могли... Ныньче у людей завелись ружья, которыя положительно сбиваютъ всѣ наши разсчеты...

Поразговорились старики, а за ними и мы, молодежь, перезнакомились очень скоро, и дружескій, веселый говоръ охватилъ все громадное пространство, теперь, дѣйствительно, несмѣтнаго журавлинаго становища.

Такъ какъ новоприбывшіе летѣли всю ночь, то имъ надо было дать отдохнуть этотъ день, а заодно и мы рѣшили остаться для совмѣстнаго полета далѣе.

Это былъ день счастливый... ни насъ, никого другого люди не безпокоили, носились, правда, въ воздухѣ

два-три орла и съ десятокъ ястребовъ, но спускаться не посмѣли бы, въ виду такой силы.

Нашъ Верхоглядъ все время держался между чужими — онъ имъ тамъ, должно быть, повторялъ свои необыкновенныя исторіи... Сестрѣ это показалось обидно немного... Къ вечеру, однако, разскащикъ вернулся и зато уже до заката солнца держался около насъ, танцовалъ въ нашемъ кругу и самъ вызвался на часы, въ смѣну нашего треугольника.

Разсчетъ по клиньямъ, впрочемъ, не измѣнился.

До разсвѣта, бодрые, вполнѣ сытые и отдохнувшіе какъ слѣдуетъ, мы тронулись въ путь. Это было очень интересное, даже величественное зрѣлище. Даже люди на проѣзжей дорогѣ останавливались, и изъ подъ руки глядѣли вверхъ, какъ треугольникъ за треугольникомъ, стройно и плавно, послѣдовательно отдѣлялся отъ желтосѣрыхъ полей и вытягивался, занимая чуть не полъ неба.

Хоръ нашихъ трубъ рѣзко проносился, звеня въ свѣжемъ, будто немного морозномъ, утреннемъ воздухѣ. Но голосъ нашего папа Горлана былъ слышнѣе всѣхъ... Дрофы тоже собирались къ отлету и поглядывали на насъ, очевидно, съ затаенною завистью... Куда имъ за нами!

Въ этотъ день намъ пришлось летѣть надъ горящими лѣсами.

Боже! какое это печальное зрѣлище!

Пожаръ охватилъ громадное пространство и шелъ низомъ, стелясь по самой землѣ; изрѣдка только, охваченное огнемъ высохшее дерево вспыхивало разомъ, красивымъ огненнымъ столбомъ, — и медленно догорало, судорожно извиваясь своими сучьями... зловѣщій трескъ и гулъ пламени разносились далеко... Тучи искръ и головешекъ неслись неудержимо по вѣтру и густые

столбы чернаго смолистаго дыма тянулись далеко, заражая воздухъ удушьемъ и смрадомъ.

Сколько здѣсь гибло бѣдныхъ маленькихъ звѣрьковъ, сколько крохотныхъ птичекъ, задыхаясь въ дыму, не въ силахъ были улетѣть и падали внизъ, въ это море всепожирающаго пламени...

Въ одномъ мѣстѣ запылало небольшое дерево у опушки... Тамъ слышались крики тревоги и зовъ на помощь. Гдѣ-то за дымомъ — учащенно звонилъ колокольный набатъ... Сотни людей, какъ муравьи, копошились дальше, окапывая канавами подходы пожара къ другой деревнѣ, изъ домовъ которой торопливо вывозилось разное имущество.

Мы должны были описать большой кругъ стороною, чтобы не задохнуться самимъ въ этомъ дыму, но тяжелый запахъ гари насъ преслѣдовалъ до самой ночи, да и на другой день еще непріятно щекотало въ носу, и въ воздухѣ стоялъ синеватый, сухой туманъ, преслѣдовавшій насъ чуть не до полудня, до широкихъ степныхъ пространствъ, смѣнившись только-что нами покинутыя лѣсныя мѣстности.

Выжженная за лѣто солнцемъ, изрѣзанная кое-гдѣ балками (оврагами), рѣдко населенная, почти безжизненная степь не представляла собою ничего особенно привлекательнаго.

Кое-гдѣ, только по склонамъ балокъ, бѣлѣлись хохлацкія хатки, желтѣлись хлѣбныя скирды и пылили проѣзжія дороги... Мѣстами виднѣлись оригинальнаго вида колодцы, на которые Верхоглядъ указалъ намъ съ громкимъ хохотомъ.

— Это мы... не правда ли — очень похоже?!

— Какъ мы?..

— Колодцы эти называются журавлями... Ха, ха, ха!.. Ну, скажите по правдѣ: — напоминаетъ ли это насъ хоть сколько нибудь... жалкая породія...

Впрочемъ, я не совсѣмъ согласенъ съ Верхоглядомъ... Когда такой колодецъ начинаетъ клевать, словно носомъ, добывая воду, то есть какое-то подобіе птицы... не журавля, конечно, но, пожалуй, аиста или цапли, — во всякомъ случаѣ презабавно!

Около такихъ колодцевъ съ жалобнымъ блеяніемъ толпились громадныя стада овецъ, — атары, какъ ихъ здѣсь называютъ, и громко ругались чумазые пастухи, съ длинными крюками въ рукахъ.

Попадались намъ также и бакчи, — поля, засѣянныя арбузами и дынями... Цѣпляясь и путаясь между собою, по сырой растрескавшейся почвѣ, ползли, переплетаясь, сухіе, тонкіе стебли, а на нихъ, грузно, лоснясь на солнцѣ — лежали темно-зеленые, желтые и почти бѣлые, тяжелые шары, «ткнуть носомъ въ которые весьма пріятно», какъ замѣтилъ нашъ папа.

— Это мы попробуемъ, современемъ, обѣщалъ Долгоносъ — можетъ быть даже на первомъ ночлегѣ.

Дѣйствительно, одна изъ такихъ бакчей оказалась по близости нашей остановки, и мы привели въ исполненіе обѣщанное дѣдушкою.

Вкусно и сладко; но больше годится для утоленія жажды, чѣмъ для настоящаго насыщенія. Дыни все-таки солиднѣе.

Мы пролетали много городовъ и городковъ, большихъ и маленькихъ селеній, видѣли въ сторонѣ синѣющія горы, но очень далеко и, наконецъ, на третій день отъ Кіева папа указалъ намъ впередъ, рекомендуя присматриваться хорошенько.

А впереди синѣлось необъятное водяное пространство, съ которымъ сливалась, громаднымъ треугольникомъ, болотистая, заросшая камышами — мѣстность, вся изрѣзанная широкими и узкими водяными протоками.

— Дунайскія гирла! сообщилъ дѣдушка Долгоносъ...

—Прекрасная страна для насъ, голенастыхъ, и вообще для птицъ, не имѣющихъ къ водѣ особаго отвращенія.

— А это? спросилъ я, указывая на темносинюю полосу на горизонтѣ, откуда несся какой-то особенный звукъ, не похожій ни на шумъ городовъ, ни на гулъ далекаго вѣтра, ни на что, болѣе или менѣе, намъ знакомое.

— Это Черное море.

— А, а!.. протянула молодежь въ отвѣтъ.

И мы всѣ посматривали туда, на эту синюю далекую полосу — съ чувствомъ благоговѣнія, и даже не безъ страха... Море... это значитъ, такое громадное пространство воды, перелетѣть которое нельзя, не надѣясь на свои могучія крылья... ослабѣютъ — и булдыхъ!.. Погибель вѣрная!.. Мало того, что потонешь, а то еще живьемъ слопаетъ тебя какая-нибудь громадная рыбина, какъ разсказывала маменька... «Да черезъ все то море и не перелетѣть намъ — журавлямъ... Мы вѣдь, больше стороночкою, ближе къ берегамъ всегда придерживаемся»...

А дѣйствительно, хорошо и привольно въ Дунайскихъ гирлахъ! и какое множество разной перелетной птицы здѣсь собирается! — Это, что̀ мы видѣли на Днѣпровскихъ затонахъ — это что!.. Пустяки! — Тутъ

мы увидѣли такія несмѣтныя сборища, что тогда только поняли выгоду летѣть большимъ народомъ... Просто потеряться можно!..

Въ гирлахъ мы познакомились въ первый разъ съ пеликанами. — Великолѣпныя, крупныя птицы — розовато-бѣлаго цвѣта, съ громадными носами и съ глубокими мѣшками подъ нижнимъ клювомъ... Они заняты были рыбной ловлею, а рыбы, мимоходомъ замѣтить, здѣсь множество. Ловъ былъ удачный и обильный... Пеликаны глотали усердно и про запасъ набивали свои мѣшки, которые отвисли таки порядочно... угрюмыя птицы не особенно охотно вступали съ нами въ разговоры, больше отмалчивались; зато красавцы-лебеди, величественно поставивъ парусомъ свои роскошныя крылья, плавали, придерживаясь открытыхъ водныхъ пространствъ, ныряли, встряхивались и весело болтали, перекликаясь съ нами, занявшими береговую полосу.

Въ одномъ мѣстѣ десятка три цапель затѣяли было съ нами ссору изъ за мѣста, но уступили передъ превосходствомъ силъ, не доходя до драки.

Недовольно ворча, они тяжело снялись, и, некрасиво оттопыривъ ноги, лѣниво полетѣли искать новаго мѣста.

Мы заняли одинъ изъ островов временно, просто для легкаго отдыха; кормиться намъ, журавлямъ, здѣсь было нечѣмъ — до рыбы мы не охотники! — Но еще было свѣтло, и отлетать на покормку, на материкъ, гдѣ виднѣлись кукурузныя поля, было не безопасно... Поля эти очень уже близко примыкали къ небольшому селенію, да вдобавокъ были еще огорожены плетнемъ. Мы предполагали пользоваться ими ночью и то не всѣ разомъ, а небольшими партіями.

Вообще, несмотря на роскошь природы и на видимое довольство обитателей, добываніе пищи все становилось труднѣе и труднѣе.

— Это общее правило, друзья мои, замѣтилъ папа, чѣмъ у людей всего больше, тѣмъ они скупѣе ста-

новятся и ревнивѣе охраняютъ свое добро. Впрочемъ, они правы! Вообще я васъ предупреждаю, чтобы вы отсюда не особенно разсчитывали на сытые и вкусные обѣды. И этотъ постъ протянется вплоть до устьевъ Нила. Тамъ опять пойдутъ мѣста сытыя и привольныя...

— Развѣ уже близко?.. спросила сестра.

Она услышала слово «Нилъ», а объ этой сказочной рѣкѣ такъ много говорилось во время пути, — что одно названіе уже производило иллюзію. Въ словѣ «Нилъ» звучало что-то необыкновенно величественное и таинственное...

— Не особенно близко! отвѣчалъ папа,—но въ виду малокормицы мы будемъ летѣть усиленными перелетами, а потому дня черезъ три, много четыре, увидимъ и Нилъ, и мертвыя песчанныя пустыни... и пирамиды, и обелиски, и сфинксы и многое другое, такое интересное, что я потому только не разсказываю вамъ впередъ, чтобы не портить вашихъ будущихъ впечатлѣній... Вообще забѣгать впередъ и предварять событій не слѣдуетъ.

Когда стемнѣло, полетѣла въ кукурузу первая партія, и скоро вернулась совершенно благополучно, плотно поужинавъ. Наша очередь была шестая.

Хотя насъ и смущали немного яркіе огни въ окнахъ сосѣдняго дома и громкій говоръ, почему то не спящаго народа, но голодъ не шутка, и мы торопливо набивали себѣ зобы, — долбя носомъ тяжелыя сухія початки и выщелушивая оттуда превосходныя, мучнистыя зерна...

— А все-таки горохъ лучше! замѣтила лакомка сестра.

— Недурно и это, рѣшилъ я, наскоро глотая.

А Верхоглядъ, который, познакомившись съ сестрою, пристроился, съ позволенія папа, къ нашему клину, но подъ условіемъ строгаго повиновенія, — усердно возился около одного изъ стеблей, силясь оторвать цѣлый громадный початокъ.

— Не жадничай! шепнулъ ему кто-то изъ сосѣдей.

— Не для себя! подмигнулъ Верхоглядъ — и, наконецъ таки, справился.

Мы разговаривали тихо и вообще старались не обращать на себя вниманіе людей, но собакъ мы не перехитрили... Тѣ нѣсколько разъ набѣгали на насъ съ свирѣпымъ лаемъ и заставляли насъ сниматься, и, на время, пока все успокоится, отлетать въ сторону.

Едва только мы заслышали шумъ крыльевъ новой, седьмой очереди, мы тотчасъ же уступили мѣсто и, собравшись въ порядокъ, — вернулись на островъ... Строгій порядокъ, — залогъ успѣха, особенно не дома, а на чужой сторонѣ, да еще въ такомъ многолюдномъ собраніи.

А ночь была длинная, темная, претемная, и на небѣ ярко горѣли безчисленныя звѣзды... Млечный путь разсѣкалъ небосводъ — такъ рѣзко, такъ опредѣленно, какъ никогда я не видѣлъ до сихъ поръ — и тревожный гулъ недалекаго моря доносился до насъ еще громче: слышны были даже всплески и глухіе удары волнъ, разбивающихся о песчаное прибрежье.

XIII.

Такъ вотъ оно, — это самое море!

Сливаясь съ горизонтомъ, разстилалось необъятное, волнующееся, темносинее водное пространство и рокотало глухо, будто сердилось на насъ, осмѣлившихся такъ дерзко летѣть надъ его пучинами.

Бѣлыя чайки маленькія и громадныя, словно орлы, носились надъ поверхностью моря, много ниже насъ, прорѣзывая пѣнистые гребни волнъ, ныряя въ глубь, оглашая воздухъ рѣзкими, гортанными криками.

Въ волнахъ рѣзвились, кувыркаясь и выскакивая наружу черные, лоснящіеся дельфины, гоняясь за рыбою... Въ воздухѣ было прохладно и чувствовался особенный запахъ — свойственный только соленымъ водамъ. По небу быстро бѣжали разрозненныя облака, предвѣщая болѣе сильный вѣтеръ; съ востока, на самомъ горизонтѣ, поднималось что-то грозное, обѣщая къ полудню не шуточную бурю...

Правѣе — чуть виднѣлась узенькая полоска берега,

едва замѣтными точками бѣлѣлись маяки... одинъ — другой, третій... едва обрисовывались въ синевѣ тумана — очертанія какой-то крѣпости... Это мы покидали устья Дуная — его оживленныя гирла. Длинная лента чернаго дыма указывала, что тамъ идетъ пароходъ, почти подъ нами, накренившись на бокъ, поставивъ бѣлые паруса, тяжело качался большой трехмачтовый корабль, словно не двигался впередъ, а стоялъ на одномъ мѣстѣ... Вотъ тамъ еще видны паруса и еще... вонъ опять султаны пароходнаго дыма; тамъ дальше этотъ дымъ слился въ цѣлое облако... Мы летимъ, быстро обгоняя парусные корабли, обгоняя сравнительно быстро идущіе пароходы...

Мы значительно сокращали путь, не слѣдуя за изгибами берега, и скоро замѣтили впереди, немного правѣе, синеватые гребни высокихъ горъ, частью окутанные облаками...

— Это балканскіе кряжи! поясняли намъ, молодежи, бывалые.

Вонъ видѣнъ городъ — у самаго моря... Большой городъ съ высокими церквами и башнями, инаго совсѣмъ вида чѣмъ тѣ, что мы видѣли раньше. Вонъ опять, словно бѣлая иголка, торчитъ маякъ; вонъ длинныя тонкія линіи далеко выдвинутыхъ въ морѣ каменныхъ стѣнокъ... Множество кораблей за ними, словно цѣлый лѣсъ мачтъ и парусовъ... Тутъ подъ нами море бурлитъ и шумитъ, волны все ростутъ и ростутъ, сердито набѣгая, сердито толкая и дробя одна другую, а тамъ, за этими стѣнками гладко, тихо, покойно, чуть покачиваются укрывшіеся тамъ корабли и межъ ними, направляясь къ пристанямъ набережныхъ, взадъ и впередъ шныряютъ тысячи маленькихъ лодокъ съ ящиками, бочками и людьми въ бѣлыхъ чалмахъ и красныхъ фескахъ.

— Варна! говоритъ Долгоносъ.—За нею мы свернемъ къ берегу, и тамъ есть хорошее мѣстечко для легкой передышки.

Не мѣшало бы! Не знаю отчего, но перелетъ этотъ казался мнѣ, да и всѣмъ намъ гораздо болѣе утомительнымъ. Верхоглядъ объяснялъ это сильнымъ вѣтромъ, положимъ—хоть и дувшимъ намъ не навстрѣчу, а все-таки сильно затруднявшимъ наше движеніе... Дѣйствительно, теперь замѣтно, что насъ невольно, вопреки нашего желанія, сноситъ все правѣе и правѣе,—что вовсе не входило въ наши разсчеты. Если бы дѣло было вначалѣ путешествія, то, пожалуй, мы бы и не справились, но теперь мы такъ втянулись въ походъ, такъ развилась сила взмаха нашихъ крыльевъ, что мы ничѣмъ не рисковали, особенно имѣя ввиду спасительную линію матераго берега.

Пролетѣвъ Варну, наши треугольники раздѣлились и направились, немного расходясь, вѣеромъ, къ берегамъ. Это сдѣлано было въ виду густой населенности здѣшней страны, гдѣ очень трудно было найти пастбище для такого большого сборища, чтобы не очень обращать на себя вниманіе людей, да и вообще кого бы то ни было; а тѣмъ болѣе, что до ночи, до ея спасительнаго мрака было еще довольно далеко,—и мы спускались единственно ради отдыха крыльевъ, достаточно притомленныхъ борьбою съ воздушными теченіями.

Наши спустились на совершенно голомъ полусклонѣ горъ, недалеко отъ линіи желѣзной дороги, по которой, гремя и тяжело вздыхая, катился длинный поѣздъ, направляясь къ городу... Обозъ съ двухколесными скрипучими арбами, запряженными черными буйволами, медленно ползъ по каме-

нистой дорогѣ,—пересѣкая желѣзную... Ближе къ намъ бродило маленькое стадо козъ, позванивая бубенчиками, подъ надзоромъ дѣвочки, съ вѣнкомъ изъ красныхъ цвѣтовъ на черноволосой головкѣ, сидящей бокомъ на сѣромъ ушастомъ осликѣ, мирно щипавшимъ засохшую, жесткую травку.

Нельзя сказать, чтобы мы были очень голодны, но аппетитъ все-таки начиналъ нѣсколько разыгрываться, а кушать было положительно нечего. Папа уже предполагалъ распорядиться посылкою развѣдочныхъ партій.

— Это вамъ, моя барышня! Подошелъ Верхоглядъ къ моей сестрѣ и положилъ къ ея ногамъ отличный полный початокъ созрѣвшей кукурузы.

Это онъ еще съ Дунайскихъ гирлъ захватилъ его съ собою и тащилъ всю дорогу.

— Это вамъ... кушайте на доброе здоровье!..

Сестра сконфузилась, но не отказалась, — а мама снисходительно улыбнулась и замѣтила, обращаясь къ папѣ:

— Хвалю... Обѣщаетъ быть мужемъ заботливымъ и распорядительнымъ.

— Да, только бы остепенился немного, согласился папа.

Сестра сдѣлала видъ, что не слышитъ этихъ разговоровъ и, кокетливо тыкая носомъ въ початокъ, принялась растрепливать свой подарокъ, чтобы всѣмъ досталось изъ него хотя по нѣскольку зернушекъ.

— Кушайте и вы, предложила она Верхогляду,— иначе я ѣсть не стану.

— Извольте-съ, подскочилъ тотъ и осторожно клюнулъ самъ, выбравъ при этомъ самое крохотное, невзрачное зернышко.

Все это было очень трогательно и мнѣ стало завидно, почему это я самъ жралъ — жралъ, а не до-

гадался приберечь про запасъ, чтобы имѣть возможность тоже угостить кого-нибудь въ свою очередь — ну, хоть маму, напримѣръ, или даже самого папашу.

Но, признаться сказать, я не думалъ въ эту минуту ни о мамѣ, ни о папашѣ... Та журка, которая мнѣ пришла въ эту минуту въ голову, принадлежала не къ нашему треугольнику, да и не съ нашихъ болотъ; я замѣтилъ ее въ тотъ самый день, когда мы соединились съ уральскими клиньями, и она теперь гдѣ-нибудь далеко, — гдѣ именно, неизвѣстно. Меня только ободряла надежда, что въ устьяхъ Нила, какъ намъ обѣщано, мы должны опять соединиться въ общую группу... и тогда... тогда... О, тогда я буду умнѣе и, конечно, не хуже этого нахала Верхогляда, съумѣю быть пріятнымъ и даже привлекательнымъ.

Съ надеждою и вѣрою въ будущее, я такъ принялся за предложенное угощеніе, что даже увлекся немного и дождался таки, что сестра толкнула меня въ бокъ, укоризненно произнося:

— Довольно!.. Ахъ ты маленькій обжора!

— Пускай кушаетъ, мальчикъ, снисходительно вступился за меня Верхоглядъ. — Дѣти всегда обладаютъ усиленнымъ аппетитомъ.

Звучала ли насмѣшка въ его голосѣ, искренно ли онъ отнесся ко мнѣ, я не сообразилъ, но такъ вспылилъ за это непрошенное заступничество, что чуть было не затѣялъ драку.

Развѣдчики вернулись сообщить, что есть неподалеку небольшой виноградникъ, но тамъ теперь усиленно работаютъ люди, и подступиться къ нему ни съ какой стороны невозможно, но что воробьи разсказывали, будто верстахъ въ двухъ, — на рѣчкѣ, есть конопляннники, а за ними тянутся болгарскіе огороды, съ бобами и чечевицею, и что селеніе къ этимъ огородамъ примыкаетъ задами домовъ, а потому, —

подобравшись съ вечера, ночью можно закусить какъ слѣдуетъ.

Рѣшено подождать ночи.

Снялись мы еще засвѣтло и въ разбродъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, — полетѣли по направленію, указанному развѣдчиками.

Скоро мы добрались до коноплянниковъ и изъ за ихъ густыхъ кудрявыхъ вершинъ замѣтили черепичныя крыши болгарскихъ домиковъ и бѣлую колонну минарета. Что насъ поразило не совсѣмъ пріятно — это обиліе косматыхъ аистовыхъ гнѣздъ на всѣхъ крышахъ; — цѣлая шайка этихъ гнѣздъ на минаретѣ и даже на всѣхъ высокихъ крестахъ кладбища; поодаль, и на окружающихъ это кладбище темнозеленыхъ кипарисахъ тоже все гнѣзда, и гнѣзда... Самихъ обитателей этихъ гнѣздъ мало было видно, — только кое-гдѣ торчали ихъ длинныя фигуры, почти огненнокрасныя отъ косыхъ лучей заходящагося солнца, да въ воздухѣ, тамъ и сямъ рѣяли плавно эти друзья и союзники человѣка.

Или они не обращали на насъ вниманія, или дѣйствительно не замѣчали вовсе, только мы свободно заняли коноплянники и осторожно пробирались ими, къ болѣе интереснымъ, бобовымъ грядамъ.

Здѣсь вѣдь не такъ какъ у насъ на сѣверѣ; — здѣсь темнѣетъ разомъ. Не успѣетъ солнце спуститься, какъ наступаетъ непроницаемая темнота, и мы на эту темноту возлагали свои главнѣйшія надежды.

Ощупью добрались мы до бобовъ и принялись за усиленную работу, вполголоса перекликаясь, чтобы не растеряться.

Мнѣ пришло въ голову послѣдовать примѣру Верхогляда и набрать съ собою про запасъ, — я надергалъ цѣлую кучу стеблей со стручками, перевивъ ими свою шею.

— Довольно! послышался условный сигналъ къ отступленію... и мы стали понемногу отходить и отбѣгать снова въ коноплянники. Въ такой темнотѣ трудно было попасть удачно на прежнее мѣсто стоянки и мы, находясь въ относительной безопасности, рѣшили дожидаться утра.

На разсвѣтѣ насъ встревожили озлобленные крики аистовъ и боевые голоса нашихъ. Гдѣ-то не очень далеко, однако, на противоположномъ концѣ селенія, очевидно, завязывалась крупная ссора.

Звуки этой ссоры разгорались все сильнѣй и сильнѣе, послышались даже удары крыльевъ — и крики раненыхъ.

Мы быстро выстроились, поднялись и ринулись стремительно къ своимъ, на выручку.

— Не выдавать! громко закричалъ папа-Горланъ.

— Не выдавать! подхватили остальные голоса...

Мы наддали маху изо всѣхъ силъ и поспѣли какъ разъ во́время. Цѣлыя тучи аистовъ, чуть не впятеромъ на одного, напали врасплохъ на одинъ изъ треугольниковъ уральцевъ. Тѣ защищались энергично и стойко, но уже нѣсколько журавлей было ранено и судорожно бились, путаясь въ густомъ, сухомъ бурьянѣ.

Съ боевымъ крикомъ мы накинулись на побѣдителей и смяли ихъ разомъ. Верхоглядъ на моихъ глазахъ, налету сшибъ одного аиста и погнался за другимъ... Папа-Горланъ колотилъ направо и налѣво... но аистовъ было слишкомъ много и со всѣхъ сторонъ слетались ихъ новыя и новыя стаи... Тутъ снова послышались наши боевыя трубы—на выручку къ намъ—въ свою очередь неслись стремительно свѣ-

жіе треугольники и впереди одного изъ нихъ Мудрый-Крыломахъ. Прибывшія силы мигомъ опрокинули аистовъ и заставили ихъ очистить поле битвы... Тѣ стали группироваться у кладбища, готовясь повторить атаку...

Очевидно, что бой готовъ былъ разгорѣться съ новою силою...

— Отступать! раздалась команда Крыломаха.

— Зачѣмъ! какъ отступить!? послышались недовольные голоса нашей молодежи.

— Отступать не разсуждая, когда приказано! грозно прикрикнулъ папа-Горланъ.—Молодежь не рваться!.. Назадъ!.. Сверху виднѣе...

Дѣйствительно мы услышали голоса наверху, подняли головы, а тамъ нашъ дѣдушка Долгоносъ съ двумя треугольниками, соединенными въ одинъ, дѣлаютъ намъ предостерегающіе знаки... Они описываютъ большіе круги, повторяя гортанный, короткій крикъ тревоги.

Только что мы начали отступленіе, — какъ замѣтили людей, бѣгущихъ на мѣсто сраженія съ длинными ружьями въ рукахъ... Опасность была слишкомъ велика и дѣйствительно разсуждать было некогда.

Нѣсколько дымковъ вспыхнуло внизу, нѣсколько пуль просвистѣло мимо насъ, разрѣзая воздухъ,—къ счастью благополучно... Хотя аисты и друзья человѣка, какъ они сами хвастали, но звуки пальбы напугали ихъ не менѣе насъ, и они разсыпались врозь, не рѣшаясь преслѣдовать насъ отступавшихъ.

Когда мы всѣ собрались въ безопасномъ мѣстѣ, началась немедленно провѣрка и разслѣдованіе причинъ кроваваго столкновенія.

Оказалось, что ссору затѣяли аисты, вступившись за чужое добро;—просто придрались, благодаря своей

задорной натурѣ, наши не поддались — слово за слово, завязалась драка... началось по обыкновенію изъ пустаго, а кончилось серьезнымъ кровопролитіемъ... Если бы не поспѣла наша помощь, можетъ быть произошло бы повальное избіеніе цѣлаго треугольника.

Съ нашей стороны не досчитались четырехъ журавлей, оставшихся на мѣстѣ боя, да штукъ десять было, болѣе или менѣе, легко раненыхъ... а изъ-за чего?

— Изъ за бобовъ... сказалъ кто-то!

— Нѣтъ не совсѣмъ изъ-за бобовъ. Аисты не ѣдятъ бобовъ и имъ не было бы жалко и обидно, еслибы мы объѣли хотя все поле... Они вишь ты — вступились за добро человѣка и были правы, рѣшилъ дядя Клу-клу.

— Бобы и вообще растительная пища созданы Богомъ для нашего употребленія, заговорилъ папа Горланъ. — Положимъ, что эти бобы посажены были человѣкомъ и принадлежали исключительно ему, да мы развѣ виноваты, что по близости не было бобовъ дикихъ, вольныхъ... А ѣсть надо!.. Еслибы человѣкъ относился къ намъ не враждебно, мы бы охотно оказали ему, въ свою очередь посильныя услуги... Напримѣръ...

Тутъ папа немного опростоволосился. Какъ онъ ни придумывалъ подходящаго примѣра, — ничего подходящаго не навертывалось... Выручилъ папу Долгоносъ.

— Другъ нашъ Горланъ, сказалъ великую истину: — ѣсть надо! Въ этомъ то все и дѣло!

Съ этимъ мы всѣ невольно согласились и порѣшили, что съ этой точки зрѣнія — мы тоже были совсѣмъ правы.

— И всегда бываетъ, когда люди, послѣ горячей драки, начнутъ разсуждать о причинахъ и своей пра-

вотѣ, вмѣшался въ разговоръ премудрый Крыломахъ, — то всегда обѣ стороны окажутся правыми. Я разъ былъ свидѣтелемъ громаднаго кроваваго побоища между людьми, въ этой же сторонѣ... Массы людей, въ синихъ одеждахъ и въ красныхъ фескахъ, шли съ одной стороны — и такія же массы людей, въ сѣромъ и бѣлыхъ шапкахъ, — шли съ другой, на встрѣчу. Обѣ стороны кричали — за праваго Богъ! и, призывая этого единаго Бога, вступили въ драку... Да какую... что наша утренняя — передъ тѣмъ ужаснымъ побоищемъ... И обѣ стороны были правы, обѣ стороны были одинаково искренно убѣждены въ своей правотѣ, и ради этой правоты охотно жертвовали своею жизнью... и оставшіеся въ живыхъ до сихъ поръ сохранили это убѣжденіе и передадутъ его своимъ дѣтямъ... Изъ за чего же они дрались?.. Вѣроятно, и я въ томъ увѣренъ, что развѣ души павшихъ героевъ, безразлично съ какой бы стороны они ни были, встрѣтившись «тамъ» вмѣстѣ, узнаютъ только истину, самую то правду... А здѣсь, на землѣ, въ этихъ вопросахъ, пока никто и никогда не разберется. А это что же! особенно отличившійся герой сегодняшняго боя, — что онъ такъ разукрашенъ? — расхохотался старый философъ, обратясь въ мою сторону.

Тутъ только я замѣтилъ, что сдѣлался центромъ общаго наблюденія, и сконфузился окончательно.

Дѣло въ томъ, что вся моя шея была изукрашена красиво переплетшимися бобовыми стеблями, моимъ ночнымъ запасомъ, а Верхоглядъ подошелъ ко мнѣ и, ласково потыкавъ меня носомъ, замѣтилъ:

— Молодецъ! — это хорошо слѣдовать доброму примѣру, — этакъ гораздо удобнѣе носить запасы, чѣмъ мнѣ мой кукурузный початокъ.

Однако солнце поднялось и давно пора отправляться въ путь... народъ повсюду просыпался — трубы че-

ловѣческихъ жилищъ дымили усердно... отовсюду неслись звуки пробуждающейся жизни...

Пожалѣвъ павшихъ, помянувъ ихъ добрымъ словомъ, — тронулись въ путь, съ мѣста разбившись на отдѣльныя партіи.

Я успѣлъ все-таки отыскать заинтересовавшую меня журку-уралку и, подѣлившись съ нею бобами, уже налету пристроился къ нашему треугольнику.

XIV.

Мы опять, для сокращенія дороги, направились напрямикъ моремъ, на этотъ разъ нѣсколько ближе держась къ берегу... Весь этотъ берегъ, почти сплошь, пестрѣлъ садами, городками и селеніями, а впереди поднимались другіе берега, —высокіе, тянулись стѣною влѣво, и между тѣми берегами и нашимъ, вдоль котораго мы летѣли, словно узкія ворота, виднѣлся проливъ, а тамъ что-то неясно сверкало на солнцѣ своею бѣлизною и позолотою.

Надъ моремъ, еще не улегшимся послѣ свѣжаго ночнаго вѣтра, колыхался туманъ, начавшій слегка разсѣиваться подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей—словно занавѣсъ поднимался онъ передъ нами, открывая величественную картину... Узенькія ворота, казавшіяся намъ издали едва замѣтною щелью, теперь расширились, и мы увидали входъ въ проливъ, огражденный грозными укрѣпленіями. Тяжелыя очертанія угрюмыхъ крѣпостныхъ стѣнъ и громадныя пушки, выгляды-

вающія изъ за ихъ амбразуръ — такъ не подходили къ этимъ легкимъ изящнымъ замкамъ и дачамъ, повсюду раскинутымъ на красивыхъ берегахъ пролива, къ этой веселой зелени садовъ, къ этимъ чуднымъ гирляндамъ цвѣтовъ, окаймляющимъ балконы и изгороди... Громадные корабли и пароходы входили и выходили изъ пролива, оживляя картину и живописными группами тѣснились у береговъ... а дальше — виднѣлся безконечный городъ, съ такими стройными минаретами, съ такими величественными куполами, что я ничего подобнаго не видѣлъ... Здѣсь, у пристаней собралось столько судовъ, самыхъ разнообразныхъ, что, казалось, они сошлись со всѣхъ морей міра... Да такъ и было... Тутъ же стояли и особенные корабли, тяжелые и грозные какъ тѣ крѣпости, что сторожили входъ въ это, по истинѣ, райское мѣсто. Это и были корабли-крѣпости... военные корабли, какъ ихъ называютъ... Дальше отъ нихъ кипѣла жизнь и слышался смѣшанный гулъ голосовъ, — около нихъ было тихо и пусто, словно присутствіе этихъ желѣзныхъ чудовищъ пугало и отгоняло на далекое разстояніе все живое, — веселое.

На противоположномъ берегу, словно оторванное продолженіе этого города, виднѣлись опять тѣнистые сады, густыя аллеи стройныхъ кипарисовъ и между ними опять уютныя зданія, обнесенныя вырѣзными балконами, обвитыя плющемъ и цвѣтами... Оба берега поддерживали между собою оживленное сообщеніе и, казалось, жили одною общею жизнью.

— Царь-Градъ... сообщилъ намъ папа... Константинополь то-же, — а это, онъ указалъ влѣво, — Скутари...

Ужасно хотѣлось спуститься именно здѣсь, поближе разсмотрѣть всѣ эти чудеса, но, повинуясь начальству, мы летѣли все дальше и дальше, оставляя за

собою этотъ дивный городъ, съ его кипучею разнохарактерною жизнью.

Теперь мы неслись надъ другимъ моремъ, Мраморнымъ; хотя его прелестно синій цвѣтъ ничего общаго не имѣлъ съ этимъ камнемъ, зато въ этой густой синевѣ — водной поверхности, словно нарисованные, — ярко выдѣлялись небольшіе острова, гдѣ мрамора было сколько угодно... Мы пересѣкали море съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и хотя чувствовали уже изрядную усталость, но спуститься было некуда, — приходилось летѣть и летѣть... Къ счастью, легкій, ароматный тихій, теплый вѣтеръ дулъ намъ въ догонку и облегчалъ значительно наше воздушное путешествіе. Къ вечеру мы увидѣли опять живописный азіатскій городъ Бруссу. Мѣстность становилась сильно гориста — и давно уже на горизонтѣ виднѣлась какая-то особенная вершина... окутанная легкими облаками... Пролетѣвъ надъ Бруссою, откуда неслись заунывные звуки, призывающіе къ молитвѣ, мы направились къ подножью давно замѣченной нами горы, и, обогнувъ ее, стали тихо спускаться на каменистую пологую долину, бѣдную зеленью, но зато обѣщающую намъ покойную ночь, такъ какъ нигдѣ не было видно человѣческихъ жилищъ, за искюченіемъ пастушьихъ шатровъ, сгруппированныхъ у небольшаго родника, осѣненнаго раскидистою, старою смоковницею.

Гору, у подножья которой мы расположились на ночлегъ, называютъ Кешишь-Дагъ. Въ часѣ хорошаго перелета отъ нея, нѣсколько ближе къ морю, чуть-чуть блестѣли въ вечерней мглѣ два порядочныхъ озера, но мы любовались ими только издали. Тамъ теперь мѣсто было занято другими, чужими породами — и, избѣгая новыхъ столкновеній, мы предпочли переночевать впроголодь, довольствуясь жалкими кусти-

ками горной малины, кое-гдѣ торчавшими въ каменистыхъ разсѣлинахъ.

Былъ періодъ новолунія, — и тонкій узенькій серпъ мѣсяца... робко, и то ненадолго, обрисовался на небѣ.

Длинная осенняя ночь, то-есть не осенняя, а, по здѣшнимъ мѣстамъ, превосходная лѣтняя, теплая, какъ у насъ на сѣверѣ, въ половинѣ самаго знойнаго лѣта не бываетъ, — ночь эта прошла совершенно спокойно.

Я дремалъ и думалъ о своей журкѣ-уралкѣ... Гдѣ-то она теперь? Что подѣлываетъ, спитъ ли спокойно, или аппетитно кушаетъ?.. Меня весьма успокоивало то обстоятельство, что она была подъ надежною охраною: самъ премудрый Крыломахъ предводительствовалъ ея треугольникомъ. Гдѣ-то они теперь?

— А «наши», подошелъ ко мнѣ Верхоглядъ, — этотъ хитрецъ какъ будто-бы читалъ мои самыя сокровенныя мысли, — наши, сказалъ онъ, теперь помѣстились получше... Они тянутъ берегомъ и, вѣроятно, перелетѣли на Митилинъ...

— Это что такое?

— Островъ, недалеко отъ берега... Превосходный островъ... Я тамъ былъ однажды. Тамъ, глубоко, врѣзываясь, чуть не до середины острова, — есть прекрасная бухта... Вѣчно въ ней тихо, какая бы буря на морѣ не свирѣпствовала... Прежде это было самое излюбленное мѣсто морскихъ разбойниковъ.

— Ахъ, Боже мой! а «она» тамъ?! вскрикнулъ я невольно, испуганный словомъ «разбойники»!...

— Кто она?

Я окончательно смутился.

— Эхъ ты! Верхоглядъ сочувственно засмѣялся. — Для насъ, журавлей, никакіе морскіе разбойники не опасны. — А славная журачка эта... «Черношейка!..» Я, знаешь, вчера познакомился съ ея мамою и папою...

Онъ уже и имя узналъ и всѣ подробности... Почему же это я все мѣшкалъ и зѣвалъ. Почему онъ такой прыткій и ловкій, а я словно не журавль, а филинъ какой-нибудь, неповоротливый!.. Мнѣ стало ужасно досадно, и, еслибы не звучащій непритворною искренностью голосъ Верхогляда, я бы непремѣнно отвѣчалъ ему рѣзкостью, но тутъ я промолчалъ... Только машинально повторилъ: «Черношейка».

— Ну, да, Черношейка! Конечно, ей далеко до твоей сестры... но, все-таки, премилая дѣвица... И я тебя отъ души поздравляю...

— Когда же мы опять увидимся? спросилъ я, вполнѣ увѣренный, что Верхогляду все извѣстно.

Онъ задумался и сталъ важно соображать, что-то должно быть очень серьезное. Онъ даже принялся носомъ чертить на пескѣ какія-то странныя линіи...

— Вотъ, видишь ли, началъ онъ. — Мы теперь находимся здѣсь... Вотъ это — наша гора... Вотъ такъ, совсѣмъ на западъ пойдетъ берегъ Мраморнаго моря, потомъ круто повернетъ на югъ, пройдя вотъ тутъ, онъ опять ткнулъ носомъ, Дарданеллы... затѣмъ повернетъ — опять круто на востокъ и образуетъ большой заливъ — а противъ этого залива и есть островъ Митилинъ, о которомъ я тебѣ говорилъ. Потомъ вдоль берега все будетъ множество маленькихъ островковъ, масса... Дрянь, островочки, но отдыхать можно... и потомъ уже, если мы рискнемъ сильно сократить путь, и при этомъ вѣтеръ будетъ благопріятный, то можно перемахнуть прямо на островъ Кипръ, но я думаю, что мы перерѣжемъ заливъ Александрету нѣсколько сѣвернѣе, и потомъ все время на югъ, вплоть до Бейрута, Дамаска, на Іерусалимъ, — Портъ Саидъ, Александрію и наконецъ, въ дельту великаго Нила...

Верхоглядъ увлекся своими познаніями, очевидно рисовался ими передо мною, неучемъ, и совершенно

забылъ мой вопросъ... я едва схватывалъ памятью этотъ рядъ именъ и названій... совершенно не понималъ чертежа на пескѣ и, наконецъ, рѣшился остановить разскащика повтореніемъ своего вопроса.

— Да... протянулъ онъ — ты все насчетъ тогоже... Я думаю, что раньше именно дельты, мы и не сойдемся вновь — цѣлымъ обществомъ... Я думаю, что нѣтъ; мѣста здѣсь, признаться сказать, не очень то сытыя... Въ пустыню, въ глубь страны забираться, жарко, да и далеко, а по берегамъ — людновато... Но если мы полетимъ отсюда на Кипръ, то тамъ хорошо и, вѣроятно, тамъ намъ дадутъ хорошую передышку.

— Такъ можетъ быть на Кипрѣ?

— Да... Весьма возможно!..

— Скажи, пожалуйста, отчего ты все знаешь? Я вотъ, пролетѣвъ до сихъ поръ, положительно почти ничего не знаю! Кажется, спроси меня обстоятельно, гдѣ и какъ мы летали? кое-что помню, но начертить носомъ не могъ бы...

— Это потому, что это, мой другъ, твое первое путешествіе... Для тебя все ново, все тебя развлекаетъ... но я... я уже привыкъ наблюдать и даже дѣлать отмѣтки, Богъ дастъ сдѣлаешь, какъ я, столько перелетовъ... научишься и ты.

— А ты сколько сдѣлалъ?

Верхоглядъ заикнулся, но скоро справился и проворчалъ, какъ-то двусмысленно, не то «второй» не то «двадцать второй».

— Второй? подчеркнулъ я не безъ злаго умысла...

— Какая теплая ночь! вздохнулъ онъ. — Твоя сестрица спитъ, кажется, очень крѣпко... Покойной ночи и тебѣ, дружище!.. А мнѣ... мнѣ что-то не спится... я еще погуляю и немного помечтаю...

Онъ закинулъ голову кверху, поправилъ крылья,

взглянулъ на звѣздное небо, — вздохнулъ и зашагалъ по долинѣ, скрываясь въ потемкахъ.

Смотрю — сестра моя проснулась, тоже вздохнула и шагнула въ сторону. Я сдѣлалъ видъ, что это все до меня нисколько не касается, уткнулъ голову подъ крыло и попробовалъ забыться...

— Ахъ! еслибы черезъ Кипръ!.. подумалось мнѣ... И я видѣлъ во снѣ Кипръ... Не знаю такой ли, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, но тотъ, что я видѣлъ во снѣ, не поддавался никакимъ, самымъ восторженнымъ описаніямъ.

Слѣдующій перелетъ мы совершали все время надъ очень гористою мѣстностью не особенно густо, даже скорѣе скудно населенною... Въ долинахъ между горъ, на небольшихъ рѣчкахъ, виднѣлись бѣдныя селенія и поля... изрѣдка сады... Что обратило на себя наше вниманіе — это, вооруженность обитателей... Безъ оружія не встрѣчалось, положительно, ни души... Раза три мы видѣли кровавыя сцены: какъ одни, спрятавшись за камнями, у дороги, поджидали другихъ и выскакивали неожиданно для тѣхъ, иногда убивая проѣзжихъ, а чаще просто отнимая у нихъ лошадей, быковъ или верблюдовъ... Непріятная сторона!

— Порядка мало!.. сказано Турція!.. замѣтилъ папа. — Она и есть, да еще настоящая — Азіатская.

Наконецъ мы добрались до прелестнаго озера, лежащаго въ глубокой, горной котловинѣ и опустились. Здѣсь встрѣтилось и нѣсколько нашихъ партій, но, увы! между ними не было треугольника Крыломаха Премудраго.

— Кажется, черезъ Кипръ, шепнулъ мнѣ Верхоглядъ свои соображенія. — Мы летимъ прямо на заливъ Адалія... иначе мы бы забирали значительно восточнѣе... къ тому же и погода стоитъ великолѣпная для морскаго перелета.

Снявшись съ ночлега, пролетѣвъ надъ горнымъ ущельемъ, по дну котораго змѣилась, прыгая и пѣнясь по камнямъ, маленькая рѣчка, мы увидѣли небольшой, бѣленькій городокъ, отчетливо обозначавшійся на синемъ фонѣ моря.

Это и былъ заливъ Адалія, и мы, слѣдя за берегомъ, летя высоко, почти въ уровень съ гребнемъ горнаго хребта, — спустились у мыса Анамуръ, на голомъ прибрежьѣ, усѣянномъ валунами и всевозможными ракушками...

XV.

Дѣйствительно, рѣшено было сдѣлать перелетъ прямо на Кипръ. Перелетъ не особенно длинный, въ виду тихой превосходной погоды, но въ этихъ мѣстахъ неожиданно поднимаются бури, и если, на нашу бѣду, разыграется таковая во время перелета, да еще встрѣчная, или сбивающая въ сторону, къ западу, то можетъ быть худо. Кажется, всѣ признаки погоды были для насъ благопріятны, и, хотя между нашими стариками находились осторожные, совѣтовавшіе не довѣряться часто обманчивой тишинѣ и летѣть вдоль берега, ограничившись только небольшимъ перелетомъ черезъ входъ въ Александретскую бухту, но большинство на совѣтѣ настояло на кипрскомъ направленіи, что для насъ, молодежи, особенно для меня, — было очень пріятно...

Я только не зналъ, гдѣ треугольникъ Крыломаха... Болтливыя чайки увѣряли меня, что вчера протянули какіе-то журавли на Кипръ, но какіе это были именно, узнать не пришлось... эти чайки такія, по правдѣ сказать, дуры, что отъ нихъ никакого толку не добьешься.

— Наши не должны быть, замѣтилъ Верхоглядъ, — потому что они летѣли много кружнѣе и обогнать насъ не могли никакимъ образомъ...

— Вѣрно! подтвердилъ и папа.

Мы расположились отдохнуть какъ слѣдуетъ, кстати и дождаться другихъ партій... Стоянка была покойная, нарушаемая только крикливыми голосами чаекъ и немолчнымъ, вѣковымъ рокотомъ морскаго прибоя... солнце палило невыносимо, и мы придерживались тѣневой стороны высокаго горнаго берега, изрѣдка сбѣгая къ водѣ, — поплясать и покупаться въ пѣнистыхъ брызгахъ, набѣгающихъ на камни, зеленоватыхъ волнъ, каждый разъ выносящихъ на песокъ милліоны разнообразныхъ ракушекъ...

Къ ночи стали собираться и другія партіи и сообщили, что треугольникъ Крыломаха потянулъ сѣвернѣе, на Александрету, въ виду того, что у него молодежь послабѣе, и онъ на большой морской перелетъ не рѣшился.

Островъ Кипръ потерялъ для меня всякую прелесть.

Мнѣ даже пришло въ голову притвориться чрезмѣрно уставшимъ, авось либо, ради меня отмѣнятъ состоявшееся рѣшеніе, но совѣсть не допустила меня до такого униженія и я, скрѣпя сердце, подчинился общей участи.

— Теперь уже до Нила! не то улыбнулся, не то проникнутый сочувствіемъ, шепнулъ мнѣ Верхоглядъ.

Онъ, положительно, видѣлъ все, что у меня въ сердцѣ.

За эту ночь еще догнали насъ два треугольника... Мы подвели счеты; оказалось, что все-таки, большинство было увлечено осторожностью премудраго Крыломаха...

Но погода... погода стояла прелестная и ничего не предчувствовалось подозрительнаго, что-бы могло поколебать наше рѣшеніе.

Мы простояли здѣсь весь день, и снялись чуть только побѣлѣла полоска горизонта на востокѣ...

Быстро удалялся отъ насъ покинутый нами, еще погруженный въ темноту, берегъ, но уже вершины горнаго хребта зарумянились и красиво выступали во мракѣ своею причудливо — зубчатою линіею.

Верхоглядъ увѣрялъ, что будто бы онъ уже видитъ вершину Кіонистры, громадной горы, занимающей средину острова, но, какъ мы ни напрягали нашего зрѣнія, ничего похожаго на гору не замѣчали. Виднѣлось, правда, впереди какое-то голубое облако, но оно скоро перемѣнило мѣсто и расплылось въ общей синевѣ... значитъ не гора... Наконецъ, исчезли очертанія оставленнаго нами берега и мы летѣли, казалось, въ центрѣ необъятнаго воздушнаго пространства. Подъ нами море, но оно гладко, какъ зеркало, — и края его сливаются съ краями неба; надъ нами безпредѣльная высь, такая же покойная, такая же голубая. Солнце ослѣпительно сверкаетъ надъ нами; солнечный блескъ, также ослѣпительно отражается въ морѣ и, казалось, также льетъ потоки живительной теплоты и нѣги.

Летѣть легко и весело, и не страшно нисколько! Мы такъ проникнуты всѣ довѣріемъ къ вождямъ, что насъ нисколько не тревожитъ эта безпредѣльность. И вотъ, мы еще не устали, мы еще совершенно бодры

и готовы летать, хоть цѣлый день еще, а уже впереди насъ, теперь уже не для одного фантазера Верхогляда, а для всѣхъ насъ, ясно и отчетливо, словно выростая изъ водъ... поднимается туманная — Кіонистро, выростая медленно, но вѣрно, опредѣляясь своими контурами, словно висящая въ воздухѣ, отдѣленная отъ линіи горизонта темною воздушною полосою.

Вотъ и другія, болѣе низкія вершины показываются. Вотъ отдѣляющая полоса съузилась и исчезла. Вонъ линія берега съ бѣлою бахромою прибоевъ... слышенъ и гулъ ихъ... видны и чайки крикливыя... Уже можно различать гирлянды плюща, повившаго скалы. Еще часъ пути, меньше даже, и мы спустимся на твердую почву.

Однако, солнце было уже въ зенитѣ, когда мы, дѣйствительно, спустились на землю, близь устья небольшой рѣчки, пролетѣвъ надъ красивымъ городкомъ Левкозіей, окруженномъ роскошными виноградниками.

Успѣхъ этого перелета, прямо моремъ, безъ возможности скораго отступленія на сушу, еслибы понадобилось, значительно ободрилъ насъ и будущій такой-же перелетъ, почти вдвое больше, на Бейрутъ, насъ теперь не пугалъ нисколько.

Ночь провели мы здѣсь-же... ничто насъ не тревожило... ничто также не предвѣщало перемѣны погоды къ худшему, а также съ разсвѣтомъ, мы продолжали путь, съ гораздо большею увѣренностью въ успѣхѣ, чѣмъ вчера, при первомъ опытѣ.

Около полудня мы не видѣли еще никакого признака земли, а внизу — подъ нами, до сихъ поръ гладкая водная поверхность стала подозрительно колыхаться, словно тяжело дышать, но беззвучно, — безъ малѣйшаго всплеска, безъ всего, что бы напоминало волненіе.

— Ходу!.. послышалось спереди.

Ходу... ходу!.. подхватило по нашимъ линіямъ.

Мы усилили летъ, неслись такъ, что далеко разносился звѣнящій гармоничный свистъ нашихъ крыльевъ.

А море начинало дышать тяжелѣе и тяжелѣе... Вѣтра нѣтъ... полное затишье; — а подъ нами неподвижно стоящій корабль, съ повисшими парусами, тяжело скрипя, качается, то погружаясь глубоко въ воду своею разукрашенною кормою, то словно черпая своимъ острымъ носомъ. Въ его снастяхъ, ловко бѣгая по веревочнымъ лѣстницамъ, суетятся крохотные человѣчки, полуголые, въ красныхъ фескахъ... они торопливо убираютъ паруса. Слышны свистки... чуть доносятся снизу голоса команды.

— Не важно! вполголоса проговорилъ Верхоглядъ и незамѣтно перемѣнилъ мѣсто.

Онъ обогналъ меня и помѣстился какъ разъ за моею сестрою.

— Посмотри влѣво! шепнулъ онъ мнѣ.

Я исполнилъ его совѣтъ.

Тамъ поднималось что-то грозное, громадное, охватившее дугою чуть не полъ горизонта и двигалось къ намъ, увеличиваясь въ ширину, гоня передъ собою тяжело клубящіяся облака.

Ходу! снова послышалось спереди.

Но мы уже и безъ того неслись во всю силу нашихъ крыльевъ, увы! начинающихъ уже чувствовать первые признаки утомленія.

Надъ поверхностью моря тревожно забѣгали бѣлыя пѣнистыя змѣйки, съ каждою минутою все увеличиваясь и увеличиваясь. Замѣченный нами корабль давно исчезъ изъ вида. Первый порывъ вѣтра налетѣлъ на насъ будто неожиданно, и тотчасъ же дугою выгнулъ прямыя стороны нашихъ треугольниковъ.

Мы, однако, еще не разрывались, дружно работали крыльями, но, странно: — намъ казалось, что мы уже

не подвигаемся впередъ, а несетъ насъ вправо, несетъ неудержимо... Вдругъ, одновременно съ громовымъ,— ужаснымъ, отбивающимъ разумъ, ошеломляющимъ ударомъ въ глазахъ у насъ блеснула зубчатая линія молніи. Вслѣдъ за этимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ наступилъ мракъ. Солнце чуть виднѣлось надъ нами темно-краснымъ, уже не грѣющимъ шаромъ.

— Не разрываться! сдавайся по вѣтру... едва донесся голосъ папы.

Но уже исполнить это приказаніе не было возможности. Мимо, чуть не сбивъ меня съ пути, пронесся вырванный изъ клина журавль... онъ безпомощно, словно не птица, а тряпка какая-то, кувыркаясь въ воздухѣ, только мелькнулъ на мгновеніе и исчезъ въ темномъ пространствѣ. Вотъ еще одна жертва... Вотъ сестра моя жалобно пискнула и разомъ подалась внизъ, закинувъ голову, безнадежно задрыгавъ ногами. Я видѣлъ, какъ Верхоглядъ сразу хватилъ еще ниже, подъ нее... двѣ птицы сплотились какъ бы въ одну... но обѣ, судорожно борясь съ вихремъ, пошли наискось книзу и скрылись.

Самъ я уже не могу больше... не могу... не могу!.. Гибель неизбѣжна! Я никого не вижу кругомъ... Я одинъ. Поднимаюсь-ли я, лечу-ли впередъ я ничего не сознаю, не чувствую. Кругомъ черныя тучи, внизу что-то реветъ, словно какое-то сказочное чудовище... И вдругъ меня съ ногъ до головы обдало холодными брызгами. Въ ушахъ зазвенѣло. Надо мною поднималась громадная зеленая гора съ пѣнистымъ гребнемъ, подо мною темная зіяющая пропасть. Я рванулся, собравъ послѣднія силы; взлетѣлъ-ли я, нѣтъ,—не знаю, но только, съ размаха ударился о что-то твердое, упругое, словно натянутыя струны, и лишился сознанія.

Когда я пришелъ въ себя, я съ ужасомъ увидалъ

смуглыя человѣческія лица и почувствовалъ на своей спинѣ жесткую руку.

— Въ плѣну, промелькнуло у меня въ головѣ. И тотчасъ-же съ первымъ представленіемъ о плѣнѣ — я вспомнилъ страшныя слова:—ножницы, веревка!..

— Нѣтъ, живой! послышался голосъ.

— Бѣдныя птицы! проговорилъ другой, болѣе нѣжный, должно быть женскій.

— Не замай—отлежится! рѣшилъ кто-то третій.

И меня оставили въ покоѣ.

И вотъ я начинаю понемногу приходить въ себя и украдкою осматриваться.

Небо звѣздное,—кое-гдѣ, черными косматыми клочьями несутся обрывки тучъ, надо мною — мачта, но какая-та короткая, словно сломанная наполовину, откуда висятъ перепутанныя снасти, и между ними люди что-то торопливо дѣлаютъ — не разберешь хорошенько. Вотъ другая мачта чуть виднѣется... эта, кажется, цѣла. Освѣщенный красноватымъ свѣтомъ снизу, виденъ какой-то парусъ, сильно вздутый, а за нимъ другой поменьше.

Очевидно, я на кораблѣ, на его палубѣ, усѣянной обломками снастей, много людей занимаются ея уборкою. Стучитъ топоръ—слышны голоса. Свѣтъ идетъ снизу, черезъ окно, стекла котораго частью выбиты; вотъ что-то выбросили за бортъ и это что-то шлепнулось грузно. Вотъ потянули какую-то веревку, задѣли меня, перевернули... я застоналъ отъ боли—и кое-какъ отодвинулся, прижавшись къ бочкѣ, крѣпко привязанной къ своему мѣсту.

Я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, безпомощнымъ.

— Лучше-бы смерть! подумалъ я... и тутъ же самъ началъ себѣ возражать. Почему-же смерть... А если я поправлюсь... Можетъ быть у меня ничего не сло-

мано, можетъ быть крылья мои цѣлы, устали только, а потомъ отдохнутъ и опять пригодятся... Только-бы не эти ужасныя, безпощадныя ножницы!.. А что моя журка, что сталось съ папою и мамою, что моя сестра и Верхоглядъ съ нею?

Я вспомнилъ то ужасное мгновеніе, когда они оба исчезли въ пучинѣ, свернувшись въ одинъ клубокъ... «Кажется это было одновременно и съ моей гибелью! Гдѣ-то они всѣ теперь? что съ ними?

А сонъ одолѣваетъ и никакія мысли, никакіе страхи не въ силахъ его отогнать... Такъ тепло стало — отрадно... Ничего теперь не болитъ, только двигаться не могу: головы поднять не въ силахъ, ноги вытянуть.

— «Ножницы... Только бы не ножн...

Я заснулъ и, сколько времени спалъ, не могъ отдать себѣ никакого отчета.

Представьте же себѣ мое изумленіе, мою радость, когда, проснувшись и почувствовавъ себя гораздо бодрѣе—я увидѣлъ, шагахъ въ трехъ отъ меня, тоже выглядывающаго изъ-за бочки Верхогляда... Онъ дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, которыхъ я сразу не разобралъ.

— А сестра? невольно сорвалось у меня съ языка.

— Тс! Лежи смирно! отдыхай, набирайся силъ, но кажись больнымъ, въ этомъ возможность спасенія... Сестра здѣсь... Она не ушиблась, — слава Богу! добавилъ онъ... Ну и ночка-же!.. Я уже, впрочемъ, успѣлъ сдѣлать кое-какія наблюденія и, кажется, намъ посчастливилось.

Солнце всходило... Море успокоивалось... На палубѣ видно были только двое людей. Одинъ—высокій старикъ, въ клеенчатомъ пальто и красной фескѣ, другой почти голый, въ короткихъ панталонахъ, босой и тоже въ красной замасляной шапочкѣ, съ длинною черною кистью на затылкѣ. Первый стоялъ

на высокомъ мостикѣ и смотрѣлъ въ трубу — второй, сидя на связкахъ веревокъ, набивалъ себѣ трубочку, зѣвая и лѣниво потягиваясь.

— Всѣ спятъ! шепталъ Верхоглядъ. Эхъ кабы силы! Но, что — дѣлать... Терпѣніе, мой другъ, терпѣніе.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Я думаю, что мы попали на корабль богомольцевъ — это большое для насъ счастіе. Мы въ рукахъ людей сердобольныхъ и почти попутчиковъ. Корабль направляется въ Яффу. Я уже справился у капитана.

Верхоглядъ можетъ быть и дѣйствительно вѣрно узналъ направленіе корабля, но уже, конечно, не справляясь лично у его капитана. У него вообще развита слабость, поврать и похвастаться высокими знакомствами, и эта слабость не оставляла его даже въ такомъ критическомъ положеніи, въ которомъ мы находились.

— Пить хочется до смерти? проговорилъ я.

— А вотъ протяни голову немного и пососи эту мокрую веревку. Небось, вода дождевая, — пахнетъ жиромъ и смолой немного, но это отъ веревки.

Я исполнилъ совѣтъ и промочилъ запекшіеся языкъ и горло... Захотѣлось ѣсть... О что бы я отдалъ теперь — не только бы за горохъ или кукурузу, но даже за какую нибудь дрянь, въ родѣ червячка, или мертвой рыбки... но близко ничего не было похожаго на пищу — и приходилось покориться печальной участи.

Между тѣмъ, съ восходомъ солнца, палуба стала оживляться. Изъ люковъ выходили люди, почесываясь и крестясь на востокъ; появились и женщины, и дѣти.

— А, что наши журки! произнесла одна старушка, отыскивая насъ глазами.

Скоро мы были окружены густою толпою, а сестру, которую я только теперь увидѣлъ, взялъ на руки

какой-то старикъ въ черномъ и сталъ нѣжно гладить отстраняя, однако, руку каждый разъ, какъ моя сестра пыталась его ущипнуть.

— Будь кротка, замѣтилъ ей Верхоглядъ.

— А этотъ, кажется, больше всѣхъ уморился, обратился ко мнѣ другой, тоже въ черномъ. Это ихъ, бѣдныхъ, бурею отнесло отъ берега.

— Удивительное дѣло, замѣтилъ старикъ, все еще держащій сестру на колѣняхъ... Истинно Промыселъ Господень!.. Безбрежность моря и единая, малая точка въ оному, корабль, — и привелъ Господь сихъ тварей, въ бурную стихію увлеченныхъ, изнуренныхъ и обреченныхъ погибели — прямо на сію единую точку... яко въ гавань мира и спасенія.

— Премудрость! вздохнулъ тутъ другой черный.

— Журочки, журочки... бѣдненькія... залепетали дѣтскіе голоса.

Маленькая бѣлокурая дѣвочка присѣла около меня на корточки и стала меня ласкать и гладить. А Верхоглядъ, должно быть оправившись раньше нашего, приподнялся на ноги и встрепенулся.

— Ай! отскочилъ отъ него чумазый мальчикъ.

— Чего ты испугался... Онъ не тронетъ... Это птицы смирныя, безобидныя... Чего испугался!

А Верхоглядъ граціозно раскланялся направо и налѣво и сдѣлалъ, то-есть хотѣлъ сдѣлать, самое граціозное па..., да ему не удалось, и онъ чуть не шлепнулся на палубу... Усталость еще не прошла окончательно и ноги служить отказывались.

Тѣмъ не менѣе это движеніе очень понравилось всѣмъ окружающимъ. Послышался смѣхъ... Даже черный матросъ, оскаливъ свои бѣлые зубы, хрипло захохоталъ, а старый капитанъ на мостикѣ, все время наблюдавшій эту сцену, весело крикнулъ.

— Да вы покормите чѣмъ нибудь этихъ но-

выхъ пассажировъ... Эй принести варенаго рису съ кухни!

Ахъ какъ это было умно... Какъ это было геніально — кстати!

— Кормить, кормить! Журокъ кормить... новыхъ пассажировъ ха-ха-ха! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Очевидно, мы были центромъ всеобщаго вниманія... Ничего враждебнаго не замѣчалось въ этой толпѣ, напротивъ всѣ смотрѣли такъ ласково, такъ привѣтливо.

— А ихъ-бы на вертелъ... а то въ супъ! грянулъ неожиданно новый голосъ, обдавшій насъ холодомъ смертельнаго ужаса, — и изъ темнаго люка, словно изъ-подъ земли, показалась звѣрская физіономія, въ бѣломъ колпакѣ и такомъ-же фартукѣ... На поясѣ у него висѣло два страшныхъ ножа... и еслибы не чашка съ превосходнымъ рисомъ, которую этотъ господинъ держалъ въ рукахъ, — вся его фигура представляла-бы только олицетвореніе смерти и жестокой безпощадности. Но рисъ — рисъ нѣсколько смягчилъ общее впечатлѣніе, — и этотъ дивный рисъ скоро предложенъ былъ всецѣло нашему употребленію.

Страшно было, но мы кушали. Кушали и косились на человѣка съ ножами, а тотъ, закуривъ короткую трубочку, стоялъ около, растопыривъ ноги, и продолжалъ.

— Жаркое было-бы недурно!

— Да развѣ ихъ ѣдятъ? спросила какая-то худая женщина съ ребенкомъ на рукахъ... Нѣшто цаплю ѣсть можно? Она поганью питается.

— Это не цапли! это журавли... Не этой совсѣмъ породы, отвѣчалъ ей кто-то, очень прилично одѣтый и въ очкахъ на длинномъ носу.

Слава Богу! догадались! Насъ, благородныхъ журавлей, принять за мерзкихъ цапель... Этого еще не-

доставало! Право даже обидно было слушать подобныя вещи. Мы потому только смолчали, что очень уже были заняты рисомъ.

Однако поднятый вопросъ: можно ли насъ ѣсть или нельзя, заинтересовалъ насъ не на шутку. Мы понимали хорошо роковое значеніе этого вопроса, но самолюбіе наше невольно страдало... особенно когда — кто-то вполнѣ утвердительно заявилъ, что ѣсть можно, но не стоитъ! жестко и невкусно!

— А попробовали-бы замариновать предварительно... сорвалось у меня съ языка.

— Дурррак! толкнулъ меня въ бокъ Верхоглядъ... проболтался!

Къ счастью, моя откровенность не принесла бѣды... къ предложенію воспользоваться нашимъ мясомъ, отнеслись какъ къ шуткѣ... Никому и въ голову не приходило причинить намъ какое нибудь зло, и мы всецѣло попали на попеченія старика, говорившаго о Промыслѣ Господнемъ. А тотъ рѣшилъ дать намъ свободу, какъ только мы ступимъ на землю.

— Богъ ихъ спасъ и сохранилъ и мы не посягнемъ и Волю Господню приведемъ въ исполненіе! произнесъ онъ и всѣ единогласно съ нимъ согласились.

Участь наша была обезпечена.

Долго еще шли вокругъ насъ разные, болѣе или менѣе интересные разговоры... Говорили о томъ, что часто случается будто бури цѣлыми стаями загоняютъ на корабли разныхъ птичекъ... Говорили, что какъ-то тысячи ласточекъ, нанесенныя ураганомъ на этотъ же гостепріимный корабль, нашли на немъ себѣ надежное убѣжище и были доставлены на берегъ. Говорили даже, что разъ хищный разбойникъ — ястребъ попалъ въ такое-же положеніе и его-бы не тронули, но онъ дурно себя велъ и, неблагодарный, при всѣхъ на глазахъ растерзалъ ручного голубя, принадлежащаго

самому капитану... Конечно этого злодѣя постигла немедленно смертная казнь... его застрѣлили!

Одно, что насъ смущало и печалило, это то, что насъ только трое находилось на лицо изо всего многочисленнаго треугольника... Что сталось съ другими... Гдѣ они? Погибли-ли безвозвратно или, можетъ быть, Божественный Промыселъ и ихъ коснулся своею рукою. Можетъ быть и имъ удалось попасть на палубу корабля, а можетъ быть опуститься на какой нибудь островъ.

— Тучи шли съ востока на западъ, соображалъ, между тѣмъ, и что-то вычислялъ всезнающій Верхоглядъ. Насъ захватило на полу пути, между Ларнакою и Бейрутомъ. О! если вѣтеръ не мѣнялся и сохранилъ свое направленіе... Тамъ долго никакой земли нѣтъ, тамъ безъ конца все море и море! Вы представьте себѣ, что нашихъ могло пронести мимо самыхъ устьевъ Нила и попасть туда они не могли, подхваченные неудержимымъ, воздушнымъ теченіемъ... Это ужасно!

— Это ужасно! подхватила вздохнувъ сестра.

Но мнѣ ничего не казалось ужаснымъ. Слова старика о Промыслѣ Господнемъ такъ глубоко запали мнѣ въ душу, что я почему-то былъ глубоко убѣжденъ въ спасеніи нашихъ и снова покойно задремалъ, чувствуя не безъ удовольствія, какъ послѣ насыщенія все возобновляются и возстановляются мои жизненныя силы.

Корабль медленно покачивало, количество парусовъ увеличилось. Отъ этихъ громадныхъ парусовъ на палубу легла прохладная тѣнь. Гдѣ-то звенѣла струна... откуда-то снизу, черезъ открытый стеклянный люкъ неслись чудные гармоничные аккорды дивнаго, неизвѣстнаго инструмента. Люди казались такими добрыми, хорошими, и совершенно изгладились изъ памяти тѣ

злые, что такъ безпощадно палили въ насъ на Днѣпровскихъ затонахъ.

— Яффа! послышался голосъ съ передней части корабля.

— Яффа! перевелъ намъ Верхоглядъ.

Онъ, когда я проснулся вновь отъ этого крика,— преважно похаживалъ на мостикѣ, рядомъ съ капитаномъ, протанцевывалъ и, вообще велъ себя самымъ фамильярнымъ образомъ.

Матросы дружно хохотали глядя на его продѣлки.

Я тоже почувствовалъ себя въ полныхъ силахъ, разбудилъ сестру, и мы стали прогуливаться по палубѣ, шагая черезъ свернутыя кольцами веревки и даже черезъ вытянутыя, босыя и обутыя ноги пассажировъ,— крѣпко спавшихъ на подостланныхъ коврахъ, пользуясь пріятною тѣнью распущенныхъ парусовъ корабля.

Замѣтивъ, насъ, Верхоглядъ соскочилъ съ мостика и присоединился къ нашей компаніи.

— Теперь, сказалъ онъ,—не зѣвать!.. Мы отдохнули достаточно!.. Судьба была къ намъ необыкновенно благосклонна! Злоупотреблять, даже Божьимъ милосердіемъ не слѣдуетъ. Люди добры,—къ намъ, но это настроеніе можетъ измѣниться... Берегъ близко!.. Видите этотъ бѣлый прибой,— за нимъ уже песчаная отмель... Вонъ и маякъ виднѣется... Разъ, два, три!.. за мною! съ Богомъ!

Мы не дали себѣ времени обдумывать предложеніе Верхогляда и послѣдовали его примѣру, подскакнули слегка, разбѣжались и поднялись на воздухъ, выбравъ болѣе широкій промежутокъ въ этихъ многочисленныхъ, хитро перепутанныхъ корабельныхъ снастяхъ.

Теперь мы были внѣ всякой опасности.

Сзади мы слышали крики... кто-то кричалъ: а жу-

равли-то улетѣли!.. Слышался чей-то дѣтскій плачъ. Я обернулся.

Я видѣлъ у борта толпу людей и между ними, высоко надъ головами, худую руку старика, посылавшую намъ напутственное благословеніе.

Я едва удержался отъ слезъ. Какъ могутъ быть хороши люди, если они этого захотятъ!.. О, зачѣмъ они не всегда хотятъ быть таковыми.

А все-таки лучше отъ людей подальше!

XVI.

Забравши сначала выше, мы инстиктивно направились въ сторону отъ развертывающейся передъ нами панорамы Яффы. Мы держались правѣе и, перелетѣвъ черезъ буруны, опустились на открытомъ песчаномъ мѣстѣ... Недалеко виднѣлся родникъ, съ бассейномъ, отдѣланнымъ бѣлымъ мраморомъ, около него росла группа чахлыхъ пальмъ, и въ тѣни одной изъ нихъ сидѣла смуглая женщина съ ребенкомъ, а около стоялъ высокій глиняный кувшинъ, наполненный уже водою... Нѣсколько женщинъ шли, удаляясь, съ такими же кувшинами на головахъ... Подальше, поднимая столбы красноватой пыли, мелодично позванивая колокольчиками, тянулся верблюжій караванъ подъ охраною вооруженныхъ всадниковъ.

Все это было для насъ ново и очень интересно.

Хитрецъ Верхоглядъ тотчасъ-же предложилъ намъ избрать изъ своей среды предводителя... Онъ очень хорошо зналъ, что это право принадлежитъ ему безспорно, но того требовали законы, и ему, очевидно, пріятно, было испытать, въ первый разъ въ жизни, удовольствіе быть избраннымъ.

Рѣшеніе послѣдовало единогласно, хотя и я не былъ оставленъ вниманіемъ: Верхоглядъ предложилъ избрать меня.

— Теперь, друзья мои, извольте-же повиноваться мнѣ безпрекословно! произнесъ нашъ новый вождь. Даже и вы сами, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, моя повелительница! кокетливо обратился онъ къ сестрѣ. Во-первыхъ, господа, насъ трое. Это число позволяетъ намъ немедленно образовать треугольникъ. Еслибы насъ было двое — это, увы! было-бы невозможно.

И онъ намъ принялся чертить на пескѣ, доказывая эту неоспоримую истину.

— Я съ нимъ, онъ указалъ на меня, — держимъ поочередно стражу и занимаемъ также поочередно передовое мѣсто. Вы, сударыня, освобождаетесь отъ всякихъ служебныхъ обязанностей.

Положимъ, что это былъ уже не совсѣмъ законный произволъ, но я не находилъ нужнымъ замѣтить этого, а сестра тѣмъ болѣе.

Верхоглядъ быстро освоился съ мѣстностью и хорошо опредѣлился. Онъ сообщилъ намъ, что перелетъ будетъ предстоять намъ отсюда, придерживаясь морскаго берега, прямо на Портъ-Саидъ и на Дамьетту.

— На Нилъ! окончилъ онъ свои соображенія и предложилъ намъ сдѣлать, пока для пробы, маленькій перелетъ... Во-первыхъ: дальше отъ этого родника, куда все-таки приходятъ люди, а во-вторыхъ, — для пробы крыльевъ послѣ перенесенной нами изрядной передряги.

Мы пролетѣли часа два и опустились снова на отмели, уже окончательнаго мертваго пустыннаго берега.

Къ вечеру мы нѣсколько отдохнули и нетерпѣніе летѣть на Нилъ, гдѣ намъ улыбалась мысль — узнать хотя что нибудь объ участи нашихъ родныхъ и товарищей, было такъ велико, что рѣшено было сдѣлать перелетъ ночью... По крайней мѣрѣ, большую часть перелета, чтобы завтра меньше осталось.

Мы построились: впереди Верхоглядъ, за нимъ я съ сестрою, почти рядомъ и полетѣли.

Чудная звѣздная ночь, теплая, дышащая нѣгою, стояла надъ спящею землею. Ощущеніе свободы было такъ пріятно... опасностей болѣе никакихъ не предвидѣлось. «О, какъ было-бы хорошо, еслибы мы нашли своихъ здравыми и невредимыми»!

Верхоглядъ вралъ всю дорогу безъ умолку.

Онъ намъ разсказывалъ — напримѣръ, какъ капитанъ корабля уговаривалъ его остаться и поступить къ нему въ помощники, какъ онъ отказывался, ссылаясь на свое высокое положеніе, какъ предводителя треугольника, какъ капитанъ жалъ ему ногу съ пожеланіями счастливаго пути и какъ, наконецъ, обнималъ его, прося не забывать и не упустить случая какъ нибудь навѣдаться еще разъ.

— Весь корабль и весь вареный рисъ къ вашимъ услугамъ, говорилъ капитанъ, а повара боятся нечего... Тотъ хоть и негръ, но хорошо воспитанъ и не посмѣетъ мариновать перваго друга своего капитана.

Оба мы хохотали отъ души и дѣлали видъ, что вѣримъ разскащику безусловно, а тотъ разошелся такъ, что заявилъ будто-бы капитанъ гдѣ-то въ Англіи заказалъ себѣ превосходныя настоящія журавлиныя крылья, и рѣшилъ послѣ выйти въ отставку и поступить въ журавли, вполнѣ надѣясь, что онъ, Вер-

хоглядъ, не оставитъ его, въ свою очередь, своимъ высокимъ покровительствомъ.

Къ разсвѣту мы замѣтили впереди, то потухающую, то вспыхивающую снова огненную точку — это былъ далеко выдвинутый въ море маякъ Портъ-Саида, до котораго, впрочемъ, было еще очень далеко.

Маяки всегда строятъ такъ, что ихъ, особенно съ высоты журавлинаго полета, видно очень издали. Кажется и близко, особенно ночью, вотъ, вотъ сейчасъ уткнешься, а между тѣмъ летишь — летишь и конца нѣтъ.

Дѣйствительно, когда развѣяло окончательно, мы только, и то издали, увидали чуть замѣтную розоватую колонну, на верху которой сверкала какая-то искра. Это первые лучи восходящаго солнца играли, отражаясь въ стеклахъ маячнаго фонаря, въ виду котораго, въ ожиданіи очереди прохода — качалось множество паровыхъ и парусныхъ судовъ, а между ними шныряли маленькіе, весело посвистывающіе пароходики.

Влѣво, рѣзко выдѣляясь въ ярко-желтомъ фонѣ песковъ, тянулась прямая, какъ стрѣла, узкая водная полоса канала, и по ней медленно ползли колоссальные корабли, распространяя надъ собою цѣлыя тучи чернаго дыма.

За Портъ-Саидомъ, уходя въ туманъ, разстилалась низменная равнина, мѣстами покрытая зеленью камышей, мѣстами желтѣвшая песками, вся изрѣзанная безчисленными водными протоками. Эту низменность отъ Портъ-Саида отдѣляла невысокая гряда сыпучихъ песковъ.

— Дельта! указалъ намъ Верхоглядъ... Вотъ она здѣсь начинается!

Сердца наши забились сильнѣе... Страхъ и надежда смѣнялись между собою: то рисуя намъ ра-

достныя картины встрѣчи, то печальную будущность сиротства и горькихъ воспоминаній.

Мы расположились на отдыхъ именно въ этой, отдѣляющей чертѣ сыпучихъ песковъ,—и къ полудню, зорко высматривая внизу и по сторонамъ, плавно неслись надъ дельтою Нила, вдыхая его сырыя испаренія.

— Сюда! радостно крикнулъ Верхоглядъ.

Мы замѣтили небольшую группу журавлей, пасущуюся на берегу лѣниваго, еле ползущаго протока.

Мы рванулись къ нимъ такъ стремительно, что забыли дисциплину и разстроили свой треугольникъ. На наши радостные крики, снизу отозвались такими-же веселыми трубами.

Это были наши... не нашего, то-есть, прежняго треугольника, но другихъ... изъ тѣхъ, что тоже вынесли бурю. Изъ семидесяти журавлей этого клина, осталось только шестнадцать, да и то чудомъ снесенныхъ прямо въ эти мѣста... Каковъ подневольный перелетъ! Прочіе затерялись въ морѣ — и нѣтъ объ нихъ никакихъ извѣстій... Вѣроятно погибли.

На робкій вопросъ нашъ о треугольникѣ папы — Горлана — эти ничего не знали. Они сами еще не оправились достаточно, чтобы отправиться на розыски, и приглашали насъ присоединиться къ нимъ.

— Кто у васъ старшій, гордо спросилъ Верхоглядъ.

Ему отвѣтили.

Онъ направился къ указанному журавлю и сталъ съ нимъ совѣщаться, разговаривая вполголоса. Верхоглядъ убѣдилъ всѣхъ перемѣнить мѣсто стоянки. Ему это почему-то не нравилось. Предложилъ перебраться на другое, по моему, совершенно одинаковое, и, не откладывая въ долгій ящикъ, выбрать журавлей понадежнѣй и разослать ихъ на розыски. Впрочемъ, исполненіе этого охотно принятаго предложенія было отложено до утра.

Къ ночи къ намъ еще прилетѣло нѣсколько чудомъ спасенныхъ. Одинъ изъ вновь прибывшихъ сообщилъ, что видѣлъ папу Горлана еще живымъ, еще энергично борящагося съ ураганомъ, и видѣлъ не задолго до своего собственнаго спасенія... Надежда увеличивалась.

Едва дождались разсвѣта, какъ избранные развѣдчики отправились въ путь. Я тоже полетѣлъ съ ними, довѣреннымъ лицомъ отъ нашего треугольника, нѣсколько теперь увеличившагося, потому что Верхоглядъ немедленно присоединилъ прибывшихъ къ своимъ силамъ.

Вообще, нашъ молодой вождь распоряжался гораздо энергичнѣй другого предводителя, и прочіе журавли смотрѣли на насъ не безъ нѣкоторой зависти.

Выбравъ себѣ товарища, я отправился на розыски.

Едва мы отлетѣли немного, какъ я замѣтилъ на пескѣ, на самомъ солнцепекѣ два большихъ, неподвижныхъ, зеленовато-черныхъ предмета и принялъ ихъ за бревна, выброшенныя на берегъ волною; покрывавшая ихъ плесень еще болѣе увеличивала это подобіе... Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидалъ, что эти бревна зашевелились и медленно поползли по песку, оставляя за собою глубокія борозды. Одно изъ этихъ бревенъ зѣвнуло и раскрыло страшную пасть, усѣянную острыми зубами. Эта пасть была такъ велика, что въ нее могли-бы помѣститься разомъ не только цѣликомъ журавль, но даже пара гораздо крупнѣйшихъ пеликановъ. Я не зналъ, что это за чудище, товарищъ мой тоже, а спросить было не у кого. Ограничившись только легкимъ облетомъ стороною, мы продолжали путь и скоро увидали на маленькомъ, густо поросшемъ островкѣ, опять группу журавлей и между ними, къ величайшей моей радости — моего милаго,

дорогаго, никогда такъ сильно не любимаго, какъ теперь — папу-Горлана.

Кубаремъ слетѣлъ я внизъ, зацѣпился ногами, ткнулъ носомъ въ песокъ и едва только могъ произнести, задыхаясь и то сквозь радостныя слезы:

— Папа — мой папа!

Папа вздрогнулъ, какъ-бы спросонка, пристально посмотрѣлъ на меня и тихо спросилъ, словно не замѣчая моей радости:

— А сестра?

— Всѣ живы, всѣ, закричалъ я, — и Верхоглядъ живъ, онъ у насъ теперь предводителемъ...

— Предводителемъ!.. грустно покачалъ папа головою. — Это хорошо, очень хорошо! А я уже не гожусь, старъ, должно быть, становлюсь... Погубилъ чуть не весь треугольникъ. Не послушался добрыхъ совѣтовъ... на силы свои понадѣялся... Ну... радъ — радъ, очень радъ, что хотя вы живы.

Я пристально взглянулъ на папу. Его узнать даже было трудно, такъ перемѣнили его горе, да и утомленіе быть можетъ. Я сталъ осматриваться.

— Не ищи — погибла! проговорилъ папа.

И тутъ только я понялъ всю тяжесть его и нашей съ сестрой — потери.

— Погибла на моихъ глазахъ, продолжалъ онъ. Захлестнуло проклятою волною и болѣе она уже не показывалась.

Я заплакалъ горько, горько.

— Бѣдная сестричка моя! какъ то я ей передамъ это тяжелое извѣстіе.

Папа, узнавъ, что мы на розыскахъ, похвалилъ насъ за это, сказавъ: умно! и только, ссылаясь на свою усталось, отказался принять участіе въ общемъ дѣлѣ, но внимательно разспросилъ о мѣстѣ нашей стоянки и обѣщалъ къ вечеру присое-

диниться съ остатками, около него сгруппировавшимися.

Мы полетѣли дальше.

Къ ночи наши дѣла настолько были успѣшны, что, кромѣ тѣхъ, что за усталостью не могли летѣть, я собралъ на наше становище около сотни журавлей, и нашъ лагерь сталъ немного напоминать своею многочисленностью прежнія стоянки.

Дня три находились мы на тѣхъ-же мѣстахъ, все собирая разрозненныя полчища.

Дѣдушка Долгоносъ прилетѣлъ со своимъ совершенно цѣлымъ треугольникомъ на второй день. Ему просто посчастливилось. Онъ сдѣлалъ роковой перелетъ на Бейрутъ на другой день послѣ нашего и вполнѣ благополучно.

Запоздай и мы хоть немного, хоть полсутокъ всего, о, какъ было-бы хорошо — сколько жизней сбереглось-бы. Но кто-же могъ знать, что насъ ожидаетъ впереди — одинъ Богъ — и да будетъ Его святая воля!

Мы подвели счеты. Оказалось, что потеряно было въ морѣ всего до двухъ сотъ журавлей изъ разныхъ треугольниковъ, добрая треть... ужасная потеря!

Къ концу третьяго дня стали появляться головы колоннъ Премудраго Крыломаха, осторожно летѣвшихъ вдоль берега. Мы начали устраиваться.

Выборъ Верхогляда въ вожди былъ утвержденъ... Его треугольникъ составили изъ остатковъ другихъ, потерявшихъ своихъ главарей. Положимъ, онъ самъ очень много разсказывалъ о своихъ подвигахъ, но главную вѣру дали показаніямъ моимъ и моей сестры... Но тутъ новому вождю пришлось попасть въ положеніе, несовсѣмъ удобное.

Я и моя сестра по семейнымъ законамъ, должны были остаться въ треугольникѣ своего папа, — Верхо-

глядъ не желалъ разставаться съ нами, главное, конечно, съ сестрою... Приходилось выбирать одно изъ двухъ: — или отказаться отъ предводительства и остаться у насъ — или-же разставаться. Верхоглядъ, впрочемъ, колебался не долго, а тутъ еще рѣшеніе ускорялъ каждый томный взглядъ моей сестрицы.

— Оно, положимъ, проговорилъ нашъ молодецъ, — лестно!.. весьма даже лестно и вполнѣ заслуженно... Но это еще не уйдетъ, заслуги мои всегда оцѣнятся по достоинству, а пока — я надѣюсь, дорогой пап... то есть, я поторопился, я хотѣлъ сказать, многоуважаемый господинъ Горланъ, что вы ничего не имѣете противъ моего присутствія въ вашемъ треугольникѣ, подъ вашимъ благосклоннымъ покровительствомъ.

Папа отвѣчалъ только короткимъ и сухимъ: — оставайся! — и вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, къ общему нашему удовольствію.

Старый Долгоносъ тоже сильно горевалъ о погибели нашей милой, заботливой маменьки и старался, какъ могъ, утѣшать своего осиротѣвшаго друга.

«Круты горки да забывчивы», говоритъ пословица — и нѣтъ такого горя, которое не заслонялось бы навѣки новыми радостями, какъ и сама смерть, — смѣняется новою жизнью.

Что касается до меня, то я такъ заинтересовался своею милою Журкою-Уралкою, что Верхоглядъ совѣтовалъ мнѣ просить у кого слѣдуетъ о переводѣ, — но Крыломахъ Премудрый устроилъ все какъ нельзя лучше. Разъ, передъ вечеромъ, онъ пришелъ къ намъ, да и не одинъ, а съ Черношейкою и, смѣясь во все горло, проговорилъ, обращаясь къ папѣ-Горлану:

— Эй, дружище! возьми ты мою дурочку къ себѣ на излеченіе. Чортъ знаетъ, что съ нею дѣлается! — Плохо кушаетъ, а еще того хуже спитъ. Я убѣжденъ, что она у тебя въ треугольникѣ поправится... Знаю

я эту болѣзнь!.. Давно, положимъ очень давно, это было, но еще помню... Такъ вотъ, бери ее подъ свое покровительство.

Папа согласился, и съ этого счастливаго вечера мы съ Журкою-Уралкою, съ милою моею красавицею Черношейкою, уже болѣе не разлучались.

XVII.

Уже здѣсь, въ низовьяхъ Нила, мы были вполнѣ обезпечены отъ зимнихъ холодовъ. Мы могли бы и здѣсь прожить новое лѣто, но предполагалось летѣть все дальше и дальше. Эти перелеты мы совершали не торопясь, зигзагами, то располагаясь на правомъ берегу, то переносясь на лѣвый. — О, сколько, по истинѣ, интереснаго встрѣчали мы на своемъ пути, проносясь плавно надъ этою страною чудесъ!

Наши старики, много разъ бывалые, опытные и все знающіе, разсказывали намъ, объясняя все видѣнное, называли по именамъ и припоминали любопытныя, связанныя съ данною мѣстностью, просто духъ захватывающія приключенія.

Верхоглядъ, — удивительное дѣло, — вралъ гораздо меньше, но ко всему присматривался и прислушивался; сестра моя была имъ, очевидно, довольна и дарила его своею полнѣйшею благосклонностью... Мы съ Черношейкою тоже были вполнѣ счастливы, и путешествіе наше могло бы считаться истинно райскимъ, еслибъ не нарушалось изрѣдка тревожными и даже печальными минутами... Впрочемъ, все надо вести по порядку:

Первое чудо на нашемъ пути конечно былъ Каиръ, этотъ удивительный городъ съ плоскими крышами, съ чудными зданіями, съ величественнымъ видомъ на Нилъ. Верхоглядъ указалъ мнѣ на золоченную крышу высокаго, чрезвычайно красиваго минарета, съ котораго онъ когда то разогналъ голубей и ласточекъ. Узенькія темныя улицы города казались щелками, но въ нихъ копошилась и шумѣла кипучая жизнь, особенно, въ тѣни крытыхъ базаровъ. Люди въ пестрыхъ и бѣлыхъ одеждахъ толпились на площадяхъ, занимали живописными группами мѣсто въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, пили что-то изъ крохотныхъ чашечекъ и курили изъ длинныхъ, предлинныхъ трубокъ.

Женщины, съ закрытыми лицами, какъ тѣни, бродили попарно и кучками, катались въ легкихъ изящныхъ колясках и щебетали, какъ тѣ ласточки, милліонами сновавшія надъ городомъ. Между людьми просто по улицамъ бродили, похожія на насъ птицы, только носы у нихъ были гораздо длиннѣе... Это ибисы,

— еще болѣе близкія къ человѣку птицы, чѣмъ наши знакомые аисты... и этихъ тоже здѣсь было довольно. Но что за красавцы эти краснокрылы!.. Мы ихъ въ первый разъ замѣтили, вытянувшихся въ одну линію, неподвижно стоящихъ вдоль берега, на отмели... Что-то испугало ихъ и они взлетѣли на воздухъ, точно громадные, огненно красные кресты распластались они въ знойномъ воздухѣ вечера и, вытянувъ длиннѣйшія шеи, потянулись по другую сторону. Куда они рослѣе насъ, журавлей! и носы у нихъ другіе совсѣмъ: — короткіе, толстые и загнутые, какъ ложки... Вѣроятно, имъ нужны именно такой формы.

Мы летали въ пески лѣваго берега и видѣли величественные ряды пирамидъ... Мы видѣли колоссальную голову, напоминающую голову человѣка, съ разбитымъ приплюснутымъ носомъ и въ странномъ головномъ уборѣ, словно громадныя уши, висящемъ по бокамъ этой головы. Голова торчала изъ песка, чувствовалось, что подъ этимъ пескомъ погребено какое-то принадлежащее головѣ туловище — и все это такъ было велико, что настоящіе люди, даже верблюды казались крохотными мушками... Мы видѣли стройныя финиковыя пальмы, видѣли, какъ ловко приспособились къ нимъ люди, чтобы лазить на самый верхъ подъ ихъ густыя тѣнистыя кроны, добывая оттуда спѣлыс грозди вкусныхъ финиковъ; мы даже пробовали эти финики, ихъ такъ много валялось около, на пескѣ, да и тѣ, что наверху, конечно, были для насъ, крылатыхъ, болѣе доступны, чѣмъ для человѣка.

Печальную мертвую страну представляютъ эти

песчаныя пустыни, словно море, разливающееся по ту сторону пирамидъ, но и тамъ жизнь!.. На быстроногихъ верблюдахъ скачутъ по этимъ прескамъ смуглые люди, въ ярко бѣлыхъ плащахъ, тянутся караваны и носятся въ воздухѣ громадные хищники — грифы, зорко всматриваясь, въ даль, Богъ знаетъ какъ далеко различая въ сплошномъ тонѣ песковъ бѣлѣющіяся кости и смрадные трупы павшихъ отъ изнуренія животныхъ.

Разъ ночью, когда полная луна свѣтила своимъ мертвымъ, холоднымъ свѣтомъ на уснувшую пустыню, мы видѣли животное съ красивою косматою гривою; этотъ звѣрь шелъ легкою кошачьей поступью, отбрасывая на пескѣ длинную тѣнь... Вотъ еще одна тѣнь мелькнула, это другой звѣрь такого же вида, но безъ гривы. Они поровнялись, обнюхали другъ друга, и залегли, помахивая своими длинными хвостами.

— Это львы, это страшнѣйшіе звѣри во всемъ свѣтѣ, шепталъ моей сестрѣ Верхоглядъ. — Ихъ даже и люди боятся, а когда они начнутъ рычать, такъ это просто словно раскатъ грома далекаго... Внушительно! Для насъ, журавлей, это, положимъ, пустяки, добавилъ

онъ самонадѣянно, но для людей и прочихъ животныхъ, не скажу... Встрѣчаться не посовѣтовалъ бы.

Послѣ, по ночамъ, по закатѣ солнечномъ и передъ разсвѣтомъ, мы не разъ слыхивали рыканіе львовъ и жалобный вой, сопровождающихъ этихъ царей

пустыни, жалкихъ шакаловъ, трусливыхъ воришекъ, дрянныхъ звѣрей, не стоящихъ ни малѣйшаго вниманія.

— Это еще все пустяки! говорилъ Долгоносъ-Всезнайка, когда мы, возвращаясь съ прогулокъ, разска-

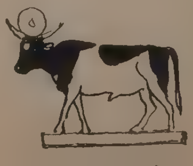
зывали свои приключенія, описывали все видѣнное... Это пустяки! Вотъ дальше, у верховьевъ Нила, у подножія Голубыхъ горъ, на большихъ внутреннихъ моряхъ-озерахъ, что мы увидимъ, — это много поинтереснѣе будетъ...

И мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанныхъ чудесъ, и все рвались впередъ и впередъ,

открывая все новыя и новыя явленія величественной природы, незнакомыя намъ.

И за ея подавляющими красотами, за этою, непрерывно смѣняющеюся новизною, мы все болѣе и болѣе забывали наши скромныя, родныя болота... Неблагодарные!.. мы забыли свою родину!..

Я говорю мы, то-есть молодежь. — Старики напро-



тивъ: тѣ собирались вмѣстѣ, высчитывали дни, когда наступитъ пора возвращенія, соображали, что теперь тамъ? и, говоря о забытыхъ нами мѣстахъ, выражались: «у насъ», а говоря о здѣшнихъ, такъ и говорили: «на Нилѣ-молъ».

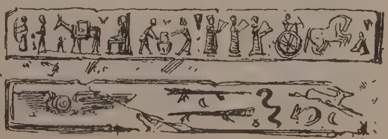
На третьемъ перелетѣ (мы все время не покидали путеводной ленты Нила), пришлось намъ увидѣть древнія развалины и колоссальныя фигуры мемноновъ... нелѣпыя, лишенныя всякой красоты, едва сохранившіе подобіе человѣка, каменные сидячіе уроды, словно стерегутъ здѣсь теченіе Нила, отражаясь въ его стоячихъ затонахъ... А дальше густыя кроны роскошныхъ пальмъ букетомъ поднимаются надъ водою, и тамъ видна колонада, прямолинейныя очертанія полуразвалившихся воротъ,—торчащія иглы обелисковъ, и все это покрыто сплошь причудливымъ узоромъ таинственныхъ, много тысячелѣтій сохранившихся надписей...

Я помню меня особенно занимали эти надписи... Очевидно, что это именно надписи, а не просто узоры, это невольно чувствуется. Разъ я, случайно отдѣлившись отъ другихъ, долго стоялъ подъ кускомъ карниза, свалившимся откуда то сверху... Никто мнѣ не мѣшалъ, кругомъ было тихо, и я погрузился въ созерцательное положеніе. Я всматривался въ загадочныя фигуры и силился постичь ихъ значеніе...

— Эй ты, юный философъ! раздалось неожиданно около меня.

Я даже вздрогнулъ.

— А ты, братъ, не забывай, что здѣсь не наши осташковскія болота, толкнулъ меня дѣдушка Долгоносъ,—это былъ онъ,—здѣсь сразу попадешь кому нибудь на зубъ... Посмотри, вонъ крокодилъ изъ воды высунулся, это онъ на тебя засмотрѣлся, какъ



ты вотъ на этотъ камень. — Ну, что нашелъ интереснаго?

Я сообщилъ ему, что именно меня интересуетъ.

Долгоносъ пристально посмотрѣлъ тоже, что-то припомнилъ и, къ величайшей моей радости, сказалъ:

— Это очень просто.

— Объясните, дѣдушка! обрадовался я.

— А видишь ли вотъ этотъ первый знакъ, на что онъ похожъ?

Теперь для меня очевидно было, что первый знакъ выражалъ попытку художника изобразить дерево... Конечно, дерево это было нарисовано совсѣмъ по дѣтски, но узнать можно было безошибочно.

Подошелъ тутъ Верхоглядъ къ намъ съ своею подругою... Еще захлопали крылья, это папа прилетѣлъ, тоже случайно, и съ нимъ штукъ пятокъ нашихъ. Моя Черношейка тоже подбѣжала: она всегда очень любила разсказы Долгоноса-Всезнайки. Однимъ словомъ, образовалось изрядное общество слушателей, и нашъ маститый учитель былъ, очевидно, нѣсколько польщенъ оказаннымъ ему вниманіемъ.

— Такъ значитъ, продолжалъ онъ потомъ и остановился; — дерево такъ дерево, запомните его начальную букву.

— Д, подсказала Черношейка и сконфузилась.

— Почему не Ѳ?.. захохоталъ какой-то дуракъ въ заднихъ рядахъ слушателей.

— Не дурить! коротко отрѣзалъ папа... Ну, валяй друже... весьма интеррресно! Дерево, такъ дерево...

— Второй знакъ — голова какого-то животнаго — по ушамъ, надо полагать...

— Оселъ! подсказалъ я.

— Запомнимъ О.

— Третій?

ЛИТ. ШТАД[illegible] И ПАТТИНОТЪ СПБ

Тутъ нѣсколько голосовъ разомъ, узнавъ изображеніе крикнули: — ложка!

— Вѣрно!.. четвертый знакъ просто голова негра или какого нибудь другого, это все равно! Я полагаю, что художникъ хотѣлъ этою головою выразить букву Г. Затѣмъ опять повторяется оселъ... затѣмъ...

Тутъ уже мы всѣ хоромъ крикнули: — носъ! и стали съ недоумѣніемъ между собою переглядываться...

Что это! простая случайность, или...

Нашъ маститый дѣдушка стоялъ скромно опустивъ голову, какъ будто преклонившись передъ какимъ-то величественнымъ воспоминаніемъ.

— Дѣдушка, это вы?.. это ваше имя?.. робко спросила сестра...

— Не думаю, — произнесъ онъ... Вѣроятно одинъ изъ моихъ предковъ... нашъ родъ Долгоносовъ, — одинъ изъ стариннѣйшихъ журавлиныхъ родовъ. Странно однако, очень странно... Вотъ не ожидалъ!..

Нашъ ученый, но тѣмъ не менѣе скромный старикъ былъ, положительно, смущенъ своимъ открытіемъ... Вѣдь надо-же было мнѣ остановиться надъ этимъ обломкомъ, надо-же было появиться въ эту минуту Долгоносу, надо чтобы собралась вся компанія, — и такой ошеломляющій результатъ.

Лестно, — крайне лестно, — но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ заслуженно.

— Сюда! сюда! раздался тутъ голосъ Верхогляда.

Онъ раньше еще, въ первую минуту общаго недоумѣнія, куда то скрылся и теперь звалъ насъ зачѣмъ-то. Вѣроятно, нашелъ что нибудь крайне интересное.

Когда мы къ нему подлетѣли, онъ стоялъ, опустивъ носъ до земли и внимательно что-то разсматривалъ.

На пескѣ, на совершенно ровно-заглаженномъ мѣстечкѣ, тоже виднѣлись какіе то знаки; Верхоглядъ ихъ разсматривалъ очень внимательно.

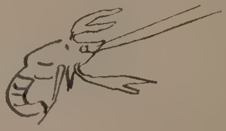
— Какъ думаете, господа, — это можно принять за волка? — спросилъ онъ, указывая на что-то съ острыми зубами и торчащими врозь ушами.

— Ну, положимъ, волкъ! согласился я и пристально посмотрѣлъ на шутника.

Слѣдующій знакъ тоже дерево, но замѣтьте какое? — безъ сомнѣнія елка, читалъ Верхоглядъ... Слѣдующее...

— Ракъ! крикнулъ кто-то.

Тутъ кругомъ поднялся такой неудержимый, веселый смѣхъ, что даже дѣдушка Долгоносъ не обидѣлся на шутку-пародію Верхогляда и охотно присоединился къ смѣющемуся хору...



— Ахъ ты шутъ этакій!.. ха ха ха! гремѣлъ выдѣляясь голосъ отца.

— А я уже испугалась, подошла тихонько сестра... Я уже подумала было, что вы хотѣли такъ обмануть насъ серьезно, изъ зависти къ заслуженной славѣ дѣдушки...

— Ну, могли-ли вы это думать?.. ну, похоже-ли это на меня!.. успокоивалъ ее Верхоглядъ...

— Да, братъ, хохоталъ папа Горланъ: — если ты хочешь увѣковѣчить свое имя, такъ матеріалъ выбирай покрѣпче, а то, ха ха ха!.. вишь ты, на пескѣ!..

— На пескѣ ничего вѣчнаго не построишь, смѣялись и другіе.

— Выбирай, братъ — камень покрѣпче, долби его поглубже, а то на пескѣ... ха ха ха!.. до перваго вѣтра, да что вѣтра, до перваго воробья, которому вздумается здѣсь прогуляться!

— А что еще лучше... Еще прочнѣе, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые камни, — вмѣшался тутъ премудрый Крыломахъ, — онъ налетѣлъ на общее веселье: — это сердца журавлиныя, или даже вообще сердца. — Надо чтобы славныя и добрыя дѣла глубоко врѣзались въ душу современниковъ, передавались такими же глубокими, неизгладимыми чертами въ сердца потомства и, изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ напоминающей помощи колоссальныхъ, а всетаки не вѣчныхъ монументовъ, — хранили вѣчную славу о добрыхъ и мудрыхъ своихъ предшественникахъ... Другъ Долгоносъ! здорово! отъ души поздравляю!..

Порѣзвившись здѣсь, на этомъ островѣ, поплясавъ немного, благо молодежи было достаточно и проникнувшись еще большимъ уваженіемъ къ нашему престарѣлому вождю, мы полетѣли уже всѣ вмѣстѣ на ту сторону, покупаться въ пескахъ и нарвались нечаянно на весьма печальную картину.

Вдоль берега, зорко всматриваясь въ густыя заросли — необыкновеннаго по своей высотѣ камыша, мы замѣтили маленькую группу всадниковъ — повидимому нисколько для насъ не опасную... не только для насъ, но вообще для птицъ.

Люди были безъ ружей и везли плѣнниковъ, мирно и покойно сидящихъ у нихъ на рукахъ... что это были за плѣнники, очевидно птицы, да только какія, трудно было разобрать, такъ какъ головы у нихъ были прикрыты красными шапочками... Судя по опере́нію, это были хищники. — Ну и слава Богу! туда имъ и дорога... Но, увы!.. эти плѣнники оказались предателями и союзниками человѣка; въ его, вотъ уже по истинѣ, хищныхъ замыслахъ.

Широко заколыхались вершины густыхъ камышей; и изъ за нихъ, хлопая крыльями, поднялся прелестный, бѣлый, какъ снѣгъ, лебедь. Не успѣлъ онъ подняться въ половину своего взлета, какъ люди закричали, замахали руками и спустили — своихъ прирученныхъ разбойниковъ.

Два ястреба, какъ молнія, взвились на воздухъ. Одинъ поднялся выше и сталъ описывать

кругъ надъ испуганнымъ лебедемъ, другой потянулъ низомъ, не давая ему спастись въ камышахъ, не пуская къ водѣ.

Началась смертельная борьба... пока еще безкровная.

Лебедь понесся прямо, разсчитывая обогнать преслѣдователя — тѣ за нимъ, замѣтно приближаясь къ намѣченной жертвѣ... Мы это все видѣли пока издали и теперь неслись на помощь къ лебедю, но опоздали...

Верхній ястребъ какъ камень ударилъ бѣлаго красавца сверху и словно исчезъ, зарывшись въ его роскошное опереніе, — другой ястребъ — подрѣзалъ снизу, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ пронесся жалобный крикъ смертельно раненаго лебедя и онъ, вмѣстѣ со впившимися въ него врагами, безнадежно, неправильно маша окровавленнымъ крыломъ, наискось полетѣлъ на землю.

Всадники съ дикими воплями торжества и побѣды гнали своихъ лошадей во всю прыть къ мѣсту паденія.

— Поздно! остановилъ наше стремленіе помочь бѣднягѣ, папа Горланъ. — Повороти назадъ... Цѣли нѣтъ принимать бой... Выручить не успѣли, а мстительность не наше дѣло... Стой, молодецъ! не рисковать!

И было какъ разъ во время. Всадники замѣтили наше приближеніе и показывали руками въ нашу сторону. Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади и старался отцѣпить ястребовъ отъ добычи, нахлобучивъ имъ на головы ихъ успокоительные колпачки.

Мы оттянули отъ берега и неслись надъ серединою рѣки, въ полной безопасности, далеко опередивъ конныхъ людей съ ястребами. Подъ нами тяжело шелъ вверхъ по теченію пароходъ, таща на буксирѣ большія лодки, съ колесами во всю палубу, напол-

20

ненныя вооруженными солдатами, въ бѣлыхъ каскахъ, обвитыхъ зелеными, легкими вуалями. Вдали виднѣлись еще такія же суда, и кромѣ того появилась цѣлая флотилія легкихъ лодокъ, съ коротенькими мачтами, но зато ужасно длинными, тонкими и гибкими реями, паруса которыхъ своею формою напоминали колоссальныя — ласточкины крылья.

XVIII.

Чѣмъ дальше поднимались мы по Нилу, тѣмъ становилось малолюднѣе. Характеръ мѣстности также измѣнялся значительно. Время года стояло такое, когда жара достигаетъ своей высшей силы. Близость раскаленныхъ пустынь еще болѣе усиливала нестерпимый зной, выжигая жалкія поля кое-гдѣ разбросанныхъ рисовыхъ плантацій.

А у насъ теперь зима настоящая, — говорилъ папа. — Морозы, чай, такіе заворачиваютъ, что на славу, да и снѣгомъ все сплошь покрыло... тамъ чистая смерть, только вороны съ воробьями и выдерживаютъ... намъ не стерпѣть!

Онъ намъ объяснилъ причины нашихъ ежегодныхъ перелетовъ, и мы благословляли Бога, даровавшаго намъ могучія крылья, а съ ними и вѣчное лѣто.

Но и здѣсь становилось наконецъ невыносимо… Всѣ крайности никуда не годятся: великій холодъ и чрезмѣрный зной одинаково неудобны.—А дальше, говорили намъ, гораздо лучше… Дальше, хотя и южнѣе, а пойдутъ глухіе, дремучіе лѣса, за облака поднимутся высокія горы, вѣчнымъ льдомъ покрытыя, умѣряющія жаръ. Тамъ великія озера, цѣлыя внутреннія моря… Тамъ рай сравнительно съ этою печальною, солнцемъ спаленною, мѣстностью…

Спустя недѣлю, мы проносились надъ пѣнистыми, бурливыми порогами Нила и видѣли, какъ гибнутъ, разбиваясь о камни, неловкія человѣческія лодки. Скоро послѣ этого мы прибыли на мѣсто, гдѣ рѣка раздваивалась. Влѣво шелъ широкій протокъ, Атбара, прямо — Баръ-эль-Абіадъ… Болотистые разливы, покрытые дымкою тумана, окружали городъ… Это былъ Хартумъ… Мы предпочли миновать его поскорѣе и были на то довольно основательныя причины: тамъ слышались выстрѣлы и лилась кровь… тамъ изъ за чего-то дрались люди, говорятъ, давно уже дерутся въ этихъ мѣстахъ, дерутся три расы: — черныя, смуглыя и бѣлыя. Чего-то подѣлить между собою не могутъ. Верхоглядъ пытался разъяснить намъ это, но какъ то не особенно вразумительно выходило.

Онъ намъ говорилъ, напримѣръ, что смуглые — это египтяне, и имъ очень непріятно, что сосѣди ихъ черные и отмыть эту черноту никакъ невозможно… Ну, убѣдились, что невозможно и оставь въ покоѣ, а то нѣтъ, все еще пробуютъ высвѣтлить сосѣдей… Говорилъ онъ, что гдѣ то, далеко на сѣверѣ, есть одна порода совсѣмъ бѣлыхъ людей. — Эти люди вѣчно предлагаютъ свои услуги, при каждомъ недоразумѣніи ме-

жду кѣмъ бы то ни было. Пришли эти люди и сюда, на помощь египтянамъ... Эти уже порѣшили, что если нельзя отмыть черноты, то по крайней мѣрѣ выбѣлить ихъ, чтобы по наружности подходило... Принялись бѣлить, а вмѣсто того столько крови пролили, что вмѣсто бѣлаго, получилась самая красная окраска. Попытка ихъ не удалась, а платить за труды приходится смуглымъ, то-есть египтянамъ... А тѣ уже совсѣмъ обѣднѣли, послѣднее у нихъ забирать начали бѣлые пришельцы; говорятъ они бѣлымъ: — «господа, что-же вы дѣлаете?» — а бѣлые отвѣчаютъ: — какъ что, вносимъ въ ваши варварскія страны просвѣщеніе и, связавши васъ по рукамъ и ногамъ, этимъ-самымъ уничтожаемъ невольничество, насаждаемъ свободу и равенство... развѣ это не ясно?!.

Такъ объяснялъ намъ Верхоглядъ все, происходившее между людьми въ этихъ мѣстностяхъ, но, вѣроятно, онъ что-нибудь перепуталъ... впрочемъ, дальнѣйшія наши наблюденія, съ высоты птичьяго полета, скорѣе подтвердили объясненіе Верхогляда, и мы мало по малу поневолѣ должны были ему повѣрить.

Однажды мы неслись надъ дивнымъ дремучимъ лѣсомъ; глухой шумъ голосовъ привлекъ наше вниманіе, и мы увидѣли большую толпу людей, съ трудомъ прокладывающихъ себѣ дорогу въ непроходимой чащѣ.

Шли больше черные, полуголые и совсѣмъ голые; они несли на головахъ своихъ и на спинахъ громадныя тяжести, какіе-то необыкновенной величины бѣ-

лые клыки, кувшины, наполненные водою, мѣшки съ рисомъ и прочее... Около шли пѣшкомъ и ѣхали верхомъ смуглые люди и жестоко хлестали бичами черныхъ, если тѣ приставали, или падали отъ усталости... Много черныхъ было обременено цѣпями, и между ними виднѣлись даже женщины съ дѣтьми. И тѣхъ не щадили безпощадные бичи египтянъ и арабовъ.

Эти странные путешественники не знали, что при выходѣ на берегъ, они какъ разъ наткнутся на лагерь бѣлыхъ, а намъ сверху все было отлично видно, какъ на ладони.

— Чѣмъ то, думаемъ, все это кончится?

Намъ даже радостно стало: — вотъ, думаемъ, бѣлые накажутъ смуглыхъ за ихъ жестокость къ чернымъ, они отнимутъ тѣхъ, освободятъ и поколотятъ злыхъ. — И за дѣло!!..

Дѣйствительно столкнулись, началась отчаянная свалка... Много съ обѣихъ сторонъ побито было народу, — одолѣли подъ конецъ бѣлые. — Что же мы увидѣли на слѣдующее утро? Нѣсколько смуглыхъ было повѣшено на деревьяхъ, остальные шли въ цѣпяхъ и тащили тяжести, а черные тоже шли съ ними рядомъ и тащили свой грузъ, только теперь бичами хлестали не смуглые, а бѣлые, и хлестали даже съ большею ловкостью и энергіей. Мы видѣли деревни черныхъ, до тла сожженныя бѣлыми, видѣли разъ и мѣсто ужаснаго кроваваго побоища, гдѣ тѣла бѣлыхъ лежали цѣлыми грудами, привлекая гіенъ и крылатыхъ хищниковъ... невозможный смрадъ отравлялъ воздухъ на громадномъ протяженіи, и мы летѣли дальше и дальше, огибая печальныя мѣста человѣческихъ недоразумѣній. Наконецъ, мы надолго избавились отъ людей и попали въ такія пустыни, гдѣ, вѣроятно, нога человѣческая еще не заходила, то есть бѣлыя и смуглыя ноги.

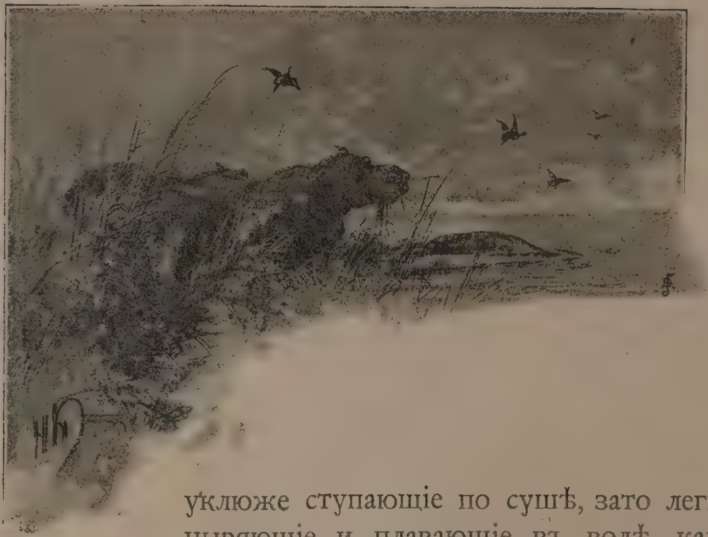
Какіе дивные лѣса сплошь покрывали эту райскую мѣстность, какіе колосы растительнаго міра возвышались своими кронами надъ всѣмъ, покрывая сплошною тѣнью громадныя пространства.

Какіе чудные луга пересѣкали лѣсныя чащи и по нимъ медленно протекали покойныя рѣки, несущія свои воды все въ тотъ же Баръ-эль-Абіадъ, какъ разъ по срединѣ прорѣзывающій эту цвѣтущую пустыню.

Рѣдко, очень рѣдко попадались затерянные въ лѣсахъ шалаши деревень чернокожихъ, окруженные полями риса и пшеницы. Также и по большой рѣкѣ изрѣдка появлялись тяжелыя лодки съ вооруженными людьми и изъ подъ навѣсовъ, покрывающихъ палубы, слышался все тотъ же знакомый стонъ неволи и брязгъ цѣпей, да свистящее хлопанье бича по голому, потному тѣлу.

Ужасная страна! Богато одаренная Богомъ, отравленная человѣческою злобою!

Спустившись на ночлегъ, предварительно тщательно осмотрѣвъ окрестности, для чего мы описали громадный кругъ, мы расположились на лугу, недалеко отъ пальмоваго лѣса, кишащаго попугаями и обезьянами. Дѣло было передъ закатомъ солнца, сумерокъ здѣсь не бываетъ, и густой мракъ почти моментально смѣняетъ яркій, солнечный свѣтъ дня. Стаи попугаевъ устраивались за свѣтло на ночлегъ... За пальмовымъ лѣсомъ разстилалось небольшое озеро, съ густо заросшими берегами; это озеро нѣсколькими притоками связано было съ рѣкою. Тамъ слышались грузные всплески и тяжелое сопѣніе какихъ-то черныхъ массъ, — это были купающіеся бегемоты, безобразные колоссы, тяжело и не-



уклюже ступающіе по сушѣ, зато легко ныряющіе и плавающіе въ водѣ, какъ въ своей болѣе близкой стихіи.

Въ сторонѣ отъ опушки росло отдѣльное дерево, далеко раскинувшее свои вѣтви, пустившее внизъ, до самой земли, цѣлую бахрому воздушныхъ корней... къ этому дереву подошло какое-то странное животное, съ короткимъ туловищемъ, на высокихъ, какъ у верблюда ногахъ, и съ длинною шеею, голова животнаго была маленькая, сухая, съ небольшими рожками и красивыми черными глазами.

— Это жираффа, подсказалъ Долгоносъ, антилопа кроткая и мирная, ни для кого не опасная, робкая, но должно быть очень вкусная и я постараюсь ее предостеречь... Я вижу грозящую ей опасность.

Сказавъ это, Долгоносъ пригласилъ папа и оба они, внезапно поднявшись, пролетѣли мимо жираффы,— задѣвъ её на лету своими крыльями...

Какъ разъ было во время! только что испуганная антилопа отскочила, и тяжелою раскачною рысью отбѣжала къ опушкѣ пальмовника, какъ изъ подъ кроны одинокаго дерева, словно новая живая вѣтвь, показалась громадная змѣя, конвульсивно извилась въ воздухѣ, крѣпко обвивъ хвостомъ древесный стволъ, и снова спряталась въ густыхъ зеленыхъ массахъ.

Проводить ночи въ такихъ мѣстахъ было весьма опасно, страшная темнота мѣшала зоркому наблюденію, а луна была на ущербѣ и появлялась послѣ полуночи.

Съ наступленіемъ мрака, повсюду загорались огоньки безчисленныхъ свѣтлячковъ, то неподвижные, то беззвучно перелетающіе съ мѣста на мѣсто. Въ чащѣ изрѣдка сверкали и парныя зеленоватыя точки, и слышалась безпокойная возня обезьянъ, встревоженныхъ приближеніемъ пантеры... На отмеляхъ ходили крокодилы... На свѣтломъ фонѣ, отражающаго звѣздное небо, озера появились массивные черные силуэты, это были слоны, пришедшіе на водопой. Мы еще засвѣтло видѣли ихъ, когда они, какъ будто чѣмъ то раздраженные, шли лѣсомъ, одинъ за другимъ, изрѣдка втягивая воздухъ своими хоботами и потомъ выпуская его съ рѣзкимъ звукомъ, похожимъ на свистокъ парохода.

Всплески воды и шелестъ камышей отъ набѣжавшей волны показывали, что слоны вздумали купаться. Въ это время надъ горизонтомъ показался оранжево-темный дискъ восходящаго мѣсяца, и таинственный фосфорическій свѣтъ, мало по малу сталъ разливаться по кронамъ тропическаго лѣса.

Какая картина! какое неизмѣримое, безконечное величіе творчества!

Но тутъ произошелъ такой переполохъ, такой адъ, что мы снялись разомъ и, какъ угорѣлые, пустились

на утекъ, стараясь только не разбиться врозь, а держаться кучею.

Раздался ревъ пантеры, испуганные вопли обезьянъ и попугаевъ. Все переполошилось! послышались чьи то жалобные, зовущіе на помощь, стоны. Ураганомъ, круша все на пути, пронеслись слоны, а мы летѣли дальше и дальше, и только со свѣтомъ опустились снова и то, выбравъ мѣсто, подальше отъ всевозможныхъ засадъ и опасностей!

Да, здѣсь не заснешь такъ спокойно, какъ у насъ, на нашихъ мирныхъ сѣверныхъ болотахъ...

А спать хочется... Треволненія истекшаго дня и этой тревожной ночи даютъ себя чувствовать: глаза смыкаются; такъ бы и заснулъ, да подозрительны очень эти спящіе на пескѣ крокодилы... Только и надежда, что на чуткое ухо, да зоркіе глаза нашихъ часовыхъ.

Здѣсь словно все наоборотъ: здѣсь не ночь, а скорѣе день приноситъ покой и отдохновеніе; съ наступленіемъ же темноты, пробуждается злая воля и вырываются наружу разбойничьи инстинкты. Приходится измѣнять свои сѣверныя привычки и приноравливаться.

Нѣтъ, теперь я понимаю, почему мы выводимъ своихъ дѣтей не здѣсь, а на сѣверѣ. Здѣсь дай Богъ только свою шкуру уберечь, гдѣ уже тамъ нести заботливую службу высидки и воспитанія. Впрочемъ, приспособляются же ко всему здѣшніе, постоянные обитатели... Да, но на то они и здѣшніе, а мы залетные, сѣверные. Недаромъ старики говорятъ о сѣверѣ «въ нашихъ мѣстахъ»,—теперь и мы, молодежь, стали подумывать о значеніи слова: «наши мѣста», и эти чудныя красоты южной природы, мало по малу, стали утрачивать для насъ свое чарующее обаяніе.

XIX.

Подвигаясь, не торопясь, все южнѣе и южнѣе, проводя время то въ дорогѣ, то по цѣлымъ недѣлямъ на одномъ мѣстѣ, если встрѣчались мѣста поспокойнѣе, обиліе корма мы находили повсюду,—мы наконецъ, увидѣли на горизонтѣ нѣжныя очертанія горъ, принятыя нами сначала за облака. Какъ должны быть велики эти горы, если мы ихъ увидѣли задолго, чуть не за недѣлю раньше, чѣмъ мы прибыли къ ихъ подножію.

Вѣчные льды, покрывавшіе вершины этихъ горъ, были для насъ не достигаемы. Даже орлы и грифы приближаются только къ ихъ окраинамъ. Каково же было наше изумленіе, когда мы увидѣли выше облаковъ, почти въ уровень съ началомъ ледника, но далеко отъ него, летящій въ воздухѣ предметъ необыкновенной формы.

Это былъ пузырь, должно быть, громадный, но намъ издали казавшійся не больше крохотной рѣдиски, къ нему снизу была подвѣшена корзиночка и въ ней копошилось что-то живое.

Скоро мы разглядѣли, что это:—это были люди... Да, люди!—тѣ самые люди, которымъ Богъ отказалъ въ крыльяхъ, ради, конечно, нашего спокойствія,—которымъ суждено пресмыкаться только тамъ, внизу, эти люди забрались въ области, вовсе имъ не принадлежащія.

Бѣдныя птицы!

Мы долго наблюдали это необыкновенное явленіе, особенно Верхоглядъ—тотъ съ героическою смѣлостью летѣлъ сколько могъ ближе къ пузырю, такъ что разсмотрѣлъ все весьма обстоятельно, рискуя, главнымъ образомъ, попасться въ когти стаи грифовъ, сопровождавшихъ забравшихся не въ свое мѣсто людей, не только съ одинаковымъ съ нами любопытствомъ, но даже съ остервенѣніемъ.

Вдругъ изъ корзинки вспыхнулъ дымокъ, до нашего слуха донесся чуть слышный выстрѣлъ, и одинъ изъ грифовъ, перекувырнувшись, комкомъ полетѣлъ внизъ, исчезая въ облакѣ.

Эге! надо значитъ относиться къ данному явленію съ уваженіемъ.

И понятно! Только геній человѣка могъ достигнуть возможности добраться до облака... подняться на эту высоту.

— Но не летѣть куда хочется,—пояснилъ вернувшійся Верхоглядъ:—я замѣтилъ, что люди могутъ пока только произвольно подниматься и опускаться, и то до времени; а несетъ ихъ вѣтромъ не по ихъ волѣ, а часто даже вопреки ихъ желанію, что весьма легко можетъ привести къ погибели.

— И ты правъ! подтвердилъ Долгоносъ:—лѣтъ

десять или двѣнадцать тому назадъ я видѣлъ не здѣсь, а значительно сѣвернѣй, такой же шаръ, разорванною въ дребезги тряпкою висѣвшій на деревьяхъ, а внизу бездыханное, почти безформенное тѣло человѣка. Научные опыты безъ жертвы не обходятся. Но только какъ они сюда попали? это удивительно!..

Долго мы провожали глазами воздушный шаръ; наконецъ онъ скрылся, незамѣтно какъ то, словно растаялъ въ этомъ синемъ воздухѣ. Больше мы его никогда и не видѣли, и участь воздушныхъ путешественниковъ осталась для насъ неизвѣстна.

Черезъ пять дней мы, перелетѣвъ черезъ горный кряжъ, да и не одинъ, не на самой высотѣ, надо льдами, а выбравъ мѣста пониже, увидѣли безконечную, водную равнину громаднаго внутренняго моря — и здѣсь, близь его береговъ, предполагалось провести время вплоть до возвращенія на родину...

— На родину... Да, великое, чудное слово.

— Знаешь, милый, говорила мнѣ моя Черношейка: я все время ищу здѣсь клюквы... удивительное дѣло,—нигдѣ нѣтъ ни одной ягодки!.. Чего-чего здѣсь нѣтъ, но клюквы... А говорятъ еще страна необыкновенно богатая.

— Нѣтъ, сударыня, засмѣялся Верхоглядъ,—клюквы теперь вы не найдете, здѣсь еще до этого не дошли... Клюква — это штука тонкая — и не носу здѣшнихъ дикарей ее клевать — такъ-то-съ!

— Жаль! передернула крылышками Черношейка, а я бы теперь, кажется, всѣ финики, всѣ бананы и орѣшки — все-все бы отдала за одну ягодку.

— Это всегда такъ бываетъ: — женщины всегда особенно хотятъ того, чего нельзя достать, — подумалъ я и сталъ придумывать, чѣмъ бы мнѣ утѣшить мою капризницу.

Но она уже забыла о клюквѣ, и съ наслажденіемъ запустила носикъ въ кокосовый орѣхъ, спѣлый, упавшій со страшной высоты на камень и расколовшійся отъ того на двое.

Невдалекѣ отъ нашего становища было селеніе негровъ... Высокій частоколъ окружалъ группу плетенныхъ домовъ, круглыхъ, какъ боченки, смазанныхъ глиною и съ высокими конусообразными крышами... По близости были и ихъ поля съ маисомъ (кукурузою), тоже обнесенныя частоколомъ—между полями и деревнею расположены были загоны для скота, огороженные еще выше, и на гребни частокола наложены были еще колючія растенія, съ иглами острыми и куда болѣе длинными, чѣмъ наши журавлиные носы—предосторожность отъ пантеръ и львовъ, какъ намъ объяснили старшіе.

Совсѣмъ голые люди часто показывались вблизи насъ, но они были безъ ружей, а потому менѣе опасны.—Я говорю «менѣе», ибо опасность все-таки существовала: — люди эти такъ ловко пускали стрѣлы изъ луковъ и даже просто руками швыряли короткіе дротики, что довѣряться особенно ихъ близости неслѣдовало.

Двое изъ нашихъ уже поплатились за свое довѣріе, и мы оплакивали ихъ печальную участь... И что удивительно:—дядя Клу-клу — старый, опытный журавль, а прозѣвалъ бѣдняга. На моихъ глазахъ его насквозь пронзила острая стрѣла и черный человѣкъ съ торжествомъ потащилъ его въ свою хижину.

Дикари уходили надолго куда-то далеко, оставляя въ деревнѣ только женщинъ и дѣтей; тогда было почти безопасно, особенно по ночамъ, навѣдываться въ ихъ кукурузники, что мы и дѣлали.

Аисты и тутъ свивали свои гнѣзда на вершинахъ двухъ или трехъ конусовъ, но ихъ было не много и съ нами уживались они покойно. Мы отъ нихъ многое узнавали о жизни чернокожихъ... Эти аисты — нѣсколько меньше нашихъ и проводятъ тутъ круглый годъ,—безъ перелета—держась поближе къ человѣку, они лучше выдерживаютъ здѣшнія зимы, а какія это зимы! — «это просто, говорили они, дожди и дожди безъ конца, прерываемые иногда свирѣпыми бурями». Подчасъ бываетъ жутко, и еслибы не люди, съ которыми они и здѣсь въ полномъ согласіи, то было бы плохо!

Познакомились мы и съ гигантскими марабутами. — Что за дивная птица! и съ такимъ роскошнымъ опереніемъ, что люди грабятъ ихъ безпощадно. Вотъ еще удовольствіе носить дорогія одежды!

Когда мужчины возвращались изъ похода, они еле шли, такъ были отягчены добычею. Главное, что они приносили, это были слоновые клыки, — груды которыхъ складывались у порога домиковъ, а то и просто у наружной изгороди.

У нихъ были лодки; грубо сдѣланныя и тяжелыя на ходу,—иногда они нагружали эти лодки клыками и уплывали въ озеро, куда они плавали, мы пока еще не знали. Аисты говорили, что далеко, на томъ берегу, живутъ тоже люди и забираютъ охотно клыки, вымѣнивая ихъ на другіе товары. Дѣйствительно, когда лодки возвращались, то уже безъ клыковъ, а негры были необыкновенно веселы, пѣли, плясали и пили водку изъ боченковъ; женщины и дѣти всегда радовались такому возвращенію, пили тоже, и на ихъ курчавыхъ, смѣшныхъ такихъ головахъ появлялись цвѣтные платки и разныя украшенія.

Разъ какъ-то небольшая партія мужчинъ, вернувшись съ охоты, привела съ собою бѣлаго человѣка съ связанными руками, съ окровавленною головою, измученнаго, еле переставлявшаго ноги.

Очевидно, что былъ несчастный плѣнникъ.

Они его накормили, напоили, развязали руки и заперли въ загонъ, приставивъ двухъ часовыхъ съ длинными копьями.

— Охъ, не къ добру они это сдѣлали! сообщилъ намъ старый Марабу,—это рѣдко обходится имъ безнаказанно!

Мы не понимали въ чемъ дѣло, но не прошло и недѣли, какъ мы были разбужены въ самую полночь заревомъ пожара, трескомъ пламени, пожиравшимъ шалаши, стрѣльбою и криками отчаянія.

При яркомъ свѣтѣ огня — мы увидѣли, что партія бѣлыхъ и смуглыхъ людей окружила деревню и безпощадно истребляетъ ея обитателей... Мы не видѣли, погибъ ли плѣнникъ въ этомъ пожарѣ, былъ ли онъ освобожденъ, но не успѣло еще взойти солнце, какъ на мѣстѣ деревни остались только груды пепла и всюду валялись черныя тѣла мужчинъ и женщинъ. Даже дѣтей не пощадили кровожадные мстители!

Бѣлые забрали лодки, нагрузили ихъ клыками и скотомъ и поплыли къ югу, и мы почти до конца лѣта остались единственными обладателями созрѣвшаго кукурузнаго поля.

Сначала — наше положеніе показалось намъ весьма пріятнымъ, просто праздникъ наступилъ какой-то, точно эти разгромленныя мѣста, эти поля и все, что на нихъ осталось, поступило въ наше распоряженіе какъ законное наслѣдство, конечно, за вычетомъ доли аистовъ, бѣдняковъ, потерявшихъ въ огнѣ свои косматыя гнѣзда.

Но дышать здѣсь скоро стало невыносимо... Вонь отъ разлагающихся труповъ далеко заражала воздухъ, и мы принуждены были перемѣнить мѣсто нашей стоянки.

Зато сколько собралось здѣсь крылатыхъ и четвероногихъ хищниковъ! Ихъ злобный вой и безконечныя драки долго еще нарушали тишину ночей и прекратились только съ возвращеніемъ нѣсколькихъ негровъ, чудомъ спасшихся отъ ночного побоища, пришедшихъ сюда на пепелищѣ оплакивать покойниковъ и возобновить свои жилища.

И намъ очень стыдно стало, что мы, думая, что всѣ перебиты, такъ безжалостно опустошали ихъ кукурузныя плантаціи.

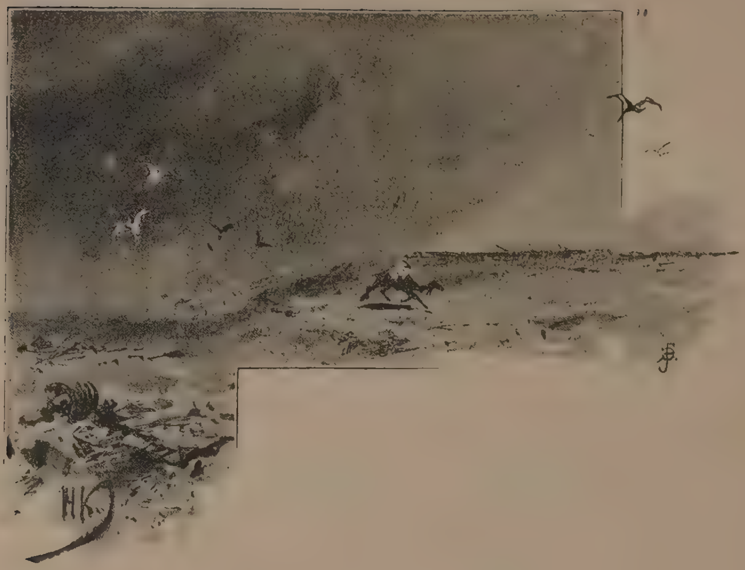
Мы даже простили имъ смерть дяди Клу-клу и другого нашего товарища, хотя въ душѣ и догадыва-

лись, что именно за это преступленіе покаралъ ихъ Господь, — а разъ покаралъ, то и намъ слѣдовало укротить свою злобу и встрѣтить несчастныхъ съ миромъ.

Да, поди-ка-встрѣть!.. Вернулись люди, вернулись съ ними и ихъ зубы.

Со злымъ свистомъ прорѣзала воздухъ стрѣла и впилась въ землю, какъ разъ около моей Черношейки, еще бы немного, и я остался бы сиротою...

Люди, даже черные люди, — положительно неисправимы!



XX.

По смерти дяди Клу-клу, осталась его подруга, не молодая, но и не старая еще тучная Журка, и нашъ папа взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ такъ добросовѣстно погрузился въ новыя заботы, что замѣтно охладѣлъ къ намъ, говоря, будто мы настолько уже выросли и возмужали, что можемъ жить и своимъ разумомъ, но дѣдушка Долгоносъ оставался съ нами по прежнему... У него давно уже не было подруги, и онъ постоянно держался по близости насъ, навѣщая и Верхогляда съ моею сестрицею.

А дѣдушка сильно постарѣлъ за это время и ослабѣлъ.—Онъ уже больше отдыхалъ, чѣмъ леталъ, какъ

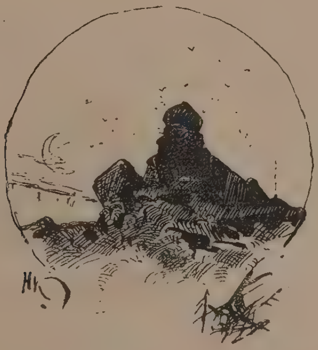
мы, по окрестностямъ и говорилъ, что только и мечтаетъ, только и молитъ Бога, чтобы Онъ, Милосердый, послалъ ему смерть дома, на родинѣ, позволилъ еще разъ взглянуть на наши милыя осташковскія болота.

Время подходило къ концу февраля и, изъ разговоровъ между стариками, мы заключили, что время нашего отлета приближается. Странно, чѣмъ меньше оставалось этого времени, тѣмъ оно тянулось медленнѣе и медленнѣе.

Сначала мы ограничивались только тѣмъ, что свои ежедневныя прогулки совершали исключительно по сѣверному направленію, и такимъ образомъ мало по малу, оставляли эти мѣста — оттягивая снова къ Хартуму.

Въ послѣднихъ числахъ февраля мы уже почти всѣ сгруппировались близь устья Голубаго Нила, на окружающихъ это устье обширнѣйшихъ болотахъ.

Отсюда предполагалось организовать правильный



походъ, — дождавшись остальныхъ партій, кочевавшихъ въ верховьяхъ этого притока, въ Абиссиніи.

— Съ недѣльку погуляемъ здѣсь, да и съ Богомъ! вздыхая говорилъ дѣдушка Долгоносъ.

Онъ что-то частенько сталъ вздыхать, особенно къ ночи... Перелеты съ большихъ озеръ онъ дѣлалъ съ трудомъ уже, иногда даже отставалъ и нагонялъ уже на дневкахъ.

— Бодрись старина! утѣшалъ его нашъ папа... Мы вотъ тутъ долго будемъ отгуливаться, силъ набираться. Кушай больше, не утомляйся зря,— дастъ Богъ и сбережешь силы.

— Не полагаю! вздыхалъ Долгоносъ... Только-бы до Филе добраться, хоть бы до этого-то мѣста, и то слава Богу!..

Это нашъ старикъ вспомнилъ о разобранныхъ нами іероглифахъ,—тамъ, на «Филе», тщеславіе, значитъ, заговорило... Мы поняли это, но не подали и вида, что понимаемъ.

Говорить при живомъ о его надгробной эпитафіи, по меньшей мѣрѣ, неделикатно.

Погода становилась туманнѣе, не холодно—нѣтъ, а какъ-то душно въ воздухѣ.

— Тамъ, на озерахъ, уже, я думаю, начались дожди,—сообщалъ премудрый Крыломахъ.—Я разъ только во всю свою жизнь задержался тамъ позднѣе немного.... Больныхъ было много между нами, я съ ними и остался. Ну, я вамъ скажу, времячко было! Не дай Богъ въ другой разъ... Птицы, крылатыя птицы, и эти гибли, тонули въ этихъ невозможныхъ ливняхъ... страшное дѣло!

Слова эти оказались пророческими.

Дня черезъ четыре, по прибытіи нашемъ, на болота устій Голубаго Нила, къ вечеру поднялся такой густой туманъ, что не видно было ничего на длину даже нашего носа.

Мы съ Черношейкою прилегли бокъ о бокъ, забравшись подъ зонтичный листъ какой-то пальмы, и рѣшились выжидать. Казалось, мы остались только одни

на всемъ свѣтѣ, еслибъ не окликъ Верхогляда, гдѣ-то недалеко.

— Эге! крикнулъ онъ. Гдѣ ты тамъ? что то недоброе готовится!..

— Да ну, не пугай! откликнулась ему моя Черношейка.

А было чего испугаться не на шутку.

Туманъ бы это еще ничего, но страшно было это грозное затишье, страшенъ былъ этотъ удушливый воздухъ, пропитанный какъ будто сѣрою.

Багрово-красный свѣтъ виднѣлся въ сторонѣ заката, но онъ быстро потухъ, и наступилъ непроницаемый мракъ.

Вдругъ гдѣ-то далеко прокатился громъ, и долго-долго не умолкали его глухіе раскаты.

Вотъ словно вѣтерокъ пахнулъ надъ нами... Вѣтеръ ли это? — можетъ быть такъ, испуганная птица пролетѣла близко, у насъ надъ головами.

Снова раскаты грома, ближе значительно! Молніи нѣтъ, только туманъ все гуще и гуще, будто это уже не туманъ, а окружаетъ насъ водное пространство... Опять ударъ грома, и разомъ разразилась гроза, зашумѣлъ ужасающій ливень.

— Тону!.. простоналъ кто-то недалеко.

На насъ набѣжала волна... откуда она взялась, не понимаю. Мы взлетѣли немного, но сила ливня одолѣла силу крыльевъ. Съ трудомъ пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, мы, положительно, упали, а не спустились, къ счастью не на землю, а на какія то гибкія, хитро перепутанныя вѣтви... Кое какъ, работая и ногами и крыльями, мы удержались на этомъ зыбкомъ помостѣ. Подъ нами ревѣла и пѣнилась вода. — Минута была критическая.

Но тутъ насъ ослѣпила такая молнія, что въ сравненіи съ нею то, что мы видѣли въ бурю надъ моремъ,

показалось намъ пустою вспышкою... Разразился такой ударъ, что отнялъ у насъ разомъ и сознаніе и память.

Очнулся я, — меня, увы, уже одного несетъ волною, ударило обо что-то, опять понесло, и, наконецъ, я зацѣпился въ какихъ то заросляхъ. Кое-какъ справился я и сталъ немного соображать.

А ливень все хлещетъ и хлещетъ. Безъ вѣтра, прямо, отвѣсно льются струи холоднаго дождя, и, казалось, конца этому не будетъ. А какой шумъ при этомъ! Я попытался крикнуть. Напрасная попытка! словно у самаго кончика носа оборвался мой крикъ и замеръ.

Громовые удары теперь слѣдовали почти непрерывно... Зеленоватый свѣтъ молніи не потухалъ. Усталый до нельзя, я не въ силахъ уже былъ держаться. Всѣ мои члены окоченѣли, и меня понесло снова.

— Ну, думаю, теперь уже пришла моя окончательная погибель!

Наконецъ я почувствовалъ подъ собою твердую почву, и въ то же время ливень прекратился разомъ. Пронесся сильный порывъ вѣтра, словно по мановенію волшебнаго жезла, разсѣялся мракъ и надо мною ярко и отчетливо заблистало созвѣздіе южнаго креста.

Вѣтеръ усилился, унося далеко черныя тучи, съ ихъ громами, молніями и этимъ безпощаднымъ ливнемъ, и долго еще слышенъ былъ глухой, замирающій шумъ пронесшейся надъ нами настоящей тропической бури.

— Я живъ, слава Богу... Но что съ нашими?..

И всѣ эти наши въ настоящую минуту сливались въ одномъ образѣ дорогой Черношейки.

— Что съ нею?!

До разсвѣта нечего было и думать о розыскахъ.

Взошедшее солнце быстро отогрѣло мои окоченѣвшіе члены. Я очутился на какомъ то островѣ, безъ

малѣйшаго признака растительности. Первое, что я увидѣлъ передъ собою, была страшная пасть крокодила, медленно подползавшаго ко мнѣ своими неуклюжими движеніями. Я чуть не лишился чувствъ со страха, но это было мгновеніе. Я рванулся, отскочилъ на нѣсколько шаговъ. Безобразный врагъ приподнялся на переднія лапы и злобно щелкнулъ своими челюстями.

Къ счастію, трупъ какой то маленькой антилопы, бѣлѣвшій на желтомъ пескѣ своимъ задкомъ, привлекъ на себя вниманіе чудовища, и я былъ спасенъ.

Кое-какъ справившись съ намокшими крыльями, я, не безъ труда, перелетѣлъ съ этой отмели на твердый берегъ и здѣсь сталъ собираться съ силами.

Часа черезъ два я чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и тотчасъ же отправился на поиски.

Скоро я нашелъ небольшую группу нашихъ, разсказывавшихъ мнѣ просто чудеса о своемъ спасеніи. Нѣсколько журавлей, менѣе измученныхъ, согласились мнѣ помогать. Мы поднялись на воздухъ и стали мед-

ленно описывать круги, все расширяя и расширяя поле своихъ наблюденій.

И наблюденія эти увѣнчались успѣхомъ.

Прежде всего я замѣтилъ папу-Горлана со вдовою Клу-клу. Я очень обрадовался и спустился къ нимъ поздороваться. Но долго времени не терялъ, я только запомнилъ мѣсто, гдѣ папа приказалъ собираться къ вечеру.

— Старика розыщите! крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ, это главное!

Но конечно, мы съ нимъ расходились во мнѣніяхъ— о «главномъ»; по моему, главное, что я искалъ, я нашелъ только къ полудню. Моя Черношейка, слава Богу, осталась жива, ее такъ забило между камнями у самаго берега, что выбраться безъ посторонней помощи было бы для нея невозможно.

— Ахъ, какъ я хочу кушать! это первое — чѣмъ она меня встрѣтила.

Этотъ дѣтскій эгоизмъ сначала непріятно кольнулъ меня въ сердце, но радость находки была такъ велика, что мнѣ было не до упрековъ. Помогши подругѣ выбраться на просторъ, мы тотчасъ же перелетѣли съ нею къ кустамъ, гдѣ можно было найти завтракъ, и я совершенно забылъ объ обязанности продолжать розыски.

Правда, что какъ только мы утолили первый голодъ, такъ тотчасъ же подумали объ этой обязанности и уже оба принялись за дѣло съ особеннымъ рвеніемъ.

Скоро мы увидѣли журку, летавшую понизью и безпокойно поглядывающую направо и налѣво.

Это была сестра.

— А Верхоглядъ? крикнулъ я ей.

— Не знаю!.. проговорила и заплакала.

Мы присоединили ее къ нашей группѣ и полетѣли дальше.

Осматривая пристально окрестности, мы замѣчали много труповъ всевозможныхъ животныхъ, это все были жертвы ночного ливня. Мы видѣли и трупы нашихъ, не выдержавшихъ борьбы съ потокомъ, но этихъ было къ счастію немного.

Осмотрѣвъ ихъ, мы не нашли между ними ни Долгоноса, ни Верхогляда.

— Должно быть спасены! проговорилъ кто-то.

За Верхогляда я не очень безпокоился. Этотъ смѣлый, сильный и находчивый малый, навѣрное съумѣлъ вывернуться изъ бѣды, но нашъ ослабѣвшій старикъ, нашъ, всѣми-любимый, дѣдушка тревожилъ насъ всѣхъ и для удобства розысковъ мы раздѣлились на нѣсколько партій.

Къ полудню вернулись мы къ тому мѣсту, гдѣ утромъ я видѣлъ папу. Тамъ уже было десятка два журавлей и съ ними вдова Клу-клу, но папы уже не было.

— Старика ищетъ! объяснила намъ его отсутствіе вдова. — Чудакъ! поѣсть даже не захотѣлъ, какъ отдохнулъ и отправился.

Это было совершенно понятно.

— Летятъ! летятъ! раздались радостные голоса.

Дѣйствительно, по взмаху крыльевъ приближавшихся къ намъ журавлей, мы узнали и папу-Горлана и Долгоноса. Они летѣли рядомъ, почти вплотную и папа поддержалъ старика, помогая ему осторожно спуститься.

Папа сообщилъ намъ, что видѣлъ и Верхогляда, но что тотъ, узнавъ отъ кого-то, что сестра моя спасена, полетѣлъ помогать другимъ.

— Гадкій, проговорила сестра.

— Молодецъ! укоризненно кивнулъ ей Долгоносъ, такъ и слѣдуетъ.

— Одобряю! согласился и отецъ.

И сестра успокоилась.

Къ вечеру собрались всѣ уцѣлѣвшіе. Потери наши на этотъ разъ, слава Богу, были незначительны.

Верхоглядъ прилетѣлъ послѣднимъ и принесъ кусокъ какой-то украшенной галуномъ тряпки, какъ доказательство, какъ увѣрялъ онъ, того, что провелъ страшную ночь на спинѣ слона, и вотъ ту тряпочку онъ оторвалъ отъ его сѣдла на память. Нашъ герой разсказывалъ, что подхваченный ливнемъ, онъ несся куда то во мракѣ ночи, но присутствія духа не терялъ. Улучивъ удобную минуту онъ рванулся кверху и успѣлъ подняться такъ высоко, что досталъ, ощупью конечно, до высокой кроны финиковой пальмы. Первымъ дѣломъ онъ поѣлъ финиковъ и собирался, захвативъ одну вѣточку съ собою, отыскивать свою подругу, но въ ту же минуту пальма, съ страшнымъ трескомъ повалилась внизъ и онъ чуть-чуть не попалъ съ размаха въ пасть крокодила; онъ даже задѣлъ его лѣвою ногою по зубамъ. Это была ужасная минута, которую онъ всю жизнь не забудетъ. Вмѣстѣ съ пальмою его несло по теченію, пока эта пальма не наткнулась на какое-то судно. Онъ слышалъ голоса людей и чувствовалъ запахъ гари и дыма. Сосѣдство было очень опасное и, переведя духъ за стѣнкою капитанской рубки, Верхоглядъ снова полетѣлъ, но выбился изъ силъ и ударился грудью о чей то громадный задъ. Судя по хвосту онъ узналъ слона и ловко взобрался къ нему на спину. Животное это должно быть принадлежало важному лицу, очевидно самому Хартумскому губернатору, по-

тому что на его спинѣ было дорогое сѣдло, украшенное золотою бахромою и снабженное красивою бесѣдкою. Въ этой то бесѣдкѣ, спустивъ предварительно сторы, Верхоглядъ провелъ остальное время ужасной ночи, и къ разсвѣту, когда все стихло, оставилъ гостепріимную спину, замѣтивъ приближеніе людей.

— Я весьма сожалѣю, моя милая подруга, — обратился онъ къ сестрѣ, что не донесъ вамъ своей финиковой вѣточки; но если вы узнаете употребленіе, которое я изъ нея сдѣлалъ, то вѣроятно за это не посѣтуете.

— Добрый малый, вступилъ тутъ въ разговоръ дѣдушка Долгоносъ.—Это онъ мнѣ далъ позавтракать финиками. Я совершенно изнемогалъ, когда увидѣлъ Верхогляда, онъ первый нашелъ меня безпомощнымъ, покормилъ и улетѣлъ на розыски...

Все это насъ такъ тронуло, что разсѣяло всякія сомнѣнія въ фантастичности разсказа Верхогляда... Мы знали, что онъ многое тутъ приврал, но вѣрить хотѣлось, и мы повѣрили.

Въ томъ то и дѣло, что надо умѣть отличить обыкновенную ложь отъ поэтическаго вдохновенія. Лгать всякій съумѣетъ, для этого надо только немного забыть свою совѣсть, но сочинять дано далеко не всякому. Сочиняютъ только натуры избранныя—и вамъ нѣтъ никакого дѣла, никакого интереса знать, было-ли дѣйствительно все такъ, какъ разсказываютъ, лишь бы это разсказанное васъ заняло, вамъ понравилось-бы и облагораживало ваши понятія.

Тронуло васъ, подѣйствовало на душу и сердце, ну и спасибо! А то находятся такіе любители полицейскаго розыска, что сейчасъ станутъ обливать васъ ушатомъ холодной воды.

— «Позвольте, господа, закричатъ они, — гдѣ же это видано было, чтобы журавли, не имѣя ни чернилъ, ни бумаги, вели бы свои путевыя записки?»

Не правда ли, что подобное замѣчаніе было бы по меньшей мѣрѣ не остроумно!

Конечно, бывшая вдова Клу-клу, нынѣ моя любезная мачиха, выслушавъ разсказъ Верхогляда, замѣтила, грубо немножко, но зато коротко:

— Все вретъ!

Но ей это извинительно. Она особа глупая, мало развитая умственно, папѣ она понравилась только своею тучностью и спокойнымъ характеромъ. Но вѣдь какой же она критикъ! Я думаю, что даже самые недалекіе чирки и тѣ бы не придали ея критическимъ способностямъ никакого значенія.

Вечеромъ, впрочемъ, Верхоглядъ, разговаривая съ сестрою, признался, что онъ собственно не помнитъ хорошо, что съ нимъ происходило во время катастрофы, но кажется ему, что именно то, что онъ разсказывалъ, даже нѣсколько больше.

— А финики? спросила сестра.

— Финики, это истина, отвѣчалъ Верхоглядъ, — финики были дѣйствительно финиками.

Въ тотъ же вечеръ вопросъ объ отлетѣ былъ рѣшенъ окончательно.

XXI.

На другой день мы приступили къ новому раздѣлу на треугольники и выбору предводителей.

Дѣдушка Долгоносъ наотрѣзъ отказался отъ званія главноначальствующаго, ссылаясь на свою старость и полное утомленіе, и на его мѣсто единогласно былъ избранъ нашъ папа Горланъ-трубачъ. Въ начальники отдѣльныхъ треугольниковъ также единогласно былъ выбранъ Верхоглядъ. Тотъ сдѣлалъ видъ, будто бы давно ожидалъ этого, и въ своемъ избраніи не видитъ ничего особеннаго, и покойно провѣрилъ сданныя подъ его начальство тридцать двѣ журавлиныя пары.

Онъ просто и ясно выразилъ имъ свои взгляды на дѣло.

— Я буду справедливъ, сказалъ онъ, — но строгъ безпощадно во время похода и общественной службы. Внѣ же всего этого, прошу васъ, господа, всѣхъ считать меня своимъ добрымъ старшимъ товарищемъ.

Но что меня удивило и привело въ восторгъ, это мое личное избраніе, приравнивающее меня къ положенію, занимаемому теперь Верхоглядомъ.

Я, право, сначала не повѣрилъ, но большинство голосовъ, поданныхъ за меня, было такъ внушительно, что избраніе мое состоялось безъ всякаго противорѣчія.

Я, впрочемъ, подумалъ, что здѣсь играло большую роль желаніе сдѣлать пріятное для моего, всѣми глубоко уважаемаго, папа. Послѣ я уже зналъ, что кандидаты въ вожди были просто указаны дѣдушкою Долгоносомъ, а его авторитетъ былъ настолько силенъ, что съ его указаніемъ всѣ согласились безъ возраженія.

Я рѣчи не говорилъ, — я сказалъ только, что во всемъ буду слѣдовать примѣру и указаніямъ папаши.

Дѣйствительно это было самое лучшее, что я могъ придумать въ эту торжественную минуту.

— За исключеніемъ, впрочемъ, морскаго перелета, замѣтилъ папа. Лучше дня два лишнихъ, зато вѣрнѣе.

Мы рѣшили подождать здѣсь только премудраго Крыломаха со своими, чтобы потомъ летѣть сообща вплоть до Дунайскихъ гирлъ, гдѣ конечно мы должны были раздѣлиться по двумъ разнымъ направленіямъ.

Ждать пришлось недолго, не прошло и сутокъ, какъ явились нѣсколько отставшіе треугольники Крыломаха, уже готовые въ дальное путешествіе.

Мы тронулись въ большой походъ съ юга на сѣверъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня и скоро увидѣли на горизонтѣ волнистыя линіи песчаныхъ пустынь, прилегающихъ къ нижнему теченію Нила. Въ первую же ночь мы опустились въ окрестностяхъ Вади-Гальфа и провели эту ночь безъ всякихъ приключеній.

Моя Черношейка просто не спускала съ меня глазъ, она относилась ко мнѣ съ такою любезною предупредительностью, такъ ласково, что мнѣ просто не хотѣлось думать, — играетъ ли въ этомъ роль мое избраніе, или это все было бы также, еслибъ я оставался въ рядахъ простымъ журавлемъ, безъ ореола общественнаго довѣрія.

Въ два слѣдующихъ перелета мы достигли Филе съ его многовѣковыми развалинами.

Дѣдушка Долгоносъ такъ ослабѣлъ, что на первомъ перелетѣ отсталъ на нѣсколько часовъ. Ради него мы должны были сдѣлать невходящую въ наши разсчеты дневку.

Здѣсь же, прибывъ къ Филе, старикъ безпомощно опустился на землю и положительно отказался продолжать совмѣстное путешествіе.

Грустно провели мы весь вечеръ вокругъ нашего умирающаго бывшаго вождя и опытнаго руководителя.

Долгоносъ лежалъ какъ разъ у обломка, на которомъ мы прочитали его имя. Ночь была тихая и лунная... Шакалы жалобно завывали на томъ берегу, и краснѣли во мракѣ мигающія точки огоньковъ на рыбачьихъ лодкахъ.

Старикъ говорилъ намъ:

— Живите мирно, живите, не желая никому зла, а если вамъ кто сдѣлаетъ зло, не мстите. Помните, что всякая месть безсильна и не приноситъ утѣшенія. Никого не осуждайте, помня, что и вы всѣ способны на поступки, достойные осужденія. Держитесь всегда въ крѣпкомъ союзѣ. Союзъ — сила и помните, что общественный долгъ и общее дѣло выше вашего личнаго. Любите, — любовь все... Единственно только любовь есть мать всѣхъ земныхъ радостей и наслажденій. Сила любви сильнѣе силы смерти, и если я умираю спокойно, то только потому, что въ предсмертныя мои минуты, когда вы будете далеко отъ меня, я съ любовью буду слѣдить за вами, живо представляя себѣ всѣ ваши радости возвращенія на нашу чудную, дорогую родину. Ко сну клонитъ! — прошепталъ онъ чуть слышно и смолкъ...

А къ разсвѣту, когда все было готово къ отлету, нашъ Долгоносъ лежалъ, вытянувъ прямо ноги, подогнувъ свою хохлатую голову подъ окоченѣвшее крыло, и тысячи черныхъ мурашекъ ползали по немъ совершенно безнаказанно.

Мы снялись молча, и во весь этотъ перелетъ печальное молчаніе не нарушалось ни разу.

Вотъ и Каиръ. Вотъ и зеленыя равнины дельты Нила. Вотъ и чудная синяя полоса Средиземнаго моря.

Прежнія впечатлѣнія возстановлялись сами собою, карта нашего путешествія рисовалась теперь совершенно ясно и отчетливо, только воображеніе наше забѣгало впередъ и впередъ, и мы уже, хладнокровно пробѣгая глазами всѣ эти знакомыя красоты во-

20
30
40
50
60
70
80
90
60
50
40
30
20
10
0
10
Норвеж
Балтійское Море
Берлинъ
Варшава
С.Петербургъ
Новгородъ
Псковъ
Петрозаводскъ
Онежское оз.
Двина
Вологда
Вятка
Пермь
Тверь
Владиміръ
Нижн. Новгородъ
Казань
Уфа
Москва
Витебскъ
Смоленскъ
Калуга
Тула
Могилевъ
Вильно
Ковно
Гродна
Рязань
Пенза
Тамбовъ
Орелъ
Курскъ
Воронежъ
Кіевъ
Харьковъ
Полтава
Житоміръ
Новочеркаскъ
Ставрополь
Екатеринодаръ
Тобольскъ
Омскъ
Тургай
Австро-Венгрія
Сербія
Болгарія
Черное Море
Константинополь
Малая Азія
Персія
Тегеранъ
Аравія
Мальта
Каиръ
Сіутъ
Египетъ
Феццанъ
Мурзукъ
Дарфуръ
Донкола
Бербер
Хартумъ
Сомали
Маскатъ
Медина
Момбасъ
Занзибаръ
Кильва
Макдишу
Ніамъ-Ніамъ
Конго
Заира
Фернандо По
Принчипе
30
40
50
60

стока, живо представляли себѣ наши кочковатыя болота, наши убранныя цвѣтами родныя кочки, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидая конца путешествія.

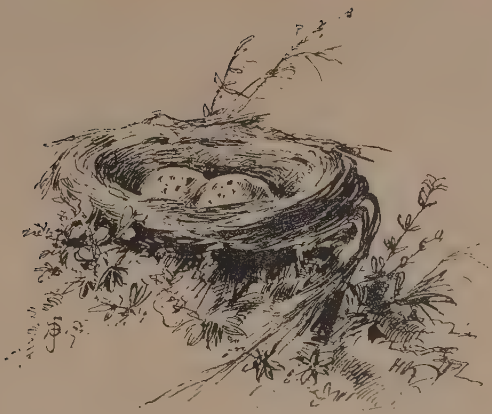
У Дунайскихъ гирлъ — легіоны премудраго Крыломаха разстались съ нами.

Трогательно прощался старый главарь съ нашимъ папою, онъ говорилъ, будто предчувствуетъ, что это его послѣднее путешествіе.

— А знаешь, другъ мой, говорилъ онъ, когда присутствуешь при такой прекрасной, честной смерти, какою умеръ нашъ незабвенный Долгоносъ, такъ, право, самому умирать нисколько не страшно.

— Ну, полно! утѣшалъ его папа, поживемъ еще и полетаемъ.

Но премудрый Крыломахъ былъ правъ, предчувствіе его не обмануло. Болѣе мы съ нимъ уже никогда не встрѣчались.



XXII.

Мы уже весело и бодро, по временамъ издавая радостные трубные звуки, неслись надъ темными еловыми лѣсами сѣвера. Былъ конецъ марта.

Еще далеко не вездѣ сошелъ снѣгъ, но уже солнышко пригрѣвало изрядно. Только ночи были холодныя и по утрамъ порядочно морозило. Но съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе и теплѣе.

Вотъ и апрѣль съ своими шумно бѣгущими, вешними водами, съ первою зеленью, первыми цвѣтами подснѣжника... Уже недалеко осталось.

Радостное событіе предшествовало нашему возвращенію на родину.

Къ намъ присоединился новый журавль, тотъ самый плѣнникъ, о которомъ разсказывалъ Верхоглядъ.

— Онъ говорилъ, что такъ пріучилъ къ себѣ лю-

дей, что они оказали ему полное довѣріе и забыли подрѣзывать крылья. Всю зиму онъ провелъ въ теп-ломъ сараѣ, вмѣстѣ съ курами и другою домашнею птицею. Передъ весною о немъ вспомнили и онъ услыхалъ разъ страшное слово «ножницы», тогда онъ рѣшился бѣжать. Крылья его настолько подросли, что онъ могъ дѣлать невысокіе перелеты, достаточные однако, чтобы перелетѣть заборъ и даже крыши сосѣднихъ сараевъ.

Онъ выбралъ удобную минуту и бѣжалъ.

Первое время онъ проводилъ въ сосѣднемъ ельникѣ, рискуя замерзнуть или умереть съ голоду, питаться ему приходилось изрѣдка, отрывая изъ-подъ снѣга замерзшія, почернѣлыя ягодки брусники, а то такъ и просто расклевывая павшія сосновыя шишки. Стало теплѣе, стало и сытнѣе. Крылья между тѣмъ все отростали и отростали, онъ могъ уже порядочно летать; практика докончила дѣло. Сегодня утромъ онъ услыхалъ въ воздухѣ высоко надъ собою наши трубы, увидѣлъ насъ, почувствовалъ разомъ удесятерившіяся силы и догналъ первый треугольникъ.

— Вѣдь не прогоните-же меня вы, братцы! Примите меня, пока чужого, въ ваше общество?! просилъ онъ.

Ну, конечно, его приняли съ восторгомъ и нескрываемою шумною радостью.

Встрѣча освободившагося плѣнника съ Верхоглядомъ была, поистинѣ, трогательна.

Еще два три усиленныхъ перелета и мы, наконецъ, дома.

Мы въ этотъ день миновали Москву. Летѣли мы надъ нею ночью. Весь городъ, особенно церкви, были ярко иллюминованы огнями; тысячи народу окружали храмы, наполняя не только ихъ внутреннее пространство, но даже дворы и прилежащія улицы. Всюду

теплились милліоны крохотныхъ огоньковъ и надо всѣмъ этимъ стоялъ немолчный, знакомый намъ благовѣстъ колоколовъ.

Это была ночь великаго праздника, и повѣрите ли, что мы, птицы, раздѣляли какъ будто радость и тихій миръ, царствовавшій въ эту минуту въ сердцахъ человѣческихъ.

Это былъ свѣтлый привѣтъ родины, торжество нашего возвращенія.

На третій день мы увидѣли на горизонтѣ Осташковскія болота... Наши кочки!

Мы неслись съ такою скоростью, я думаю, что съ большею, чѣмъ мы тогда удирали отъ налетавшей на насъ бури — и стали спускаться.

Мѣста наши мы нашли далеко не въ такомъ прекрасномъ видѣ, какъ мы ихъ оставили. Было еще рано, снѣгъ только что стаялъ, и бѣдная зелень чуть-чуть, кое-гдѣ пробивалась сквозь бурый, прошлогодній мохъ. Но съ каждымъ днемъ все принимало понемногу прежній живописный видъ, и мы, не теряя времени, принялись за устройство становища.

Наше старое гнѣздо занялъ, по праву, папа съ своею новою женою. Я съ Черношейкою, выбравъ прелестную кочку, принялись устраиваться по близости. Верхоглядъ, съ моею сестрою, — шагахъ не болѣе въ сорока отъ насъ.

Работа кипѣла быстро и черезъ недѣлю гнѣзда были готовы, да такія — что прелесть! особенно наше. Я нечаянно наткнулся на кусокъ стараго войлока, должно быть забытаго пастухами, и понемногу расщипавъ его на куски, перетаскалъ весь. Хватило вволю на устилку, даже можно было подѣлиться съ папа и Верхоглядомъ.

Скоро въ нашихъ гнѣздахъ появилось по два прелестныхъ зеленовато-сѣрыхъ съ бурыми крапинками

яйца, и наши милыя подруги жизни мирно и покойно усѣлись на нихъ, вполнѣ обезпеченныя подъ нашею взаимною охраною.

Какъ незамѣтно прошло урочное время высидки! Помню, я разъ возвратился съ поисковъ за кормомъ и засталъ у себя въ гнѣздѣ двухъ пресмѣшныхъ, но дорогихъ сердцу птенчиковъ. Я тотчасъ же крикнулъ своему сосѣду Верхогляду:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью! и услышалъ его, уже нѣсколько хрипловатое:

Поздравляю!..